



НОВАЯ ПОЛЬША 11/2012

Содержание

1. КАК МИР ВИДИТ НАШУ ИСТОРИЮ
2. ТРИЛЛИОНЕРЫ
3. МЫ ИГРАЕМ В ПЕРВОЙ ЛИГЕ
4. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
5. ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ БУНТА ПРОВИНЦИИ?
6. «ГАРДЗЕНИЦЫ» — ВЫЗЫВАНИЕ ДУХОВ ПРОШЛОГО
7. НЕТ НУЖДЫ ОТПРАВЛЯТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ В МУЗЕЙ
8. ОЛЕАНДР
9. ОТРАВЛЕННЫЙ КРАСОТОЙ
10. КАК ПИСАТЬ О КОРЧАКЕ, КАК ЕГО ПОНЯТЬ?
11. КОРЧАК. ПОПЫТКА БИОГРАФИИ
12. В РОССИИ ПОМНЯТ ЯНУША КОРЧАКА
13. О ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ
14. КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА
15. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
16. КАК МЫСЛИ И КОНЦЕПЦИИ ВЛИЯЮТ НА МИР?

КАК МИР ВИДИТ НАШУ ИСТОРИЮ

О завершившемся в Кракове II Конгрессе зарубежных исследователей истории Польши с профессором Анджеем Хвальбой, президентом краковского отделения Польского исторического общества, беседует Мария Гавранек

— Конгресс собирается уже во второй раз. Какой идеей он руководствуется?

— В первую очередь мы заинтересованы в разговорах. Хотя это может прозвучать банально, но такая предпосылка отнюдь не очевидна в случае научной конференции *sensu stricto*. На конгрессе встречаются исследователи, у которых иначе не было бы шанса поговорить. Норман Дэвис, который во время первого конгресса получил почетную премию, был поражен, что видит вокруг себя 400 исследователей со всех континентов (за исключением Африки), изучающих польскую историю и наследие. И поражен был не только он. Конгресс представляет собой платформу, которая собирает историков с разными взглядами, нашим польским исследователям представляется случай познакомиться с достоянием зарубежных ученых и наоборот. Помимо того, Краков — это нейтральная почва: например, словацкие и венгерские историки, которым не раз бывает трудно вести друг с другом диалог ввиду давних напряженностей между словаками и мадьярами, у нас охотно беседуют. В нашей программе — многочисленные панельные встречи, в которых могут принять активное участие любые зрители. Этот конгресс — огромный шанс для всех жителей Кракова: они могут участвовать в дебатах, которых нет ни в каком другом месте.

— Вы упоминали о многочисленных зарубежных гостях. Откуда они приехали?

— На первом конгрессе было около 130 докладчиков и 400 гостей. На сей раз у нас целых 250 докладчиков и участников панельных дискуссий из 30 стран мира, в том числе Японии и Южной Кореи, и еще 500 зарегистрированных участников. Польша служит для них моделью стран Центральной Европы, и историю земель от Финляндии до Адриатического моря они

изучают с нашей перспективы. Приехали, например, полтора десятка корейцев, которые бегло говорят по-польски, некоторые — с краковским акцентом. Были также гости из Бразилии, Австралии, Израиля, Турции. О катынском преступлении говорила японка.

— Означает ли это, что история Польши вызывает всеобщий интерес?

— К сожалению, нет. Мы вполне сознаём, что во многих странах знания о Польше ничтожны или, возможно, деформированы; отсюда и необходимость в такого рода встречах. Конгресс должен также помочь в построении образа Польши в тех странах, где его попросту нет. Конгресс — это тяжелая трехлетняя работа ради того, что мы гордо называем служением Речи Посполитой. Она служит доказательством того, что обыкновенные люди могут сделать нечто осмысленное для своего государства.

— Какие области польской истории вызывают у иностранных исследователей особый интерес?

— В Европе обращают внимание на фундаментальные документы, внесенные в список ЮНЕСКО. Из польских туда включены акт о религиозной терпимости (варшавская конфедерация 1573 г.), краковская юридическая школа и фигура Павла Влодковица, который был первым, кому пришла в голову мысль о создании европейского союза. К нашему удивлению, Конституция 3 мая менее известна, но зато известен Гуго Коллонтай, который ввел идею об ответственности правительства перед парламентом. Из личностей выделяются Костюшко, Пилсудский, Валенса, Кароль Войтыла. И, разумеется, 21 требование Межзаводского забастовочного комитета августа 1980-го. Бельгийский ученый Идесбальд Годдеерис в гарвардской серии опубликовал книгу о «Солидарности», которая спустя полтора года дождалась второго, расширенного издания. «Солидарность» — это бренд.

— Конгресс предлагает широкий спектр тем — от личностей, которые важны для Центральной Европы, до истории и архитектуры Польши. Какие из них заслуживают особого внимания?

— Да, на конгрессе мы затронули много вопросов. В том числе разговаривали о Кракове XX века, о том, как изменился его культурный ландшафт: к чему привело поглощение Краковом всё новых пригородных населенных пунктов и строительство металлургического комбината в Новой Гуте. В последний день

состоялся симпозиум по рассмотрению будущего Вышеградской группы, который провел сенатор Януш Сепёл. В нем приняли участие, в частности, Адам Ротфельд, бывший министр иностранных дел, и Магда Вашарёва, бывший посол Словакии в Польше.

— Кто еще из видных гостей приехал?

— Прежде всего Алекс Сторожинский, профессор Костюшковского фонда, который недавно получил в Тарнове премию полонийных СМИ. Этот журналист, награжденный Золотым крестом польского ордена «За заслуги», был первым в США и во всем мире, кто начал противиться обидным и несправедливым формулировкам типа «польские лагеря смерти», которые в настоящий момент уже вызывают всеобщее возмущение. На пресс-конференции Януш Цисек, заместитель министра иностранных дел и европеист, высказался по поводу того, что вскоре может появиться голливудский фильм о Костюшко по сценарию Сторожинского.

— Во время конгресса были вручены три премии...

— Да. «Pro Historia Polonorum» за самую лучшую историческую книгу, изданную за границей в течение последних пяти лет, — ее учредил маршал Сената Богдан Борусевич. Мы вручили также премию им. Вацлава Фельчака и Генрика Верещицкого для авторов наиболее интересных книг о Центральной Европе. И, разумеется, премию им. Януша Богдановского.

ТРИЛЛИОНЕРЫ

Есть триллион! Впервые в истории «списка 500» доходы крупнейших польских фирм перешагнули границу в триллион злотых. Это свидетельствует о неплохом состоянии экономики, но еще и о консолидационных процессах, которые приводят к тому, что крупные фирмы становятся всё больше и больше.

В 2010 г. фирмы из нашего списка находились на волосок от рекорда — они зафиксировали 984 млрд. зл. доходов. В минувшем году было уже 1110 млрд. зл. Это производит впечатление, принимая во внимание, что весь ВВП Польши в 2011 г. составил 1522 млрд. зл. Рост доходов (за год в сравнении с предыдущим годом) был несколько ниже, чем в 2010 г., но и так превышал темп, в котором росла вся польская экономика в 2011 г. (4,3%). Быстрее росли также прибыли компаний из нашего списка. В общей сложности нам удалось насчитать 62,8 млрд. зл. прибыли брутто. Не все фирмы хотели хвалиться данными о прибылях или убытках.

К счастью, растет число биржевых акционерных обществ, которые обязаны предоставлять обстоятельные сведения о своей экономической ситуации. В нашем списке таких уже 123, о них мы знаем больше всего. Потому что «список 500» — вовсе не оазис счастья. Здесь можно найти фирмы с успехами, но и с трудностями тоже — меньшими или большими. Примером служит компания «Дольношлёнске суровце скальне» (DSS, «Нижнесилезское скальное сырье») (позиция 342) — несколько дней назад суд объявил о ее банкротстве. Эта фирма обрела широкую известность, войдя в консорциум с китайской фирмой COVEC, которая строила участок автострады A2 Варшава — Лодзь, а после ухода китайцев пыталась продолжать реализацию контракта. Оказалось, что даже продолжавшийся как раз тогда бум, связанный с инфраструктурными инвестициями и с выгодой использовавшийся многими фирмами из нашего списка, — не универсальная гарантия успеха.

Трудности колосса

«Список 500» традиционно открывает Польский нефтяной концерн «Орлен». В сущности, он образует отдельную категорию и соревнуется сам с собой — спортсмен международного класса, выступающий в отечественной лиге.

От №2 в списке текущего года, группы «Лотос» (продвижение вверх с 5-го места), «Орлен» отделяет около 50 млрд. зл. дохода. Вдобавок группа «Орлен» не консолидирует свои результаты на национальном уровне, так что помимо материнского общества на более далеких позициях списка мы найдем целый ряд дочерних компаний, в частности, «Орлен ПетроЦентрум» (21), группу «Анвиль» (79), «Орлен Петротанк» (83), «Орлен Газ» (152), «ОрленАсфальт» (170), нефтеперегонный завод (НПЗ) «Тшебиния» (186), «Петролёт» (192), «Орлен Ойл» (217), НПЗ «Едличе» (467). В общей сложности у попавших в наш список акционерных обществ, которые принадлежат к группе «Орлен», доходы превышают 100 млрд. зл.

Среди политиков господствует убеждение, что чем больше компания, тем лучше, — поэтому «Орлен» в мечтах видится им огромным. В результате этот концерн по разнообразным причинам, не до конца относящимся к бизнесу, стал владельцем международного конгломерата компаний, в состав которого входят, среди прочих, литовская «Орлен Лиетува» (НПЗ в Мажейкяе) или чешская «Унипетроль». Это не особенно прибыльные фирмы, поэтому «Орлен» был вынужден уменьшить прибыль за прошлый год. После 3,2 млрд. зл. в конечном итоге стало 2,4 млрд. — ввиду необходимости совершить отчисления, актуализирующие стоимость имущества. Всю прибыль нетто — 1,4 млрд. зл. — концерн решил предназначить на резервный капитал. Акционеры снова не увидят дивидендов.

«Орлен» должен вести поиски сланцевого газа, потому что так требует министр государственной казны, а это стоит немалых денег. В прошлом году удалось, к счастью, продать акционерное общество «Полькомтель» (№24), в котором «Орлену» принадлежал значительный пакет акций. Благодаря вырученным деньгам концерн старается снизить свою задолженность и найти средства на развитие. Процедура продажи «Анвиля» и поиски покупателя для литовского Мажейкяя не принесли, однако, результата. К сожалению, сейчас не самое лучшее время для продажи чего угодно из таких отраслей, как переработка нефти и нефтехимия. Рынок становится всё более трудным. Правда, доходы благодаря дорожающей нефти растут, но с прибылями есть проблема. Растущие цены на топливо приводят к падению продаж, вдобавок правила о биотопливе навлекают на концерн убытки. «Орлен», хотя он и большой, стоит на зыбкой почве. У него очень развиты такие сегменты, как переработка нефти и торговля, но ему не хватает добывающего сегмента. Тем временем зарабатывают сегодня на добыче нефти, а ее

переработка не особенно выгодна. Таким образом, ситуация лидера выглядит в целом не наилучшим образом.

Получше чувствует себя вице-лидер «списка 500» этого года — группа «Лотос». Фирма, которой уже десять лет руководит Павел Олехнович (рекорд среди акционерных обществ, контролируемых государственной казной), начала пожинать плоды многолетних инвестиций в свою программу «10+» (ее главная цель состояла в увеличении объемов переработки и более глубоком рафинировании нефти). «Лотосу» приходится, однако, преодолевать те же проблемы, что и «Орлену». Он борется с дорогой нефтью, с барьером спроса на топливо, с обслуживанием высокой задолженности. Вдобавок у него неприятности с инвестицией в зарубежное месторождение нефти. Замысел был хорош, вот только компаньон — концерн «Талисман», который отвечает за эксплуатацию месторождения «Имэ» на норвежском шельфе, — подвел, и в результате нефти как не было, так и нет. А время бежит, и кредиты на инвестицию надо выплачивать. О ситуации группы «Лотос» свидетельствует и недавняя попытка продать контрольный пакет этой фирмы, предпринятая министром государственной казны. Из-за отсутствия желающих вопрос о продаже решили отложить до лучших времен.

Государственный бизнес

Если бы ограничить анализ «списка 500» этого года первыми двадцатью фирмами, то может сложиться впечатление, что в течение 19 лет, прошедших с момента, когда мы начали печатать наши сводные данные, в польской экономике не произошло особых изменений. Бессменно царят крупные предприятия топливно-энергетического и горнодобывающего секторов: «Орлен», «Лотос», PGE («Польская энергетическая группа»), PGNiG («Польская добыча нефти и газа»), «Таурон», KGHM («Горнодобывающий комбинат меди»), «Угольная компания», «Энерга», «Энеа», JSW («Ястшембская угольная компания»). Как если бы ПНР — с ее пристрастием к тяжелой промышленности — совсем не исчезла. Правда, теперь это уже не государственные предприятия, а зарегистрированные на бирже акционерные общества, но все они контролируются государственной казной, иначе говоря — политиками. Ранг и финансовые показатели этих компаний в значительной мере являются результатом гарантированной монопольной или доминирующей позиции на рынке, а также административных решений рыночного регулятора (газ, электроэнергия).

Это не та экономика на основе науки, которая должна стать нашим будущим. Мечта о польской «Нокии», о большой фирме,

которая поразит мир своими инновационными решениями, по-прежнему остается неосуществленной. Даже такие присутствующие в нашем списке крупные компании из области информатики, как, например, «Ассеко» (41) или «Сигнити» (361), значительной частью своих доходов обязаны публичным контрактам. Фирма «Ассеко» унаследовала от поглощенной ею фирмы «Prokom Software» обслуживание национальной системы социального страхования, а от приобретенной фирмы ABG — обслуживание Агентства реструктуризации и модернизации сельского хозяйства.

Среди клиентов фирмы «Сигнити» — в частности, министерство юстиции (система общенационального регистра недвижимости), министерство администрации (Всеобщая электронная система учета населения), министерство финансов (электронные налоги) и обслуживание системы голосования в зале Сейма. Большинство присутствующих в списке польских фирм из сферы информационных технологий занимается программистскими услугами или попросту продает компьютерное оборудование.

Эффект Евро-2012

Публичные заказы — сегодня один из моторов, разгоняющих польскую экономику. Это видно по «списку 500» нынешнего года. Высокие позиции строительных компаний и продвижение многих из них вверх можно признать результатом инвестиций, связанных с Евро-2012. Особенно это касается фирм, занимающихся инфраструктурным строительством, хотя не только. Компания «Новый стиль» из Кросно, которая продвинулась вверх примерно на тридцать позиций (став 244-й), производит не только традиционные стулья, но и кресла для стадионов. Все четыре польских стадиона, строившихся для Евро-2012, оснащены сиденьями от фирмы «Новый стиль».

Большинство строительных компаний поднялось в нашем списке, в частности «Будимэкс» (с 55-го места на 33-е), «Полимэкс-Мостосталь» (с 45-го на 44-е), «Группа Сканска» (с 52-го на 45-е), «Бильфингер Бергер» (с 252-го на 240-е).

Однако абсолютный рекорд принадлежит акционерному обществу «Тракция-Тильтра», специализирующемуся на железнодорожном строительстве: 256 позиций вверх! Продвижение с 388-го места на 132-е — это результат не только прошлогоднего приобретения польской компанией «Тракция Польша» («Тяга...») литовской «Тильтры», но, прежде всего, раскручивающегося наконец-то инвестиционного процесса на

польских железных дорогах. В течение ближайших трех лет на рельсах можно будет заработать 20 млрд. зл. Существует лишь несколько специализированных фирм. Поэтому нет ничего странного в том, что у фирмы «Тракция-Тильтра» во главе с Мацеєм Радзивиллом портфель уже заполнен заказами на 3,5 млрд. зл. Так что в следующем году ее наверняка ждет очередное продвижение вверх.

От «Божьей коровки» до «Мартышки»

Любопытные вещи происходят в торговле. Португальцы держатся крепко, зато немцы — послабее. Германский концерн «Metro Group» («Makro Cash & Carry», «Media Markt», «Saturn», «Real») закончил год в минусе. Каких в точности результатов он добился в Польше, не сообщается, но, учитывая небольшой рост общей стоимости продаж (всего лишь 60 млн. зл.), можно вынести впечатление, что немцам не удалось использовать неплохую конъюнктуру в польской торговле. В итоге с 6-го места они съехали на 8-е.

Зато португальский концерн «Jeronimo Martins Dystrybucja» («Жерониму Мартинс распределение»), владелец сети «Бедронка» («Божья коровка»), удерживается в узкой головной группе. Как и год назад — на 4-м месте. Объем продаж в его магазинах, которые в последнее время из дешевых дискаунтеров превращаются в супермаркеты, вырос на 20,4%. Более чем половиной общей стоимости продаж JMD обязан нашему рынку, а поскольку на португальском рынке кризисная ситуация, то фирма вкладывает всё больше энергии в развитие польского бизнеса. У нее уже 1873 магазина, а в 2015 г. она хочет дойти до 3 тысяч. Неплохо также обстоят дела у сети «Еврокэш» (оптовые рынки и «Деликатесы-Центр»). Фирма, глава которой, он же главный акционер, португалец Луис Амараль (бывший глава «Бедронки»), приобрела недавно фирму «Традис». А в нашем списке продвинулась с 20-го места на 15-ое.

Стоит при этом обратить внимание, что ни «Еврокэш», ни «Бедронка» не создавались португальцами с нуля. В обоих случаях создателем был поляк Мариуш Свитальский. Этот широко известный в 1990-х, хотя и всегда остающийся в тени познанский бизнесмен оказался исключительно талантливым учредителем торговых сетей. Его творения — не только «Еврокэш» и «Бедронка», но и сеть малых магазинов «Жабка» («Лягушка») (продвижение со 102-го на 93-е место). Свитальский раскручивает бизнесы и затем продает их. Оптовые рынки и дискаунтеры купили португальцы, а «Жабка», приобретенная в 2000 г. фондом AIG, в прошлом году

попала в руки очередного фонда — «Mid Europa Partners». Тем временем у Свитальского нет недостатка в новых идеях. Он развивает сеть малых торговых галерей «Червона торебка» («Красная сумочка»), а также похожих на «Жабку» магазинов «Малпка экспресс» («Мартышка экспресс»). Божья коровка, лягушонок, мартышка... — какую еще торговую тварь он придумает?

У поляков есть талант к торговле, это видно по нашему списку. Доказательством служит успех польских компаний LPP и NG2. За этими странными названиями скрываются два лидера рынка — по торговле одеждой и обувью. Акционерное общество LPP (продвижение со 120-го места на 114-е) проектирует и заказывает пошив одежды на Дальнем Востоке, а затем продает свои изделия в сети из почти тысячи магазинов со звучащими по-английски названиями («Reserved», CROPP, «House», «Mohito»). Похожим методом в случае обуви пользуется компания NG2, которую возглавляет и контролирует Дариуш Милк. У нее уже свыше 700 магазинов (CCC, «Boti», «Quazi»), и она находится на 226-м месте.

Достойны упоминания также успехи двух малоизвестных торговых сетей. Центральные офисы обеих располагаются в Жешуве; это компания «Специаль» (сеть «Наш склеп» — «Наш магазин»), которая с 64-го места продвинулась на 60-е, и акционерное общество «Бать-Пол», занимающееся продовольственными оптовыми рынками (237-е место). «Специаль» динамично развивается, приобретая очередные оптовые рынки. Владелец и президент этого акционерного общества Кшиштоф Токаж обещает, что к концу 2013 г. оно станет вторым игроком на рынке продовольственной оптовой торговли. Фирма хочет создавать сеть очень дешевых магазинов (жестких дискаунтеров) «Цент».

Развивается и «Левиафан холдинг» (продвижение с 25-го места на 23-е) — польская франчайзинговая сеть, куда входят владельцы магазинов, действующих под общей маркой, пользующихся совместными закупками и т.д. «Левиафан» включает уже 2,7 тыс. магазинов и 17 региональных компаний, а также ведет переговоры по подключению еще нескольких очередных торговых групп. Консолидация торговли набирает темп. Появилась информация о возможном союзе сети «ПОЛОмаркет» (76) с занимающей 30-е место «Эмеперией» (такие сети, как, в частности, «Стокротка» — «Маргаритка», — «Делима», «Маро маркет»). Аппетит на «Стокротку» есть и у других крупных операторов, в том числе и у владельца сети «Жабка». Видно, что в торговле может произойти еще многое. В

чём мы наверняка убедимся при опубликовании «списка 500» будущего года.

МЫ ИГРАЕМ В ПЕРВОЙ ЛИГЕ

— Роль Польши — особенно в Евросоюзе — в последнее время возрастает. В какой области это заметнее всего?

— Мы стали государством, с которым необходимо считаться. База для этого закладывалась на протяжении 20 лет, начиная с 4 июня 1989 года. Нашим предшественникам мы должны быть за это благодарны. Однако меня не покидает ощущение, что изменения в восприятии Польши произошли при нашем нынешнем правительстве; я называю его коалицией солидного городского населения с последовательным крестьянством. За границей по достоинству оценивают тот факт, что мы не кричим о своих достижениях, зато много и упорно работаем.

Приведу пример: в прошлом году президент Обама избрал Польшу местом проведения встречи с лидерами стран всего региона. Этим было подчеркнуто особое значение польско-американских отношений. В текущем году подобная региональная конференция в Польше проходила с участием Вэнь Цзябао, главы правительства страны со второй крупнейшей экономикой мира. Премьер-министр КНР посетил Польшу впервые за четверть века. Я считаю, что некое одноразовое событие можно считать дискуссионным, но если событие происходит дважды, то оно уже становится трендом.

Никогда еще в нашей истории мы не продвигались вперед так быстро. За 22 года в нашей стране ВВП возрос в 3,5 раза — на данный момент его объем составляет более 700 млрд. долларов. По прогнозу на 2017 год, его объем может составить триллион долларов. В прошлом году ООН впервые признала Польшу развитой страной. Наша экономика на 20-м месте в мире. По объему ВВП мы опережаем Бельгию, Швецию и Голландию. Короче говоря, мы вошли в первую международную лигу. Пока что нам в этой лиге везет. И нам следует закрепить эту позицию.

— Какого из успехов Польши вы ожидали меньше всего?

— 23 года тому назад, когда в Польше состоялись выборы, имевшие переломное значение, я всё еще был эмигрантом. Я с трудом представлял себе, что Польша может вступить в НАТО и ЕС, что она сможет уверенно бросить якорь на Западе. И, разумеется, я тогда не поверил бы, если бы мне кто-то сказал, что польскую экономику начнут ставить в пример. И польскую

государственную финансовую систему — тоже. 25 лет назад наша страна была банкротом — причем в буквальном смысле слова, а не в переносном. Также впервые в истории у нас в Польше появился средний класс западного образца. Этого никогда прежде не было.

— Почему поляки без энтузиазма воспринимают свои успехи? Есть ли какое-нибудь более разумное объяснение этому, а не только ссылки на нашу вечную способность быть недовольными?

— Лучшего объяснения и не требуется. Вечно быть недовольными — это наша национальная специфика.

— А что вас больше всего раздражает в Польше?

— Я скажу, что меня больше всего раздражает в польском государстве и его чиновничьей субкультуре: стремление перестраховаться, нежелание брать на себя ответственность. Вообще нам не хватает смелости и размаха в планировании действительности. На протяжении столь многих десятилетий — и в период разделов, и при коммунизме — нашей проблемой был довольно узкий горизонт планирования. Мы всегда делали расчет не больше чем на несколько лет вперед. И сегодня у нас отсутствует инстинкт создания институтов или инфраструктуры на поколения вперед — на 50 или 100 лет. Один раз, но как следует.

— Поляки сегодня относятся к евро с энтузиазмом, пожалуй, даже с самым большим среди народов Европы. Но что нам это обещает в обстоятельствах, когда зона евро может развалиться? Мы же станем всего лишь свидетелями этого события, ибо противодействовать не сможем.

— Во-первых, я надеюсь, что польский евроэнтузиазм — это не только вопрос трансфертов нетто из Брюсселя. Думаю, что у него более глубокие корни. Что поляки понимают: европейская интеграция — это контекст, в котором мы можем быть не только в безопасности, но и влиятельными. Это важно еще и потому, что дает шанс наверстать отставание в плане материальном.

Во-вторых, наибольшую угрозу для Польши сегодня представляет падение зоны евро, а не что-либо иное — терроризм или русские танки. Мы болеем за те страны, которые стараются вытащить Европу из кризиса. Но надо себе прямо сказать, что и на крупнейших европейских странах лежит ответственность за кризис, а не на одной Греции. Германия —

это вовсе не только невинная жертва: в прошлом она тоже нарушала пакт о европейской стабильности.

И у нас, поляков, тут тоже есть причина для удовлетворения. Благодаря нашей готовности удерживать финансовую систему в узде мы получили хорошую прививку против этого кризиса.

— Польша не хочет упадка Греции. А с другой стороны, хорошо было бы найти какое-то решение. Иначе до тех пор, пока будущее Греции остается неясным, и с нашим вступлением в зону евро придется подождать.

— Я не хочу гадать по поводу будущего Греции. Но что касается Польши, то мы войдем в зону евро тогда, когда для нас это будет выгодно и когда еврозона будет к этому готова. На это уйдет несколько лет.

— Мы находимся очень близко к Германии. Это Польшу укрепляет, но вместе с тем не сокращает ли это свободу нашего маневра? Иногда наши интересы взаимно противоречивы.

— Раскрою вам секрет: те или иные спорные вопросы у нас есть со всеми соседями. Почти всегда у всех государств существуют спорные вопросы с соседями. И противоположные мнения по важным темам. Но независимо от этих спорных вопросов можно иметь хорошие или плохие отношения, и зависят они от того, реагирует ли наш партнер на наши требования или нет. А Германия реагирует. Никогда еще Германия не была такой демократической, настолько желающей сотрудничества с Польшей. Если Германия с Польшей согласовывают европейскую политику, политику в отношении Украины, Белоруссии и России, то это уже что-то совсем новое. И это новое следует ценить.

— Поляки всегда опасались, что Германия может стать пророссийской, что ей не важны Белоруссия или Украина. Между тем дело дошло до весьма заметной перемены: канцлер Германии Ангела Меркель хотела организовать европейский бойкот Украины, а Польша заняла в этом вопросе примирительную позицию. Вот этого я бы никогда не ожидал.

— На протяжении последних недель ощущается результат нашего спокойствия. Мы повторяли: властям Украины надо прямо говорить, с чем мы не согласны, однако возможный бойкот матчей Евро, как когда-то бойкот Олимпиады в Москве 1980 г., ударит главным образом по обществу Украины. Сегодня

наши партнеры занимают более близкую к нашей позицию. А то, что некоторые политики не будут присутствовать на матчах, так это их решение. Я вернусь к предыдущему вопросу: сейчас между нами существуют политические и персональные договоренности, благодаря которым Польша находится в добрых отношениях с Германией. Но во внешней политике ничего нельзя получить навсегда. Если Германия изменит свою внешнюю политику, то и мы изменим нашу.

— Разговоры о российско-польском примирении всегда велись как бы авансом. Но, по всей вероятности, оно не наступит никогда.

— Примирение всегда бывает болезненным, ибо достигается между бывшими врагами.

— Приближается Евро^[1]. И у нас как раз возник большой шум в СМИ в связи с роликом Би-Би-Си, содержащим призыв: «Лучше останьтесь дома, у телевизоров. Вы можете вернуться в гробу. Поляки — это антисемиты и расисты». Мы заслужили такую оценку?

— С одной стороны, в этом ролике отразилась масса предубеждений и упрощений. Эта любительская продукция очень для нас неприятна. Но с другой — у меня накопилась целая стопка переписки с прокуратурой. В письмах, с которыми я на протяжении многих месяцев обращаюсь как министр, отвечающий за образ нашей страны за границей, звучит только одно: пора наконец умерить расизм на стадионах и язык ненависти в интернете.

А потом мы удивляемся роликам Би-Би-Си. Каждый, кого задевают несправедливые, необъективные высказывания о Польше, должен быть столь же возмущен поведением расистов на стадионах и в интернете — польский интернет чрезвычайно агрессивен, и чрезвычайно много в нем хамства. Мы должны бороться с вредными стереотипами о Польше. Но мы должны бороться и с теми, кто дает пищу для таких стереотипов.

— Существует ли третий путь между необходимостью подставлять щеку, убеждая себя, что полученные Польшей пощечины заслужены, и необходимостью постоянно защищаться от ложных обвинений? Это может производить впечатление, что в нас сидит какой-то комплекс неполноценности.

— Двенадцать лет назад я, будучи заместителем министра иностранных дел, издал инструкцию, в соответствии с которой

следовало отвечать на все упоминания о «польских лагерях». Тогда перед нами извинился хотя бы Тед Тернер (основатель телеканала Си-Эн-Эн. — Ред.). Надо реагировать. Это вопрос нашего повседневного патриотизма. Мы должны отстаивать доброе имя Польши. Этим должно заниматься не только правительство. Я чрезвычайно благодарен тем, кто присылает петиции или шлет мейлы. Это очень важно. Мой опыт свидетельствует об одном: если нет давления, то нет и отклика.

И в этом должны заключаться наш патриотизм и служение обществу. Это должны быть спокойные, без крика, и вместе с тем последовательные, иногда даже скучные действия. И тогда спустя еще четверть века Польша уже прочно займет свое место в первой лиге.

Беседу вел Мацей Новицкий

-
1. Беседа состоялась в июне, еще до начала чемпионата.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- «Мы должны преобразоваться в федерацию национальных государств», — Жозе Мануэль Баррозу, председатель Европейской комиссии. («Газета выборча», 13 сент.)
- «Вчера в Сопоте открылся Европейский форум новых идей (ЕФНИ). «В 80-е годы говорили, что у нас ничего не выйдет, что мы не сможем освободиться от коммунизма. Сейчас скептики говорят, что невозможно европейское единство. Однако у нового поколения нет другого выбора», — заметил бывший президент Лех Валенса». (Хуберт Козел, Агнешка Стефанская, «Жечпосполита», 27 сент.)
- «Национальные лидеры поручили председателю Европейского совета Херману ван Ромпею разработать план окончательного оформления валютно-экономического союза. Первый проект разослан представителям стран ЕС». (Анна Слоевская, «Жечпосполита», 5 окт.)
- «Польша, расположенная в очень опасном месте, хочет обрести суверенитет, а США — по своим причинам — хотят, чтобы Польша этот суверенитет сохранила (...) В то время как остальная Европа будет входить в фазу упадка, Польша займет стратегическое место (...) Евросоюз может существовать и дальше, как продолжает существовать НАТО, но значение обеих структур будет уменьшаться», — Джордж Фридман, гость ЕФНИ в Сопоте. («Газета выборча», 29-30 сент.)
- «НАТО не работает. Частично из-за того, что многие его члены не располагают реальными военными ресурсами, а частично — потому что у альянса нет миссии и целей (...) На всякий случай Польша должна быть способна к самообороне (...) Если страна хочет защитить свою безопасность, это требует самоотверженности. Как в Израиле (...) Даже если Россия и Германия связывают с Польшей самые благие намерения, вы должны помнить, что они руководствуются собственными национальными интересами. А Польша расположена между этими двумя государствами», — Джордж Фридман. («Жечпосполита», 26 сент.)

• «Израиль создали польские евреи (...) Я приехал туда ребенком в 1947 году и прекрасно помню, что везде была слышна польская речь, а самые высокие должности занимали евреи из Польши (...) Именно они построили эту страну. Первое правительство: 13 министров, из них семеро — из Польши. Первый парламент: 120 депутатов, и 51% — из Польши (...) Декларация независимости: 39 подписей, в том числе 21 — из Польши (...) Все ректоры Еврейского университета [— тоже из Польши]. Из Польши приехали наш крупнейший национальный поэт Натан Альтерман, наш знаменитейший композитор Моше Виленский, чьи песни до сих пор поют во всем Израиле, создатель великолепной израильской филармонии Бронислав Губерман. Перечислять можно без конца. Израильская элита до сих пор состоит преимущественно из потомков польских евреев», — Шевах Вейс. («Бунт молодых духэм», июль-август. Из книги: *Takie buty z cholewami*. Szewach Weiss rozmawia z Anną Jarmusiewicz. Kraków: Wydawnictwo M, 2012)

• «Участие в войнах в Ираке и Афганистане замедлило реформы и изменения в армии. Сегодня я хочу завершить техническую модернизацию ВМФ, противовоздушной и противоракетной обороны, вертолетных войск, а также усовершенствовать систему командования. Теперь, после уменьшения численности армии, мы должны сократить и упростить командные структуры», — президент Бронислав Коморовский. («Жечпосполита», 6-7 окт.)

• «Четыре месяца польские летчики охраняли воздушное пространство стран Балтии: Литвы, Латвии и Эстонии (...) Поляки участвовали в миссии «Baltic Air Policing» уже в четвертый раз (ранее в 2006, 2008 и 2010 гг.) (...) До них эту задачу выполняли немецкие пилоты, а теперь (...) она символически передана летчикам из Чехии». (Казимеж Сикорский, «Польска», 10 сент.)

• «“Любое сомнение относительно хода октябрьских [парламентских] выборов на Украине перечеркнет европейские устремления Киева. Выборы будут тестом, насколько эта страна свободна и демократична”, — сказал в четверг в Варшаве министр иностранных дел Радослав Сикорский». («Газета wyborcza», 21 сент.)

• «В ходе визита в Киев президент Бронислав Коморовский подтвердил, что Польша поддерживает европейские устремления Украины. Однако препятствием на пути Украины в ЕС может стать дело бывшего премьер-министра Юлии Тимошенко». («Газета wyborcza», 21 сент.)

• «Вчера президент Бронислав Коморовский встретился [в Варшаве] с Виталием Кличко. Чемпион мира по боксу и лидер партии УДАР был одним из представителей украинской оппозиции, которых президент пригласил в Бельведер [во время визита на Украину]. После полудня президент беседовал также с бывшим президентом Украины Виктором Ющенко». («Жечпосполита», 2 окт.)

• «“Невозможно по-настоящему решить какой бы то ни было конфликт без компромисса”, — сказал в среду участникам Генеральной ассамблеи ООН президент Бронислав Коморовский (...) При этом он напомнил об опыте «круглого стола», когда «сторона, стремившаяся к революционным переменам, проявила способность к самоограничению», а также всей Европы, которая сумела объединиться после трагедии Второй Мировой войны». (Томаш Дептула, «Жечпосполита», 27 сент.)

• «Я никогда не забуду разговора с генералом [Войцехом Ярузельским] в конце 80 х. Он позвонил и говорит: «Михаил Сергеевич, «Солидарность» — это не горстка экстремистов, а массовое профсоюзное движение, в котором участвуют миллионы поляков. Мы не можем его игнорировать» (...) Я тогда подумал, как трудно Ярузельскому произносить эти слова, предлагать переговоры движению, стоящему по другую сторону баррикад (...) Он спросил, что я думаю об идее организовать «круглый стол». Я без колебаний ответил, что он может рассчитывать на мою полную поддержку (...) Часто я размышляю, когда же наконец поляки начнут относиться к генералу с должным уважением. Через год ему исполняется 90 лет — самое время по справедливости оценить то, что он сделал для вашей страны», — Михаил Горбачев. («Впрост», 24–30 сент.)

• «На Украине президент Бронислав Коморовский участвовал в открытии Польского воинского кладбища в Быковне под Киевом — четвертого катынского мемориала после некрополей в Катынском лесу, Медном и Харькове, — на котором покоятся более трех тысяч поляков. Кроме того, президент провел переговоры с Виктором Януковичем об интеграции Украины в ЕС». («Тыгодник повсехный», 31 сент.)

• «“Здесь, в Быковне, мы как ни в одном другом месте чувствуем общность польских и украинских судеб”, — сказал вчера президент Бронислав Коморовский на открытии четвертого катынского кладбища под Киевом (...) В свою очередь президент Украины Виктор Янукович сказал: «Здесь лежат украинские ученые и художники, поэты и писатели. Кровавую цену заплатили мы за нашу свободу». «В Быковню

тела жертв НКВД привозили на грузовиках и на специальном грузовом трамвае №23, ходившем из Киева в Бровары», — гласит надпись при входе на польское и украинское кладбище жертв сталинизма. Рядом стоит железнодорожная платформа». («Газета wyborча», 22–23 сент.)

• «Как мог секретарь Совета охраны памяти борьбы и мученичества Анджей Кунарт (...) даже не заикнуться на открытии воинского кладбища в Быковне о других жертвах, кроме 3435 похороненных там польских граждан? Ведь он прекрасно знает, что в той же самой украинской земле лежат без всяких памятников почти 200 тысяч зверски убитых польских крестьян (...) Если бы волынскую резню устроили русские, то памятник жертвам стоял бы в каждом городке. Полтора десятка лет подряд мы изо дня в день говорим о Катыни. А о Волыни? Этой темы не существует. Почему? Потому что по-прежнему остаются жертвы, достойные памяти, — офицеры, и жертвы недостойные — солдатская масса из простых крестьянских семей», — Ежи Доманский. («Пшеглэнд», 30 сент.)

• «Национальный архив США опубликовал на своем сайте несколько тысяч документов на тему катынского преступления, которые однозначно свидетельствуют: администрация президента Рузвельта еще в 1943 г. знала, что ответственность за смерть польских офицеров несет Советский Союз». («Тыгодник повшехный», 23 сент.)

• «Русские пострадали от коммунизма больше, чем поляки. Сталин устроил нам Катынь, но у русских было сто Катыней. В лагерях и ссылках их потери были более тяжелыми, чем у поляков. Нужно говорить, что мы, новое поколение поляков, не несем ответственности за [действия гетмана Станислава] Жулковского в Москве [в 1610 г.], но и вы не несете ответственности за преступления и ошибки ваших предков. Мы протягиваем вам руку», — Ян Карский. («Газета wyborча», 24 сент.)

• «Интересуется ли кто-нибудь из наших лидеров, ведущих переговоры с российскими партнерами, судьбами политзаключенных? О них не позаботились польские церковные иерархи, некогда поддерживавшие нашу оппозицию, не заступились за них и представители власти, которые сами были оппозиционерами (...) При этом неважно, какая политическая группировка находится в Польше у власти: борющиеся с авторитаризмом российские граждане одинаково безразличны и правым, и либералам (...) У нас еще хватает смелости защищать лукашенковских политзаключенных. Но

ссориться с Москвой нам совсем не хочется (...) Низкий поклон Ежи Бузеку, который в 2010 г., будучи председателем Европарламента, протестовал против беззакония в отношении участников акций «Стратегии-31». (Статья 31 конституции Российской Федерации гласит: «Граждане Российской Федерации имеют право собираться мирно без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование»)), — Кристина Курчаб-Редлих. («Жечпосполита», 14 сент.)

- «В среде вьетнамских иммигрантов Польское общество вьетнамцев считается придатком вьетнамской компартии (...) Общество открыто приглашало в Варшаву сотрудников министерства госбезопасности, обеспечивая им проживание и помогая вести оперативные действия на территории Польши», — Нат Вьет Хонг, главный редактор издающейся в Польше оппозиционной газеты «Дан Тим Вьет», 15 лет живет в Польше без права возвращения во Вьетнам. («Впрост», 24-30 сент.)

- «Учите китайский! Приглашаем на II ярмарку «China Expo Poland» и финал Всепольского конкурса по китайскому языку. Мероприятия пройдут в Варшаве 20-22 сентября 2012 г. по адресу: ул. Марса, 56с (...) Всем записавшимся на курсы китайского языка на ярмарке предоставляется скидка 10%. Варшавская Китайская школа — крупнейшая в Польше. Общее число наших учащихся и выпускников — около тысячи человек», — из объявления. («Дзенник — Газета правна», 18 сент.)

- «В 2011 г. поляки снова начали уезжать на работу за границу — впервые с 2007 г. число эмигрантов выросло. Сейчас оно составляет 2,06 млн. человек — на 60 тысяч больше, чем к концу 2010 года (...) Эмиграция выросла, несмотря на то, что экономический рост достиг в Польше 4%, а вокруг бушевал кризис. Поляков стало больше в Великобритании, Германии и Норвегии (...) Главный мотив эмиграции — возможность зарабатывать значительно больше, чем на родине, даже если это связано с более высокой стоимостью жизни». (Патриция Мацеевич, Ивона Кадлучка, «Газета wyborча», 26 сент.)

- «Экспорт сбавляет обороты: в течение первых трех месяцев [текущего года] он был на 1,8% выше, чем год назад, а в течение трех следующих — уже всего на 0,5%. В целом объем экспорта составил 6,3 млрд. евро. Импорт — после небольшого 1 процентного роста в первом квартале — в следующем квартале снизился на 4,7% в годовом исчислении (до 7,4 млрд. евро) (...) Обращает внимание, что растет объем продаж продуктов питания, особенно в Россию и на Украину. В течение шести

месяцев фирмы продали в Россию и на Украину товаров на сумму 3,5 млрд. евро (рост на 22,8%) (...) Прежде всего это заслуга фирм, занимающихся переработкой сельхозпродуктов (...) В целом динамика экспорта в страны ЕС падает (36,1 млрд. евро за полгода), а на развивающиеся и слаборазвитые рынки — растет (11,7 млрд. евро)». (Александра Фандреевская, «Жечпосполита», 25 сент.)

• «Во втором квартале предприниматели сократили недельное рабочее время — в среднем на час по сравнению с предыдущим кварталом (...) С мая объем производства постоянно уменьшается, а в сентябре темп падения был самым высоким с июня 2009 года. В течение восьми месяцев количество новых заказов (...) упало до минимального уровня за последние 39 месяцев. Показатель уровня занятости впервые с марта 2012 г. упал ниже нейтральной отметки 50% (...) После исключения сезонных факторов в августе уровень безработицы составил 12,8% (по официальным данным — 12,4%)». (Александра Фандреевская, Агнешка Каминская, «Жечпосполита», 2 окт.)

• «В этом году во всей Польше работодатели не заплатили работникам в общей сложности почти 138 млн. злотых (...) Из постановлений Государственной трудовой инспекции следует, что 87 тыс. человек не получили вознаграждения за труд и других выплат, в т.ч. 50,5 тысячи остались без зарплаты. Проблемы с выплатами испытывали 11,2 тысячи из 46 тыс. фирм, проконтролированных за первые восемь месяцев 2012 года». (Кшиштоф Лаква, «Газета wyborча», 21 сент.)

• «Затягивать пояса поляки начали с продуктов. Правда, мы не покупаем меньше, а ищем магазины, где можно купить дешевле (...) Мы выбираем дискаунтеры, оптовые склады и рынки, где товары дешевле на 10–30% (...) Начиная с 2007 г. доля дискаунтеров в розничной торговле удвоилась и достигла 15%. За это же время доля маленьких магазинов уменьшилась с 46 до 39% (...) Резко, на целых 45%, уменьшилось количество одежды, поступившей в магазины от производителей и импортеров (...) В последнем квартале крупнейшие сети кинотеатров, театры, филармонии зафиксировали почти 30-процентное падение продаж билетов (...) За первые месяцы текущего года объем продаж лекарств уменьшился на 16%, т.е. на 1,1 млрд. злотых». (Эва Весоловская, Патриция Отто, «Дзенник — Газета правна», 13 сент.)

• «В минувшем году из-за финансовых трудностей 41% поляков отказался от медицинских услуг. Это худший результат среди изучавшихся 10 европейских стран и США. Меньше всего людей (только 4%) отказалось от лечения в

Швеции. Таковы результаты последнего исследования, проведенного центром «Health Barometer» (...) Помимо этого по финансовым соображениям каждый шестой поляк отказался от покупки лекарств, а каждый седьмой — от стоматологических услуг. 10% поляков из-за отсутствия средств отказались от серьезного лечения, а также от покупки очков и контактных линз». (Зузанна Реда-Якима, «Жечпосполита», 2 окт.)

• «Поляки по-прежнему охотно покупают бытовую технику и электронику — в августе продажи выросли на 19,7% (...) Продажи печати и книг упали по сравнению с прошлым годом на 13,9% и продолжают падать уже седьмой месяц подряд». («Дзенник — Газета правна», 26 сент.)

• «Нет никаких признаков того, чтобы на Польшу надвигалась какая-то катастрофа. На фоне [других стран] ЕС мы — исключительное государство, которое может похвастаться непрерывным экономическим ростом (...) Хотя замедление заметно, экономика продолжает расти. В целом Европа тоже начинает постепенно выходить из кризиса», — президент Бронислав Коморовский. («Жечпосполита», 6-7 окт.)

• По данным министерства финансов, к концу второго полугодия долг Польши составил 842,65 млрд. злотых. Это на 3,3% (27,3 млрд.) больше, чем в начале года, и на 7,2% (36,7 млрд.) больше, чем год назад. По оценкам экономистов, это по-прежнему меньше 55% ВВП, т.е. конституционного барьера безопасности (...) Превышение 55 процентного барьера означает, в частности, необходимость немедленно сбалансировать бюджет, чтобы дефицит был равен нулю». (Анита Цесляк-Врублевская, «Жечпосполита», 11 сент.)

• «“То, как Польша справляется с экономическим кризисом, — это чудо на Висле”, — говорит проф. Витольд Орловский, член экономического совета при премьер-министре и бывший советник президента Александра Квасневского. По его мнению, именно в период кризиса мы парадоксально больше всего приблизились к Западной Европе по уровню развития. Мы развивались, а они регрессировали. Однако проф. Орловский считает, что нас ждут новые волны кризиса. И долгие годы постепенного выхода из него». («Газета wyborча», 6-7 окт.)

• «Как страна мы достигли огромных успехов. Миллионы семей добились личного успеха, повысили свой уровень жизни (...) Невероятно повысился уровень притязаний и образования, однако в настоящее время мы перестаем быть обществом (...) жаждущим дальнейшего участия в соревновании и новых

успехов (...) Достижение определенного уровня стабилизации развратило элиту бизнеса, науки и управления, которая уже не хочет соревноваться (...) По правительству, по многим его ведомствам заметна тенденция к самодовольству. Многие учреждения не чувствуют давления конкуренции, а вытекает это из того, что оценочный механизм, столь важный для развития любой организации, практически не работает (...) На протяжении более чем двадцати лет огромное большинство решений различных правительств было принято правильно, и в этом смысле польская политика оправдала себя», — Ян Кшиштоф Белецкий, бывший премьер-министр. («Политика», 26 сент. — 2 окт.)

• «“Правительство премьер-министра Туска — антирабочее”, — услышали 35 тыс. участников 30 го Всепольского паломничества трудящихся на Ясную Гору (...) Епископ Казимеж Рычан убеждал, что «место коммунистической партии заняли сегодня либерализм и культ денег» (...) В своей проповеди дрохичинский епископ Антоний Дыдыч сказал: “Сейм нужно распустить, ибо он не выполняет свою главную задачу — не контролирует правительство. Наоборот, это правительство вопреки конституции управляет Сеймом, и даже не правительство, а партия. К оппозиции никто не прислушивается”». («Газета wyborcza», 17 сент.)

• «Ченстоховская прокуратура решила не возбуждать дела по факту проповеди епископа Антония Дыдыча, который 16 сентября по случаю паломничества трудящихся сказал на Ясной Горе, что Сейм нужно распустить». («Жечпосполита», 2 окт.)

• «Впервые после падения коммунизма духовные лица участвуют в организации демонстрации и поведут ее под лозунгом смены правительства (...) В истории Третьей Речи Посполитой это беспрецедентный случай (...) Священнослужители горячо аплодируют политикам, мечтающим о возвращении к власти, а политики занимаются саморекламой в антураже молитвы и Евхаристии». (Марек Зайонц, «Тыгодник повшехный», 30 сент.)

• «Защитники телеканала «Трвам», профсоюзные деятели «Солидарности», политики и сторонники «Права и справедливости» (ПиС) и «Солидарной Польши» (...) — в общей сложности до 150 тыс. человек приняли участие в субботней демонстрации под лозунгом «Проснись, Польша!» (...) Антиправительственный протест (...) стал крупнейшим после 1989 г. выступлением против власти». (Артур Ковальчик, «Факт», 1 окт.)

- «Разговоры о том, что в марше участвовали 180 тыс. человек — это чистой воды демагогия», — проф. Иренеуш Кшеминский. («Польска», 5-7 окт.)
- «Полмиллиона поляков прошли по улицам столицы, требуя прекратить дискриминацию канала «Трвам» (...) «Восстань, Польша!» — призвал директор радио «Мария» о. Тадеуш Рыдзык». («Наш дзенник», 1 окт.)
- «На самом деле общественное влияние кругов, которые я называю «национал-католическими», незначительно. Главный рупор этого течения, радио «Мария», слушают менее 2,5% поляков, т.е. около миллиона человек, из которых меньше половины готовы участвовать в политических акциях. Рейтинг ТВ «Трвам» крайне низок. Среди электората ПиС «идеологический католицизм» тоже нельзя назвать линией большинства (...) По моим оценкам, у этого течения есть несколько сот тысяч по-настоящему активных сторонников, которых поддерживают около 1,5-2 млн. человек, идентифицирующихся с таким идеологическим крылом католичества (...) Проблема заключается главным образом в том, что у этих взглядов слишком много выразителей среди духовенства, а также в том, что они сильно связаны с конкретной политической партией», — о. Мацей Земба, доминиканец. («Тыгодник повсехный», 30 сент.)
- «Согласно опросу ЦИОМа, единственное религиозное объединение [кроме римско-католической Церкви], представителей которого лично знает большинство поляков (60%), — это свидетели Иеговы. С православными знакома треть опрошенных, с протестантами — 21%. Лишь 13% знают приверженцев иудаизма и ислама и 8% — буддистов». («Газета wyborча», 4 окт.)
- «В демонстрации «Проснись, Польша!» участвовали главные политические противники правительства: о. Тадеуш Рыдзык, председатель «Солидарности» Петр Дуда и лидер ПиС Ярослав Качинский. В этом оппозиционном трио каждый хотел бы получить контроль над душами и политическими решениями противников «Гражданской платформы» (ГП). Качинский признал, что в Польше ни один политик не в состоянии вывести на демонстрацию столько людей, сколько выводит Церковь, а особенно о. Рыдзык». (Анджей Станкевич, Петр Смилович, «Впрост», 1-7 окт.)
- Хочет ли «Солидарность» свергнуть правительство Дональда Туска? Петр Дуда, председатель «Солидарности»: «Да, другого пути нет (...) Если с противоположной стороны нет партнера

для переговоров, надо сделать всё, чтобы эту сторону поменять». (Агата Новаковская, Доминика Велёвейская, «Газета wyborcza», 27 сент.)

- «Когда мы выходили из коммунизма (...) за реформы взялся наспех сколоченный лагерь (...) в котором никого не удивляло сотрудничество католика Мазовецкого, социалиста Куроня и либерального технократа Бальцеровича. А поскольку за них горой стояла элита, критикам тогдашней власти в силу сложившихся обстоятельств пришлось строить свой образ на антиэлитарной основе. Так родился феномен «жолибожского интеллигента» Ярослава Качинского, без труда заключающего союзы с популистскими движениями». (Рафал Калюкин, «Ньюсуик-Польша», 8-14 окт.)

- «Попытка свергнуть правительство с помощью уличных протестов предпринимается не впервые. Я помню «лазурный марш» ГП в 2006 г., когда звучали лозунги, похожие на нынешние (...) И как в 2006 г. ГП не добилась отставки правительства ПиС, так и нынешний выход на улицу тысяч человек ничего не изменит. Реально что-то изменить может только парламентская сила», — Моника Олейник, журналистка. («Факт», 1 окт.)

- ПиС выдвинул кандидатуру проф. Петра Целинского в премьер-министры. Петр Целинский — экономист и социолог, бывший активист экологического движения, сотрудник Отдела гражданского общества Института философии и социологии ПАН, бывший член «Унии свободы», в 1997 г. безуспешно баллотировался от этой партии в Сейм, выступал за люстрацию и декоммунизацию. Пытался создать партию «Зеленые-2004». В интервью в начале 2012 г. сказал, в частности, что польская элита совершила предательство, что она антидемократична. В последнее время в интервью правым СМИ говорил, что «правлящая группировка — это люди, способные продать собственную честь, лишь бы сохранить власть». Занимался дзюдо, продолжает заниматься горнолыжным и парусным спортом. Бывший вегетарианец. («Газета wyborcza», 3 окт., «Политика», 3-10 окт., «Польша», 5-7 окт., «Впрост», 8-14 окт.)

- «Разочарование в двухпартийной системе, опирающейся на взаимную ненависть, растет, принимая форму мечты о беспартийном правительстве экспертов, не замешанном в разрушительном для государства конфликте (...) Отсюда идея Качинского «вытащить из шляпы» не слишком известного профессора с внешностью звезды», — Цезарий Михальский. («Тыгодник повшехный», 14 окт.)

- Впервые за пять с лишним лет «Право и справедливость» опережает «Гражданскую платформу». Согласно опросу, проведенному центром TNS-Польша среди тысячи респондентов для передачи «Форум» на канале «ТВП-Инфо», ПиС поддерживают 39% поляков, ГП — всего 33%, а Союз демократических левых сил (СДЛС) — 9%. Крестьянская партия ПСЛ и Движение Паликота балансируют на грани избирательного барьера (5%). Результат опроса стал неожиданностью для ГП и правительства. («Польска», 8 окт., «Тыгодник повсехный», 14 окт.)

- «Вчера правая «Газета польска цодзенне» объявила, что располагает записью телефонного разговора человека, выдающего себя за сотрудника канцелярии премьер-министра, с председателем Гданьского окружного суда Рышардом Милевским (...) Мнимый чиновник договаривался с председателем о дате заседания суда по жалобе [создателя финансовой пирамиды «Амбер Голд»] Мартина П. Рышард Милевский спрашивал, не перенести ли заседание на более ранний срок. Кроме того, лжеассистент начальника канцелярии премьер-министра назначил председателю суда встречу с Дональдом Туском. Председатель Милевский несколько раз подчеркивал свою готовность выполнить полученные указания, говорил, что его телефон будет включен и он будет ждать звонка начальника канцелярии. Собеседник спрашивал председателя суда, кто войдет в судебную коллегия, которая будет рассматривать дело Мартина П. Услышав фамилии, он допытывался, можно ли этим людям доверять, и услышал в ответ, что “может не волноваться”». (Мацей Сандецкий, «Газета wyborcza», 14 сент.)

- «Мне было очень неприятно. Я — судья с 40 летним стажем, многое видел и о многом слышал (...) Основа этой должности — независимость. Ее отсутствие полностью дисквалифицирует судью (...) Особенно меня беспокоит, что сами судьи (хотя, разумеется, не все) с огромным почтением относятся не только к министру юстиции, но и к чиновникам своего ведомства. Я видел это собственными глазами во время встреч, конференций и т.п. Пожалуй, это ужасает меня больше всего», — Станислав Домбровский, председатель Верховного суда. («Жечпосполита», 25 сент.)

- «За предложение министра юстиции Ярослава Говина отозвать Рышарда Милевского с поста председателя окружного суда проголосовали 22 из 23 членов Всепольского совета правосудия. Один член совета воздержался. Сам министр

отказался от участия в голосовании». (Самуэль Перейра, «Газета польска цодзенне», 27 сент.)

- «Сторонниками кабинета Дональда Туска считают себя 26% поляков (в августе — 30%). Доля противников увеличилась с 39 до 40%». («Газета wyborcza», 21 сент.)

- «Поляки считают, что если Дональд Туск уйдет с поста премьер-министра, то его должен заменить бывший лидер СДЛС и президент Александр Квасневский (21%). Второе место занял Ярослав Качинский (13%), а третье разделили Радослав Сикорский и Януш Паликот (по 9%) (...) Опрос провел центр TNS-Польша 11-12 сентября (...) Респонденты могли указать три имени». («Впрост», 17-23 сент.)

- «Пока ничто (кроме повышенной активности оппозиции) не заставляет нас со страхом думать о политическом будущем. У нас есть большинство (...) и это большинство будет по-прежнему исполнять свои обязанности», — премьер-министр Дональд Туск. («Дзенник — Газета правна», 10 окт.)

- Согласно опросу ЦИМО TNS-Польша, проведенному 5-10 октября, ПиС поддерживают 28% поляков, ГП — 27%, СДЛС — 10%, Движение Паликота — 7%, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. Не определились с выбором 18%. На вопрос, должен ли Дональд Туск по-прежнему оставаться премьер-министром, 26% опрошенных ответили «да», а 44% — «нет». На вопрос, следует ли сформировать внепарламентское правительство, 49% опрошенных ответили «да», а 25% — «нет». Однако только 28% поляков верят, что к власти вернется ПиС. Противоположного мнения придерживаются 52%. («Газета wyborcza», 12 окт.)

- «Во вторник Дональд Туск заявил, что ввиду невозможности договориться с Церковью о размере налоговых отчислений, которыми планируется заменить Церковный фонд, дело должен решить Сейм. Такой постановке вопроса удивился генеральный секретарь Епископата епископ Войцех Поляк: «(...) Если статьи конституции и конкордата не будут соблюдены, Церкви придется обратиться в Конституционный суд с просьбой проверить соответствие обсуждаемого закона этим статьям» (...) В марте правительство предложило отчисления в размере 0,3%, Церковь — 1% (...) На 0,3% не согласны также другие Церкви и религиозные объединения, пользующиеся Церковным фондом». Эва К. Чачковская, «Жечпосполита», 12 окт.)

- «Сейм 233 голосами против 219 ти проголосовал за вотум доверия правительству». «Бурные аплодисменты премьеру, когда он поднимался на трибуну. Овации стоя, когда он выиграл голосование о вотуме доверия. «Гражданская платформа» вздохнула с облегчением». (Петр Гурштын, «Жечпосполита», 13-14 окт.)

- «Вчера Сейм одобрил десятикратное повышение платы за общепольскую лицензию на радиовещание. Что касается ставок за место в мультиплексе цифрового телевидения, то они должны вырасти в 40 с лишним раз. За принятие закона проголосовали 296 депутатов от ГП, ПСЛ, СДЛС и Движения Паликота. Против — 152 депутата от ПиС и «Солидарной Польши», а также один независимый депутат (...) Если закон примет Сенат и подпишет президент, то неслыханный рост ставок ударит прежде всего по радио «Мария» и ТВ «Трвам»». (Мацей Валящик, «Наш дзенник», 13-14 окт.)

- «Мы должны быть готовы организовать в Варшаве следующую, третью манифестацию — еще более масштабную, чем предыдущие (...) В Польше идет война добра со злом (...) Польша страдает (...) Многомесячное ожидание медицинских процедур, тот факт, что 21% польских детей за весь день не ест ни одного горячего блюда, — это же не что иное, как скрытый геноцид нашей Нации (...) Это нищета в сердце Европы. Пришло время положить этому конец», — о. Тадеуш Рыдзык, редемпторист, директор радио «Мария». («Наш дзенник», 13-14 окт.)

- «Туск стал противоположностью Качинского — бесспорного лидера правых, излучающего спокойствие и готовящегося к смене власти», — Мирослав Чех. («Газета wyborcza», 13-14 окт.)

- «Согласно опросу ЦИОМа, в сентябре самым большим доверием среди политиков пользовался президент Бронислав Коморовский (67%). Второе место занял министр иностранных дел Радослав Сикорский (48%), а третье — депутат от СДЛС Рышард Калиш (47%) (...) Ярославу Качинскому доверяют 30% опрошенных». («Жечпосполита», 22-23 сент.)

- «Тело Анны Валентинович, легендарной активистки «Солидарности», погибшей в смоленской катастрофе, перепутали с телом другой жертвы, Тересы Валевской-Пшиялковской. Это прямо вытекает из генетического анализа (...) Следователи уже запланировали эксгумацию тел еще четырех жертв». (Гражина Завадка, «Жечпосполита», 26 сент.)

- «Причиной первоначальной неправильной идентификации тел двух жертв смоленской катастрофы было их ошибочное опознание членами семей», — сказал генеральный прокурор Анджей Серемет. Обнаружить это удалось после сделанного в Москве сравнительного анализа ДНК. А ошибку, по словам Серемета, заметили сами россияне. («Польска», 28–30 сент., «Газета wyborcza», 28 сент.)

- «Через два с половиной года после смерти Анны Валентинович она наконец похоронена рядом с мужем. В похоронной церемонии участвовали сотни людей. Приехали и политики Пис, в т.ч. Ярослав Качинский и дочь трагически погибшей президентской четы Марта Качинская (...) Кто-то из участников внес в храм транспарант с надписью «Это было покушение» и плакат с фотографией президента Леха Качинского». («Факт», 29–30 сент.)

- «Смоленский миф — это идеология униженных и оскорбленных, которые с его помощью подчеркивают свою исключительность и протест. Если бы катастрофа не произошла, у них несомненно появился бы другой миф на той же национал-католической (а не либеральной) основе. В этом мифе были бы так же важны предательство, заговор, кошмарное описание клонящегося к упадку отечества. Благодаря смоленской идеологии униженные чувствуют себя возвышенными и значимыми, а кроме того убеждаются, что страной правят люди, представляющие враждебные интересы иностранных государств (...) В этом мифе униженные — патриоты, герои, субъекты истории, а не пассивные «получатели социальных трансфертов» (как именуются жертвы преобразований, пользующиеся социальной помощью)». (Кшиштоф Пилявский, «Пшеглэнд», 14 окт.)

- Из редакционной почты: «Чтобы понять, почему в Варшаве высыхает Висла, достаточно отправиться к ее истокам. Уже несколько лет на территории гмины Висла, где река берет начало на склонах Бараньей горы, за деньги ЕС (...) потоки бетонируют, т.е. превращают в тянущиеся километрами желоба (...) Места, где потоки разливались, создавая естественные водоемы, теперь осушены (...) Уже несколько лет с июля по октябрь в гмине Висла регулярно высыхают колодцы и водопроводы. Питьевую воду мы покупаем в бутылках. Это проблема не одной гмины, а всего региона (...)», — Оля Кресовская. («Газета wyborcza», 1 окт.)

- «Великолепные горные буковые леса в самой отдаленной юго-восточной части Польши вырубаются в невероятном темпе (...) Вырубка наших последних естественных горных лесов не

обусловлена рациональными причинами (...) Она представляет собой психологический случай: это действия ВЛАСТЕЛИНА МИРА, владыки всего живого и неживого — без холодного математического расчета, какой ущерб это нам нанесет». (Юрай Лукач, «Дзике жиче», октябрь)

• «По моим очень осторожным оценкам, в результате охоты в Польше может ежегодно гибнуть 700 тыс. птиц (...) Доклады Еврокомиссии показывают, что в местах охоты налицо огромная концентрация олова. Установлено, что на гектар приходится до 2 млн. оловянных дробинок, а на один квадратный метр — до 400». (Зенон Кручинский, «Дзике жиче», октябрь)

• «Черная сучка Изи станет двухсотой польской собакой, которая попадет в голландский дом (...) Пять лет назад директор фонда «Vagabond Pets» Эллен де Гроот решила помогать животным из Польши. С этого времени фонд сотрудничает с польскими приютами. Руководитель опольского приюта Дорота Скупинская говорит: «Мы выбираем тех животных, у которых в Польше нет ни малейших шансов найти новый дом. Это самые старые и больные особи или многолетние жители приютов — случается, что собаки ждут нового дома по десять лет. А в Голландии семьи, готовые приютить таких животных, находятся без проблем» (...) Эллен де Гроот говорит: «В Голландии тоже есть кошки и собаки, нуждающиеся в помощи. Однако бездомных животных не так много, как в Польше. Просто голландские животные быстрее находят новые дома». (Изабела Жбиковская, «Газета выборча», 27 сент.)

• «Истинная человеческая доброта может найти чистое и свободное выражение только по отношению к тому, кто не представляет никакой силы. Истинное, самое основное нравственное испытание человечества (такое глубокое, что оно не поддается нашему познанию) заключается в отношении к тем, кто от нас всецело зависит, — к животным», — Марк Роулендс. («Дзике жиче», сентябрь. Из книги: Mark Rowlands. *Filozof i wilk. Czego może nauczyć nas dzikość o miłości, śmierci i szczęściu*. Warszawa: W.A.B., 2012)

• «Мы всё больше обращаем внимание на права животных и в то же время всё быстрее уничтожаем многие их виды (...) Глобальное положение животных резко ухудшается. Показатель смертности различных видов высок как никогда со времен эпохи динозавров», — Харольд Херцог. («Форум», 24-30 сент.)

ЧТО ОСТАЛОСЬ ОТ БУНТА ПРОВИНЦИИ?

Ивона Лижевская:

У нас за плечами почти 21 год существования и 50 номеров журнала. Прошу мне поверить, это случайность, что на 20-летие вышел №50. Думаю, что содержимое «пятидесятки» и ее объем очень хорошо резюмируют и подчеркивают то, чем мы занимались до сих пор. На протяжении этого времени в создании «Боруссии» участвовали многие люди, но самыми существенными были двое. Это наши главные редакторы — отсутствующий, к сожалению, сегодня здесь Казимеж Браконецкий, которого все мы самым сердечным образом приветствуем, и находящийся среди нас Роберт Траба.

Адам Михник:

Хочу поблагодарить за приглашение. Для меня большая честь, что я могу начать это обсуждение. То, что мы наблюдали минуту назад [выкрики оказавшихся в зале полутора десятков представителей ольштынских националистов. — Ред.], показывает, что у бунта, о котором говорится в названии нашей встречи, отнюдь не единственное имя. Одно из имен этого бунта — «Боруссия», «Красногруда», «Пшеглэнд политычный» («Политическое обозрение») либо другие журналы подобного типа, а второй бунт — это как раз те самые молодые люди, которые считают себя патриотами. Журнал говорит, что надо их простить, ибо они не ведают, что творят. Сегодня, зайдя в книжный магазин в Ольштыне, я обратил внимание на региональный ежемесячник «Дебата», который тоже принадлежит к второй стороне этого бунта. Но я бы не стал определять его как бунт провинции против центра.

Современная культура находится в состоянии бунта. Первый из этих бунтов, который я символически определил названием бунта «Боруссии», направлен против некоторой концепции национальной Польши. Редакторы и авторы журнала сами многократно высказывались на его страницах и говорили, что вдохновение они черпали из образцов парижской «Культуры» или из христианского персонализма. Из некоего видения не-эндековской Польши — такой Польши, которая не хочет быть этнически чистой, а хочет быть многоцветной, терпимой, плюралистической, демократической и которая трактует

локальность как обогащение, а не как обременение. Это такая локальность, которая до известной степени сконструирована. И это невероятно важный проект определенного круга людей, определенного поколения, создающий шанс для такой Польши, которая должна быть не-большевицкой и не-эндековской.

Если я определяю словом «Боруссия» какой-то проект, то он опирается на плюрализм, толерантность, разнородность. С одной стороны, «Боруссия» призывает к жизни затонувшую Атлантиду — то многонациональное, многоконфессиональное, многоязычное пространство бывших Пруссии, Вармии и Мазурии. С другой стороны, проект «Боруссия» — это полемика с той огромной ложью, свидетелем которой было мое поколение, а именно: с так называемым сохранением «Обретенных земель». Когда временами я думаю о диалоге, о польско-немецком разговоре, у меня возникает такое впечатление, что все мы участвовали в обмане — и те и другие. Немцы верили после войны, что вернутся на эти земли, а мы верили, что вернулись мы. На самом деле это были два обмана: и немцы не возвратятся на эти земли, и мы не возвратились на них, так как весь этот миф об «Обретенных землях», о пястовских землях, подвергаемый сегодня довольно суровому и правдивому анализу, в том числе и на страницах «Боруссии», — это миф, с которым нам еще предстоит бороться. Для меня невероятно важен тот факт, что на страницах «Боруссии» разговаривают между собой литовец с украинцем, Иоганнес Бобровский, Игнатавичюс с Андруховичем, немец с автохтоном, иными словами, с вармийцем и мазуром, еврей с русским. Для дискурса, предпочитаемого в «Боруссии», характерны ортодоксально добросовестная лояльность по отношению к правде и уважение к разным точкам зрения.

Всё это вместе складывается в некий проект польскости. Когда Ежи Гедройц поглядывает с неба и видит те журналы, которые я уже упомянул, — и «Красногруд», и «Пшеглэнд политычный», и «Боруссию», — то у него есть причины для большого удовлетворения. Потому что его мысль пустила ростки.

В конце — два замечания. Во-первых, сейчас много говорится об изданиях «второго потока»^[1]. Я прочитал недавно интервью с председателем Главного совета епископата, который сказал: «Все мы пребываем во втором потоке». «Мы» — это означает, пожалуй, католиков. Ну, если архиепископ Михалик — из второго потока, то я уже не знаю, кто из первого, кроме президента и премьер-министра. Зато действительно существует второй поток журналов и публикаций —

чрезвычайно ценных, но у которых слишком мала пробивная сила, низка популярность. Я говорю об этом, поскольку огорчен и сам полон вины. Слишком мало его проникновение в первый поток. И в рамках самокритики вы прочитаете в субботней «Газете выборчей» мой очерк в честь «Боруссии» и фрагмент из «Боруссии»: фантастические, прекрасно переведенные и великолепные в своей субстанции два фрагмента прозы Варлама Шаламова^[2]. То, что Роберт Траба говорит нам о памяти, представляет собой великолепный составной элемент того проекта польскости, который предлагает нам «Боруссия». В свои немалые годы могу только сказать: я счастлив, что в Польше самопроизвольно, без побуждения извне, а часто даже без материальных средств конституируются сообщества, создающие подобные журналы, которые, в свою очередь, становятся причиной того, что многие из нас могут дышать иным польским воздухом. И за это я хотел бы самым сердечным образом поблагодарить коллег обоего пола из «Боруссии».

Роберт Траба:

Предназначение «Боруссии» заключается в диалоге. Диалог требует разных точек отсчета, разных позиций, иначе он превращается во взаимоисключающие монологи. Я неизменно повторяю вслед за Шанталь Муфф, что нам необходимо неантагонистическое общество — такое, которое, строя демократию, не исключает противников. Позволяет отличаться, и через эти отличия придает динамику публичной жизни. Нам необходима такая дискуссия, диалог, и большое спасибо, что у нас есть поддержка — в том числе и от таких людей, как Адам Михник.

Временами я с беспокойством наблюдаю также другое явление, которое можно очень хорошо видеть в Олыштыне. Слишком легко мы готовы вариться в самовосхваляющем олыштынском соусе, радуясь и вознаграждая друг дружку. Устанавливая для себя какие-то местные вызовы, мы забываем, что постепенно исчезаем из поля общепольских дебатов, из значительных пунктов на карте культуры. Я говорю это нам, олыштынцам, сознательно, быть может, даже немного провокационно, в качестве вот уже 18 лет «странствующего олыштынца», который болезненно переживает низведение Олыштына и всего региона до «туристического чуда природы».

«Боруссию» первым открыл Тадеуш Хшановский, который в начале 91-го года сразу же после выхода первого номера написал в «Тыгоднике повсехном» прекрасное эссе, где

прозвучал призыв: «Девушки и парни (ведь нам всем тогда было где-то около тридцати плюс-минус пару лет), не поддавайтесь! Держитесь на этой северной окраине!» И нам удалось продержаться вот уже больше 20 лет. Смыслом упорствования был внутренний диалог — редакционный, ольштынский, варминско-мазурский, но также между разными сообществами, польский, европейский; диалог разных отсылок к прошлой и современной действительности.

Мне хотелось, чтобы эта встреча стала формой продолжения такого диалога. Мы не хотели подготовленных докладов, хотели разойтись во мнениях, поспорить, но вместе с тем рассказать и о том опыте, который привел нас к возникновению столь разнообразных начинаний. Я бы хотел, чтобы наш разговор был попыткой определить себя сейчас. Нам необходимо строить альтернативный язык. До сегодняшнего дня мы в течение 20 лет не построили альтернативы националистическому дискурсу. Наша альтернатива — это пинг-понг, или, по правде говоря, перехватывание и защита некоторых ценностей, но зачастую высказываемых тем же самым языком, с помощью тех же самых фраз, стигматизирующих польскую национальную «особливость».

Откуда взялся «бунт провинции»? Пожалуй, году в 93-м на страницах «Пшеглёнда политычного» вышла статья «Бунт провинции». Речь шла о том, что Польша находится в фазе больших преобразований, создается новая, самоуправляющаяся Польша, образуется новое пространство гражданской активности. Бунт не относился к культуре. Лешек Шаруга спустя несколько лет сформулировал для новых культурных явлений после 1990 г. формулировку «написать Польшу заново». Эти два термина передают некую температуру и некую атмосферу момента, когда в Польше стартовали разнообразные начинания.

Как начинался бунт провинции? Кшиштоф, сейненский центр «Пограничье» — наш ровесник, поэтому я начну с тебя. Меня интересуют идейные корни вашего включения в задачу написать Польшу заново.

Обращу внимание на два фактора. Один — это «разбойничьи книги»^[3], иначе говоря, те, которые после прочтения толкают нас на ту, а не другую стезю. Речь идет о целой традиции великой, прекрасной, интересной литературы, которую мы в то время поглощали, мало зная о

Кшиштоф Чижевский:

б окружавшей нас действительности и будучи погруженными в город, монокультурный и гомогенный. Чтение таких книг обладало тем свойством, что запуская желание действовать. В 1989 г. мы поставили перед собой вопрос: что это — только теория или же литературная действительность, принадлежащая прошлому? А также может ли она, собственно говоря, стать зачином той новой Польши, которую мы тогда хотели строить, выйти из подполья, выйти из альтернативы и войти в новую реальную жизнь?

Наш отъезд в путешествие на восток был такой потребностью захвата, охвата или прикосновения к тому, что лежало подальше от центра и что, казалось, представляло собой большой вызов для первопроходцев, для тех, кто хочет начинать с самого начала и наново. В этом был шанс нашего поколения 89 го года: мы просто имели возможность начать что-то заново. Разумеется, с багажом тех книг и тех традиций, которые сидела в нас.

Вторым важным для нас элементом — как художников, творцов культуры, которые черпали из традиции Гротовского, позднее из «Гардзениц», — было обнаружить новые миры посредством экспедиций в поисках естественной среды для театра или же в поисках живых источников. У этой позиции имелась одна слабость: временность и поверхностность. И к таким людям либо во вновь обнаруженные места ты больше, как правило, не возвращаешься. В 1989 г. в нас была какая-то большая сила и потребность не проехать через городок Сейны, до которого мы добрались в качестве театральной труппы ради того, чтобы показать там несколько спектаклей и отправиться, как обычно, дальше. Мы задержались — и остались там по сей день. Чеслав Милош, которого мы встретили в ту пору, сказал нам поначалу: «Быть может, вы первое поколение, у которого есть шанс снова подхватить на этих пространствах срывавшуюся в течение целых столетий нить длительного пребывания, продолжения, какой-то непрерывности. У вас есть шанс построить ваши действия, вашу жизнь в длительной перспективе будущего». И мы за него ухватились. Это с самого начала было очень существенным элементом, выстраивающим весь наш коллектив и программу.

Петр Мицнер:

Мы сидим за одним столом, представляя несколько мест культуры на карте Польши. Таких мест — менее известных, начинающих сегодня — существует много. Расскажу об одном опыте, для меня очень важном. В какой-то момент я попал в Фонд культуры и очень недолго состоял в жюри конкурса малых

родин. Это было, на мой взгляд, одно из самых важных начинаний, которое, к сожалению, оборвалось по разным причинам: из-за финансовых проблем в самом этом фонде и одновременно из-за определенной нехватки доброй воли для создания целой сети таких мест, где происходит нечто важное. Возможно, необходимость такой сети — это моя иллюзия, но взаимная поддержка и обмен опытом необходимы. Быть может, такие потребности возникают в ситуации разнообразных угроз, конфликтов с местной властью. Ничего подобного мы, однако, не создали. Каждая из наших инициатив-организаций в момент кризиса остается в одиночестве. Я говорю об этом не случайно. Именно такая трудная ситуация сложилась теперь в Люблине. Волнами идет облава на центр «Гродска брама» («Городские ворота»), на самого Томека Петрасевича^[4], {пробующего восстанавливать в этом городе еврейскую историю и культуру}... И это реальные нападения: летят камни, кто-то подложил муляж бомбы, на стенах появляются оскорбительные надписи. Каким способом мы можем помочь им, но в то же время и себе?

Роберт Траба:

Парадоксальным образом из этого вытекает, что гораздо труднее было основать новую культурную инициативу местной группе в университетском Люблине, чем «приезжим» в небольших Сейнах. Мне это немного напоминает постепенное продвижение «Боруссии» на субъектную роль в культурном ландшафте Олыштына. На первых порах нас рассматривали скорее как случайное начинание молодых людей, позже — как непрошенных гостей, вторгающихся в уже поделенное пространство культуры и науки, а иногда — прямо-таки как «угрозу польским государственным интересам».

Тезис Петра Мицнера о необходимости сетевой организации действий различных сообществ напоминает мне одно событие 10-летней давности. Мне предложили прочитать лекцию в Люблине и на следующий день — во Вроцлаве. Я поехал в Люблин, и оказалось, что для поездки во Вроцлав по самой короткой трассе через Краков требовалось 12 с лишним часов. Я вернулся в Варшаву, пересел на поезд и доехал, пожалуй, часов за 6-7. Что я хочу этим сказать? Такова моя метафора польского централизма, в том числе и в культуре. Всё, что возникает «в провинции», должно символически проехать через Варшаву, чтобы найти себе место в центральных СМИ. Вроде бы никто этой ситуации не любит, все жалуются на монополию центра — и вместе с тем выстраиваются в очередь за «билетом в Варшаву». В Люблине на 25-летие журнала «Акцент»

встретились, в частности, редакторы культурных изданий со всей Польши. Я предложил встречу в пространстве между Жешувом, Щецином, Вроцлавом — и Сейнами, Олыштыном. Этого предложения никто не принял всерьез.

Потенциалом, который, возможно, был позабыт, но который просто пульсирует подкожной жизнью, и надо только захотеть его увидеть, обладал и обладает Щецин. Этот город был для меня в течение какого-то времени культурным пустым пятном. Первым, кто привез в «Боруссию» весточку о скором возникновении щецинского литературного журнала «Пограничья», был Лешек Шаруга. Однако родоначальницей и движущей силой «Пограничий» с самого начала стала Инга Ивасюв...

Инга Ивасюв:

Щецинский журнал «Пограничья» принадлежит к течению «бунта провинции». Принадлежали к нему, разумеется, и «Кресы» — уже, к сожалению, не существующие. Это были издания, которые выросли из идеи декомпозиции монолитного государства и из убежденности в том, что провинция, провинциальность, регион, региональность — это понятия, которые требуется определять заново, и на их ценностях нужно строить нечто новое. Щецин уже потому представляет собой специфическое место, что это не пограничье. Он не укладывается во все те пограничные нарративы, о которых мы можем говорить в Сейнах, Олыштыне или Люблине. Щецин — это такое отрезанное, изолированное место. Место, которое неизвестно чему принадлежит. Ближе всего ему, возможно, до Калининграда. Даже в немецкой истории Щецин был городом в тылах Берлина. И таким он остается донине. Естественно, все эти символизации, связанные с абсолютно непроницаемой гэдэровской границей, все символизации, касающиеся того, сколько километров надо проехать через такой уже замирающий город, чтобы до этой границы добраться, — всё это было актуальным и важным. Когда мы основывали «Пограничья», речь для нас шла о том, что у пограничности существует отнюдь не одно имя. В том числе и идейное, и символическое. Речь шла еще и о том, чтобы продуцировать определенный нарратив, который был бы нарративом приезжих, нарративом — как мы сегодня ее называем — после зависимости, другими словами, таким, который бы показывал, кто такие мы, первое поколение рожденных в Щецине, пришедших на свет на рубеже 50-х — 60-х годов, люди, чьи родители приехали отовсюду.

Вторым был нарратив о том, что надлежит осуществить декомпозицию разных способов высказывания — и университетского, и литературно-критического, и связанного с массовой культурой, которой в Польше лишь предстояло взорваться (но она уже готовилась к атаке), — и на это наслаивать всё, что составляет ценность традиции. Таким образом, пограничность мы определяли довольно широко. И в сущности по сей день этот журнал так и функционировал, так себя и определял.

Если бы написать сегодня историю литературных, культурных изданий после 1989 г. в Польше, то это был бы невероятно любопытный политический анализ того, что такое культура и демократия, чем они были, каковы взаимоотношения между государством и культурой, причем в разных сферах: и в финансировании культуры, но и в выработке ценностей, потому что издания подобного рода, фонды подобного рода, организации подобного рода служат такими сторожевыми узлами демократии (по существу так же, как и все гуманитарные науки), потому что они производят некий способ высказывания и видят те вещи, которым лишь предстоит родиться и конституироваться в качестве угроз демократии. Делают они это на местном уровне и в связи с этим говорят не только об общих идеях, но и о некоторой местной культурной конкретности — поэтому они неизмеримо важны и зачастую так неудобны для местных политиков.

Роберт Траба:

Это очень важное заявление. Инга Ивасюв ввела нас в ту сферу, в которую волей-неволей нам нужно войти, то есть встречи культуры и политики. Долгое время у меня было наивное впечатление, что, если не считать формального соприкосновения, культура может быть полностью независимой от политики...

Из этой наивности родилось, впрочем, несколько позитивных вещей. Никогда мы в «Боруссии» не калькулировали наших идей и действий политически. Зримая политическая поляризация началась на старте XXI века. Лишь тогда я в первый раз почувствовал потребность в акцентировании своего политического «я».

Базиль Керский наблюдал эти явления на протяжении многих лет, но немножко с другой перспективы. Будучи частью такого сообщества, как «Пшеглэнд политычный», сотрудничая с

«Боруссией», он одновременно жил в Берлине. Как ты воспринимал «бунт провинции» из такой дали?

Базиль Керский:

Начну с личных обстоятельств. Ты говорил, что я из младших; к сожалению, я становлюсь не таким уж младшим, потому что разделяющие нас 10 лет — это уже не разница поколений. Все мы, кроме Адама Михника, — это поколение, для которого 89-й год был переломом. Я прожил 89-й год в Западном Берлине. Оказался я там не по собственной воле, а по причине решения моих родителей: матери-польки и отца-иракца. Жил в Ираке, в Гданьске и в Западном Берлине. Жил на таком острове, где было очень трудно определить свою идентичность, в том числе и как частному лицу, поскольку западногерманское общество много говорило о мультикультурности, но по сути дела думало об эмигрантах как о тех, кто должен некритически войти в немецкое общество; там даже господствовало такое наивное убеждение, что это миграции на рынок труда. Хорошим примером служит мой отец. Его приняли и одобрили как рабочую силу, как врача, специалиста, а не как человека с другим культурным фоном. Сегодня, 20 лет спустя, дела обстоят иначе. Германия прошла через дебаты на тему «немецкости как доминирующей культуры». Начинают звучать голоса детей давних иммигрантов. Топография немецкой культуры не вмещается сегодня в границы бывшей ФРГ, так как немецкая литература — это, например, Артур Беккер с его новым способом рассказывать мазурский миф либо стамбульское пограничье.

Для меня падение стены было, разумеется, очень важной вещью, открыло новые перспективы нормальной жизни в городе. Берлин стал городом пограничья. Для меня такие имена, как Ежи Гедройц, его понимание польскости, «Боруссия» и прочие инициативы — это опыт весьма экзистенциальный, поскольку моя польскость, которая была нетипичной, не-эндековской, попросту вдруг нашла свое место.

Насколько сильно воздействовала «Боруссия»? Она была единственной инициативой, которую я увязывал с Ольштыном. В 92-м году Лешек Шаруга, которого здесь сегодня нет, действительно сделал очень много для того, чтобы назвать и описать новые феномены культуры. Пригласил тогда в Польский институт в Берлине Казика Браконяцкого и Роберта Трабу. Из сообщений я знаю, что мало кто пришел на ту встречу, никого она не интересовала. Через два года я присутствовал на лекции Роберта об истории Вармии и

Мазурии в Свободном университете. Заинтересованность была побольше, но по-прежнему весьма нишевой. Однако всякие инициативы, независимо от их масштаба, все-таки воздействуют, создают культурный ландшафт, очень важную точку отсчета. Это такое пространство, которому я очень многим обязан в процессе самоопределения. Весьма важно, чтобы это пространство было открытым, чтобы оно подвергалось постоянной импровизации. В этом заключена большая сила «Боруссии» и других неправительственных начинаний.

Ежи Гедройц в одном письме определил парижскую «Культуру» как лабораторию политической мысли. Можно, разумеется, истолковать это как поколенческий опыт человека, который не мог употребить свою политическую энергию другим путем. Но мне представляется, что сегодня, пожалуй, нужно подойти к этому иначе, переопределяя понятие политики. Когда я вижу правительственные плакаты с лозунгом «Мы не делаем политику», то сильно удивляюсь. По Аристотелю, политика — это просто попытка организовать совместную жизнь людей. И, несомненно, в этом значении культура либо культурные журналы, неправительственные организации, хотя бы они того или не хотят, представляют собой политические начинания. И тем в большей мере политические, что после 89-го мы имели дело с наследием, силу которого недооценили. Важным уроком последних 20 лет стал тот факт, что отдельные модели, связанные с идентичностью, модели, которые казались прошлым, снова ожили. Вернулось в мейнстрим эндековское мышление, антисемитский язык марта 1968-го. Думалось, что в новой Польше, в новой Европе они непривлекательны. Оказывается, очень даже привлекательны. Я питал надежду, что мы живем в мире, где преобладает плюрализм... Плюрализм — это встреча с другим. Самого себя, свою идентичность гражданина, верующего человека мы не сможем познать без встречи с другим, с другой религией, с другим пространством культуры. Попросту таковы основания быта и существования. И таковы как бы две точки отсчета, которые важны, чтобы определить, в частности, и философию «Боруссии». Она укладывается в гедройцевскую лабораторию политической мысли и является частью современной политической культуры в духе плюрализма.

Однако, что любопытно, «Боруссия» натолкнулась не только на некоторое идеологическое сопротивление в Польше и в регионе, но, поразительным образом, и в польско-немецком пространстве.

Временами нас воспринимали в Польше как «среду некритического культивирования немецкого наследия», а в Германии — немножко как «наивную молодежь, которая хочет наверстать упущенное, усвоить определенные виды немецкого опыта, определенное представление о немецкой интерпретации истории». Зато с моей перспективы вы были прежде всего вдохновителями взгляда новой немецкой культуры на собственную историю, такого взгляда на собственное немецкое наследие, который учитывает точку зрения и многообразного польского опыта, и опыта меньшинств в этом регионе.

Роберт Траба:

Большое спасибо. Инга Ивасюв предложила нам некую разновидность бунта, сопротивления позиции наших властей по отношению к культуре. Ты — я обращаюсь к Адаму Михнику — наблюдаешь это с «центральной» перспективы. Видишь ли ты шанс, что наши инициативы могут стать не только дальней нишей третьего плана, но и важным партнером в серьезном разговоре о судьбах Польши?

Даже в «Газете выборчей» «наши темы» появляются в качестве своего рода отпускного эрзаца. Видишь ли ты механизмы, которые могут включить нас в более мейнстримный дискурс в Польше и о Польше?

Адам Михник:

У этого вопроса есть несколько аспектов. Может, я начну с последнего, который ты упомянул. Согласен с тобой, что отсутствие «ваших тем» — это грех газеты, в которой я работаю. И, само собой, я несу ответственность за это. В свою защиту могу сказать единственно, что многократно прилагал усилия, чтобы на наших страницах постоянно появлялись обсуждения наиболее важной «бунтарско-провинциальной» периодики. Почему я в своей собственной редакции потерпел поражение в этом деле? Логика редактирования газеты такова же, как и логика управления государством: самое срочное вытесняет самое важное! Попросту так оно есть, хотя это не меняет того факта, что данный упрек абсолютно точен.

Теперь выскажусь обобщенно об отношениях в целом между государством или органами местного самоуправления, с одной стороны, и инициативами подобного типа, с другой. Я замечаю здесь одну основополагающую проблему. Мне кажется, что одного рецепта для ее решения нет, потому что нет такой местной или государственной власти, которая будет

финансировать все начинания такого типа и способствовать им.

И, наконец, последнее замечание. В целом я согласен с тем, что сказал Роберт Траба о зависимости культуры и политики. Причем согласен решительнее, нежели это сформулировал он! У меня с 90-го года и с момента первой президентской кампании не было иллюзий насчет аполитичности культуры. Свое отсутствие иллюзий я выражал на страницах «Газеты выборчей». С ужасом отмечал возвращение политических демонов, возвращение «мартовского» языка... К сожалению, я увидел его и в высказываниях Леха Валенсы — крестного отца моего сына. Это действительно было довольно-таки ужасающим.

Ты сказал, что мы не придумали другого языка. Так вот, с этим я не согласен. Думаю, что у Польши, наконец-то демократической, есть свой язык, которого ей нет нужды стыдиться. В то же время мы не должны соглашаться на то, чтобы культивировать хитроумную подмену этого языка, чтобы именовать патриотическим всё то шоу, которое мы наблюдали после смерти Чеслава Милоша или после Нобелевской премии Виславы Шимборской, и т.д., и т.п. Необходимо более внятно артикулировать свой отказ позволить такого рода поведение, свое несогласие с ним.

Я стараюсь понять, в чем заключается специфика Гедройца в пределах польской традиции. В сущности он не любил Запада. Запад нагонял на него скуку. Никогда он не выучил сколько-нибудь прилично ни одного западного языка, жил в Париже много-много лет, но, когда требовалось позвонить в редакцию «Монд» по какому-нибудь делу, то просил об этом меня — после двух недель моего там пребывания. Я подумал следующим образом: «Коль скоро он человек антинационалистический и антизападный, то кто же он, собственно говоря?» И мой ответ таков: Гедройц был и остается восточным космополитом. Его космополитизм не означал, что он бьет поклоны Западу. На самом деле его интересовал Восток. Мне кажется, что ваш бунт обладает одним свойством, общим с мыслями редактора «Культуры». Вы концентрируете свое внимание на темах, которые раньше в польском мышлении по существу отсутствовали. Причем это касается в равной мере и «Красногруды», и «Пшеглёнда политычного», и уже не существующих «Кресов», и как раз «Боруссии».

Куда мы идем? Это вопрос, который я постоянно ставлю перед самим собой. Если бы от меня требовалось ответить на него, глядя на нашу страну, то я первым делом определил бы угрозы.

Они — троякого типа. Больше всего я боюсь победы того лагеря — не хочу никого затронуть, — который стал стигматом «смоленской религии». Это проект государства, какой-то проект польскости, какая-то идея авторитарной власти и унифицированного общества. Второе, чего я бы боялся, — это очарованность китайской моделью. Она означает рынок, капитализм, деньги и сильную власть, которая держит всё в ежовых рукавицах, а общество находится под крышкой. Третью угрозу я бы определил как польский берлусконизм. Он означает, что мы имеем такую власть, которая имеет бабки и которая полностью идеологична, — власть, насчет которой тут говорил, кажется, Базиль Керский, напоминая о лозунге «Мы не делаем политику».

Издания, о которых мы здесь говорим, представляют собой элемент гражданского общества. Можно ли свести будущее демократии к повторяющемуся каждые четыре года избирательному ритуалу? Возможна ли сегодня демократия без перманентного участия, без причастности? Разве ваши издания и ваши сообщества не выражают нужную тенденцию? В «Боруссии», в ее публицистике, в самой компоновке информации я усматриваю большую поддержку всяческих низовых действий и тех направлений, которые с перспективы Варшавы или Кракова могут казаться чем-то абстрактным. Они представляют собой небывало важные импульсы для оживления общественной динамики, они меняют «химию», создавая то, что я неуклюже назвал «другим воздухом» для публичной жизни.

Кшиштоф Чижевский:

Как-то я чувствую, что «герои устали». Что-то начинает мне жать в пояс. Тон, в который мы здесь впали, очень сильно контрастирует с моим самочувствием. Бунт провинции, если бы от меня требовалось вернуться к этой ситуации или к ее названию, находится в полном расцвете. И сейчас такое время, когда он расширяется, набирает силу, и выстраивается большая сила, которую мы в малых центрах и малыми средствами начинали 22 года назад. У Томека Петрасевича возникли в Люблине проблемы, и какая-то горстка хулиганов всё время атакует его. Нельзя ни в коем случае пренебрегать этим. Но у него есть великолепный большой центр, который он построил в старой части города, есть возможность действовать в превосходной мастерской, о которой 20 лет назад он мог только помечтать. У «Боруссии» наконец появилось свое помещение, место и пространство для действий в этом городе. Год назад мы открыли Международный центр диалога. Тот язык, Роберт, о

котором ты рассуждаешь, для меня не столь важен, как действие. Новым языком говорят сегодня наши муниципальные лидеры, лидеры таких городов в Польше, через которые идет культурная революция, причем ее философия очень близка тому, что мы начинали 20 лет назад. Это уже их язык. Это те города, которые стартовали в борьбе за звание европейской столицы культуры, те города, которые сделали ставку на развитие через культуру, — они думают нашими категориями, языком, нашей философией. Это стало их делом, и они всё больше нуждаются в этой мастерской, этой практике и этой философии. Чувствую, что тут существует большая тяга, большая потребность, в условиях которой мы всё больше нуждаемся в инструментах, позволяющих ее удовлетворять. У нас хватает проблем, и они, разумеется, не исчезнут. Многие из стычек мы будем проигрывать. Но моя точка зрения такова, что на протяжении этих 20 лет мы строили фронт или платформу, от которой теперь действительно можно оттолкнуться вперед, и перед нами всё больше ответственности и ангажированности. Я очень связываю это как раз с тем, что затронул Базиль Керский. Потому что для меня это очень близко к политичности в духе Ханны Арендт. То, что мы делали с самого начала малыми средствами, — это не было программой государства, не было приглашением со стороны государственных учреждений или кого угодно. Мы сами это строили, добивались и переламавали разными средствами. Быть может, это тот капитал, который у нас есть на будущее. Мы не делали этого вопреки или против органов самоуправления, но это была попытка построения в местных сообществах какой-то общей диалоговой плоскости. А власти, естественно, будут меняться, какой-нибудь советник — городской или из местных органов — будет раз лучше, раз хуже. Но это такое явление, сдержать которое не удастся. И, по правде говоря, меня слабо волнует проблема Адама Михника, когда он в своей газете обращает внимание на более срочные дела, а не на самые важные. Нас нет там на первой полосе. Пусть будет так! Наш голос расходится через разные другие каналы. И, по моему убеждению, распространяется всё шире и шире.

Я смотрю на такое движение и на такие инициативы, как «Боруссия», в европейской перспективе, потому что как на нашей, так и на европейской почве эти методы и центры одинаково уникальны. Сегодня они вообще должны прочитываться в европейской перспективе или пространстве. Когда Петр говорит о сети, то я скорее видел бы это как нечто такое, чему вообще надлежит быть европейским движением. И это должно нас связывать со всеми другими центрами, потому что те вызовы, те страхи, о которых мы говорим, о всё

крепнущей коричневой волне, — это не ведь польская волна, а европейская. Действительно нам есть чему противостоять. Мы только часть этого явления, но, ради Бога, не надо создавать такую картину, что мы устали, что мы третьеразрядная ниша и что никто не обращает на нас внимания и нас нет на первых страницах газет! Право, не в этом дело!

Роберт Траба:

А все же есть смысл говорить не только об успехах.

У меня сильное ощущение, что мы в Польше уже несколько лет находимся на стадии идеологического дрейфа. Она состоит, в частности, в затушевывании различий, в эффекте одобрения «европеизированного национального языка». Начиная с дебатов вокруг музея Варшавского восстания или музея истории Польши, доминировать стало возвращение к национальным тезисам под предлогом общественного консенсуса. Полемика разыгрывается на другой сцене. Вместо неантагонистического диалога образуется процесс антагонистического исключения.

Петр Мицнер:

То, о чем сказал Кшиштоф, очень важно, и надо, возможно, написать статью на эту тему в «Выборчу»! А, может быть, в данную минуту нужен — в духе Инги Ивасюв — бунт гуманитарных наук. С другой стороны, это наконец — как сказал бы редактор Гедройц — наше государство, причем государство независимое, и вы можете делать, что хотите, лишь бы дело не кончилось сетованиями.

Базиль Керский:

Мы ведем безумно неискренние дебаты о сегодняшней реальности журналов. Роберт сказал нечто важное: в неправительственной сфере нет преемственности; зато есть определенная цена, которую люди платят за жертвы и лишения без реалистических ожиданий. Точно так же обстоят дела и в «Боруссии» — не идеализируя ее заслуг.

Истина во мнениях Кшиштофа Чижевского и Инги Ивасюв лежит где-то посредине: между популистским либерализмом, который выражается во всеобщем голосовании, и другим либерализмом, крайне рыночным. Свой опыт я черпаю из двух изданий: «Пшеглэнда политычного», который уже 15–17 лет представляет собой журнал, в значительной мере издаваемый его редакцией на общественных началах, и польско-немецкого

журнала «Диалог», который служит совершенно другим примером.

«Пшеглёнд политычный» получает региональные дотации. Благодаря тому, о чем говорил Кшиштоф, определенная культура 90-х годов, определенная восприимчивость действительно стала региональным снобизмом. Но это очень уж ничтожные деньги. Мы, кроме того, функционируем благодаря доброжелательности авторов, известных авторов, которые публикуются без гонорара. Польско-немецкий журнал «Диалог» существует благодаря высокой гражданской культуре в ФРГ. Наш тираж — это 7 тыс. экземпляров, в Германии мы продаем 4 тысячи, что для немецких условий представляет собой высокий показатель. Граждане знают, что если они хотят сохранить какую-то независимость института, то должны за это платить.

В Польше меня очень удивляет такое ожидание поддержки от власти. Мы живем далеко не в самом бедном обществе. А люди не готовы платить за участие в культуре даже самую низкую цену, уже не говоря о наивысшей. Те деньги, которые «Диалог» получает от наших читателей, обеспечивают нам политическую независимость, потому что в тот момент, когда мы хотим осуществлять более амбициозные проекты без дотации, они обеспечивают нам защищенное пространство. В этом — величайшее поражение, величайший дефицит польского гражданского общества. Это общество развилось, в том числе и материально, но готовность к соучастию или к построению в культуре такой бизнес-публичной модели, к сожалению, очень слаба.

Кроме того, мне кажется, что нам не хватает воображения. Это означает, что мы не в состоянии определить ожидания в отношении государства, нашего государства. Такие ожидания, которые были бы эффективными. Отсутствует сеть распространения. Беречь культурные журналы — это задача не государства, а демократического сообщества. Наша проблема — войти в более широкое общественное обращение. В Польше на данный момент в книготорговой сети «Эмпик» магазины принимают такие журналы, другие сети — уже нет. От «Эмпика» нам не поступает никаких доходов, хотя результаты продаж не так уж плохи для европейских условий. Нет у нас никаких доходов и от обычных книжных магазинов и т.д. А может быть, надо изменить модель ожиданий? Не институционализация журналов, а умное сочетание общественной сферы с содействием рынка.

Кшиштоф Чижевский:

Мне очень нравится эта смена подхода, предложенная Базилем. Мы действительно разговариваем отчасти в старых категориях, и если я говорю о силе бунта, то не по той причине, что где-то там кому-то везет и что вообще кто-то входит в историю. На мой взгляд, важно то новое явление, с которым мы имеем дело: культура становится уже не пятым колесом в телеге, а реальной общественной силой. В этом смысле только культура сильна и обладает мощью бунта, вливаясь в тот поток, в котором строятся регионы. Когда-то, к примеру, в период моей работы в Люблине, стратегии развития города и региона выстраивались без участия людей культуры, абсолютно. Сегодня мышление о развитии города или развитии региона без культуры как сущности этого мейнстрима выглядит анахроничным. Культура во всё больших масштабах пробивается в совместные решения, в те действия с разными прочими сообщающимися сосудами, от которых ее сначала отодвигали на боковой путь перемен, трансформации общественного строя в нашей стране. Если велись важные дебаты о стратегии развития Польши и т. д., то для людей культуры там не было места. По моему убеждению, теперь это всё больше систематически меняется. В этом наша сила. То, что многое предстоит сделать, что нам очень тяжело, — с этим я согласен, но у меня такое чувство, что всё больше чиновников самоуправлений, политиков, бизнесменов и других лиц осознают, что без творческого участия людей культуры построить современное общество не удастся.

Адам Михник:

Последние 22 года в истории Польши — это самые лучшие 22 года, которые были у Польши за последние 400 лет. Таким образом, когда мы критически относимся к тому, что делается в нашей стране, причем наш критицизм оправдан, то, следует, однако, соблюдать пропорции.

Второе. Я довольно много разъезжаю, особенно по Центральной и Восточной Европе. Так вот, заявляю со всей ответственностью, что нет такой столицы в нашем регионе, а сегодня уже и в Евросоюзе, где о Польше не говорили бы с величайшим уважением, где Польша не была бы предметом восхищения и зависти. Так обстоит дело в Москве, Берлине, Вашингтоне, Лиссабоне, Будапеште, Бухаресте... Разумеется, когда человек приезжает из-за границы, счастливый, что живет в такой зажиточной стране, и включает телевизор, то у него немедленно портится настроение.

Необходим диалог. Но в диалоге, как и в танце, для танго нужны двое. Очень трудно вести диалог с тем, кто говорит мне,

что правительство Дональда Туска «осуществляет истребление польского народа». Как с этим дискутировать? Я не умею спорить с подобными утверждениями и беспомощен перед аргументацией такого типа. Проблема с коммунистами заключалась в том, что они говорили следующим образом: «Мы можем вести диалог, но сначала вы должны публично признать, что катынское преступление совершили немцы». Вот и сегодня, трактуя эту цитату как метафору, люди вроде меня слышат: «Мы можем вести диалог, только сначала вам необходимо признать, что Церковь подвергается планомерным атакам со стороны различных либертинских, атеистических и масонских кругов». Без малейшей попытки доказательства, без всякой попытки указать, какие высказывания имеются в виду. Если я читаю такую статью в газете, действительно издаваемой за частные деньги, причем несомненно весьма благородной личностью, то, невзирая на всё это, у меня есть сомнения. Благородство — это еще не гарантия правоты.

Я принадлежу к энтузиастам «Боруссии» потому, что здесь есть место добросовестному представлению доводов. То, чего нам в Польше больше всего не хватает, — это такого поля, где можно сесть и поговорить.

Роберт прав, эта коричневая волна существует не только в Польше, она есть везде. Я видел в Будапеште такие демонстрации, которые ужасают. Если мы все возьмемся за руки, то задержим эту волну. Спасибо.

Роберт Траба:

В заключение мне хотелось бы к тому красивому «месседжу», который нам привез Кшиштоф Чижевский, добавить немного реализма. Наряд городов или регионов, о котором ты говоришь, часто принимает карикатурную форму фестивализации культуры посредством проталкивания универсальных заменителей — чего-то такого, что делается везде, в каждом городе и гмине, причем в похожей форме.

-
1. Обширные фрагменты дискуссии в связи с 20-летием журнала «Боруссия. Культура. История. Литература», которая состоялась 23 мая 2012 г. в ольштынском планетарии. В панельном обсуждении приняли участие: Кшиштоф Чижевский, Инга Ивасюв, Базиль Керский, Адам Михник, Петр Мицнер, а также в качестве модераторов — Ивона Лижевская и Роберт Траба.

2. Во времена ПНР так называли неподцензурные публикации — польский самиздат, только не машинописный, как в СССР, а типографский. Имелся в виду «второй поток», или вторая сеть распространения (drugi obieg) — вне официальных рамок. — Пер.
3. Co widziałem i zrozumiałem w obozie. Z cyklu Adam Michnik poleca // Gazeta Wyborcza, Magazyn Świąteczny. 26.05.2012. См. также: W. Szalamow, Co widziałem i zrozumiałem w obozie. Tłum. I.A.Ndiaye. — *** [Pamięć kryje tyle zła]. Tłum. A.Tymińska. — Pamięć. Tłum. I.A.Ndiaye. — Pamięć. Tłum. E.Nikadem-Malinowska // Borussia. Kultura. Historia. Literatura. 2011. № 49.
4. «Разбойничьи книги» — так Густав в «Дзядях» Мицкевича называет романы, которые затянули его в мир пустых мечтаний. — Пер.
5. Томаш Петрасвич и его театральный центр, в частности, восстанавливают еврейскую историю и культуру Люблина. — Пер.

«ГАРДЗЕНИЦЫ» — ВЫЗЫВАНИЕ ДУХОВ ПРОШЛОГО

Деревенское пространство

Гардзеницы — это деревня, расположенная в юго-восточной части Польши, в тридцати с лишним километрах от Люблина. Как раз сюда в 1977 г. пожаловал Влодзимеж Станевский, здесь он решил осесть и положить начало своему собственному театральному проекту. Со временем это небольшое селение стало домом для него и его группы, а также пространством для совместной разносторонней деятельности. Станевский — словно старый балагур — умеет плести многочисленные истории о Гардзеницах, благодаря которым трудно избежать впечатления, что мы имеем дело с каким-то мифическим пространством^[1]. Это ощущение усиливается еще и тем, каким образом здешняя труппа именует некоторые места: «дорога старых нищих» или «старое умирающее дерево». И, хотя мы не найдем таких названий на местной карте этой территории, для гардзеничан они означают вполне конкретные места. Мы имеем здесь дело с сотворением театрального пространства, которое одновременно пронизывает реальную действительность; с потребностью восстановления того мира, где искусство и повседневность связаны друг с другом в неразрывном круге жизни. Эта идея с самого начала служила движущей силой всей деятельности театрального центра «Гардзеницы».

Как можно догадаться, выбор подобного местоположения экспериментального театрального центра не был случайным. По словам Людвика Фляшена, решение основать театр в провинции вписывалось в бунтарское движение существовавших тогда альтернативных театров^[2]. Если театры из больших городов были центрами политического бунта, то у Станевского глубокую потребность в так называемой захолустности можно назвать борьбой за свободу творческой личности. Выбор деревни как места, близкого художнику, места, где занимаются творчеством и где происходят «большие дела», вписывается в польскую художественную традицию — по крайней мере, со времен романтизма. В этом есть также

позитивистская миссия просветительства, ибо здесь проводятся учебные сессии и мастерские для молодых людей со всей Польши и из-за рубежа. Требовательная творческая работа сочетается здесь со столь же трудными буднями — то необходимо отремонтировать протекающую крышу, то что-либо достроить, а то и помочь соседу в добывании ножниц для копыт.

Эта деревня под Люблином представляет собой пограничье — пространство, где пересекаются разные культуры: еврейская, украинская, польская и белорусская. Театр «Гардзеницы» в огромной части своего творчества черпал из этих культур.

Заброшенная дорога шамана. Станевский и Гротовский

На исходе 1960-х Станевский приступил к занятиям филологией в Кракове. В этот период там действовал театр STU Кшиштофа Ясинского — альтернативный студенческий театр, нацеленный на политический бунт. Заинтересовавшись театром, Станевский стал слушателем (функционирующей параллельно с STU) актерской студии, задача которой состояла в обучении актеров-любителей. Вскоре полонист Станевский стал главным актером театра STU. Тогда же его заметил Ежи Гротовский и довольно скоро предложил ему сотрудничество. Станевский поначалу не был уверен, однако в конце концов Гротовскому удалось убедить его в своем видении. Молодой актер перебрался во Вроцлав и поступил в Театр-лабораторию, чтобы со временем стать основным руководителем многочисленных театральных мастерских и стажировок.

Фляшен утверждает, что Гротовского интересовала такая разновидность опыта, которую можно бы назвать шаманской. Это неясное определение следует увязать с концепцией актерской игры у Гротовского — «тотальным актом». Создатель Театра-лаборатории отверг обычное актерское творчество в пользу буквального переживания на сцене самых важных (наиболее потрясающих) испытаний в жизни актера. Речь шла о пробуждении отдаленных воспоминаний и чувств, их перековке в основополагающие импульсы и перенесении из безопасного прошлого в настоящее — так, чтобы они могли заново (а следовательно, со всей мощью) манифестировать себя на сцене. За редуцирование временной разницы между прошлым и настоящим приходилось, однако, платить свою цену — от актера требовалось разрушить любые психические барьеры, блокировавшие названные переживания и гнездившиеся в подсознании. Преодоление границ связывалось с обнажением самых трудных, наиболее интимных и зачастую скрываемых — даже от самого себя — переживаний. Такое

полное отождествление играющего с играемым могло напоминать ритуальные действия, которые вводили участников (или только шамана) в сходное состояние: играющий отождествлял себя с играемым до такой степени, когда на время ритуала он образовывал единство с тем, что играл.

Заинтересованность Гротовского шаманским опытом не могла не отразиться на его учениках, которые соперничали за звание «главного шамана» группы. Окончательный выбор пал на Станевского — именно ему Гротовский хотел передать свои знания, энергию и интуицию. Ученик разочаровал, однако, учителя и взбунтовался против него. В 1975 г. во время венецианского Биеннале Станевский словесно атаковал Гротовского, публично обвинив его в оппортунизме. Создатель Лаборатории не терпел непослушания, поэтому сразу было понятно, что Станевскому придется покинуть группу.

Что волновало в тот момент лидера «Гардзениц»? Станевский спустя много лет говорил, что его бегство из Театра-лаборатории был актом несогласия как раз с этим прикладным шаманизмом: «Мне казалось, будто Гротовский вытворяет какие-то глупости, а то, что вытворяли люди, из которых он сделал шаманов, — это какое-то несчастье. Кстати говоря, те, кто не поумирал трагически, почти все запутались» [3]. Невозможно отрицать, что работа Гротовского возбуждала и до сих пор продолжает возбуждать много споров, особенно в контексте его взаимоотношений с актерами. Однако основателя «Гардзениц» беспокоила не только «трудовая этика» Мастера. Гротовский отказался от театра в пользу паратеатральных опытов, тогда как Станевский хотел в первую очередь делать театр.

Экспедиция в театр

Труппа «Гардзениц» за тридцать с лишним лет выпустила всего лишь шесть представлений. По сравнению с «классическими» театрами такое количество за такой временной промежуток — чрезвычайно убогий результат. Однако Центр театральных исследований «Гардзеницы», как подсказывает само название, — это не только театр, но и художественный проект, ориентирующийся как на сцену, так и на паратеатральную деятельность. В качестве экспериментального театра, что подчеркивал Станевский, это центр, нацеленный на поиски. Напомним устав гардзеницкого объединения, написанный в 1977 г. Станевским. Его автор поставил тогда перед Центром театральной практики две основных цели: во-первых,

выработку нетрадиционных культурных форм через театр, образование и изучение традиций, а во-вторых, стремление найти связующее звено между культурой и природой — своего рода ритуал.

Следует при этом отметить, что лидер театра «Гардзеницы» не имеет в виду конкретного ритуала. Его интересует скорее воздействие магических действий (с их ранними представленческими формами) на общество, а также манифестируемая ими (и шире — первобытными верованиями) концепция мира, равно как роль человека и искусства в мире.

Таким образом, мы находимся в той точке, о которой говорил Станевский, когда создавал «Гардзеницы». Возрождение театра связано, по его мнению, с поиском «природной среды театра», нового открытого пространства (в противоположность городскому — закрытому), созвучного природе. Станевский выдвинул «экологическую гипотезу», в основе которой лежит поиск равновесия между антропоцентризмом и экоцентризмом. Экологическое мышление — это верификация притязаний человека на звание правомочного властителя Земли, для действий которого вся экосистема — только фон, а не партнер. Постановка вопросов о реальном месте человека в экосфере ведет Станевского к выводу о том, что в окончательном итоге человечество — лишь часть гораздо большего круга жизни. Следовательно, экологическое функционирование — это умение настроить себя в созвучии с экосистемой и объединить человеческое с природным. Группа «Гардзеницы» отвергает западную дихотомию между культурой и природой. Через художественные действия она стремится к гармонии между жизнью — понимаемой как непредсказуемая стихия — и той организованной деятельностью человека, каковой является зрелище.

Одной из реализаций экологической гипотезы была так называемая «деревенская программа», в состав которой входили — сегодня уже легендарные — экспедиции. Родились они из стихийных встреч с людьми, живущими на селе. Экспедиции были характерной для ранней деятельности «Гардзениц» идеей труппы о вылазках на окраины Польши — в места, где театр никогда не гостил. Стремление добраться до позабытых деревушек, попытки прививать театр на почву, которая ранее была ему неведома, изучение и познание народных традиций или, наконец, спасение этих традиций от забвения — такие принципиальные задачи ставили перед собой гардзеничане в процессе экспедиций. Посещаемые ими

сообщества были в своей привязанности к земле и в богатом фольклоре не только субъектом увлечения, но и желательной группой потребителей — не испорченной общепринятым восприятием искусства. В конфронтации с жителями гости рассчитывали прежде всего на их инстинктивную реакцию — так, чтобы из этого завязывались отношения взаимности: мы даем вам что-то от себя, вы передаете нам нечто свое. Таким способом предполагалось положить начало какому-то общему творческому кругу. На протяжении долгих лет в «Гардзеницах» сформировался обычай регулярных экспедиций группы актеров на несколько дней во всё новые и новые местности. Экспедиции объединения Станевского не были, однако, стихийными походами актерского табора от одной деревни к другой с постоянной художественной программой. Они представляли собой паратеатральное мероприятие, к которому всякий раз готовились. И, хотя общая структура экспедиций всегда сохранялась неизменной, каждая эскапада была в такой же мере иной, как и население, которое проживало в целевом пункте назначения.

Экспедиции были первыми паратеатральными действиями, в которые вовлеклась группа «Гардзеницы». Их порядок устанавливался в ходе проведения первых конфронтаций с местными жителями, и в окончательном виде туда входило несколько этапов. Первым делом отправлялись на так называемую рекогносцировку, служившую для ознакомления с территорией и людьми, среди которых предстояло выступать. Собирали всяческие сведения на тему данной деревни, записывали тексты и музыку песен. Всё это помогало в последующей адаптации и уточнении того сценария, с которым собирались прибыть в деревню. После вступительной разведки начиналось собственно путешествие театральной труппы, повсюду именовавшейся кортежем. Само странствие в сторону деревни характеризовалось аскетизмом: передвигались на своих на двоих, а реквизит для представлений и более тяжелые из вещей везли на простой двухколесной тележке, которую тянули участники экспедиции. Это был пролог, говорящий: мы по собственной воле пришли сюда, трудясь в поте лица. Кортеж уже с первых минут выстраивал также определенное драматическое напряжение. Сразу после прибытия группа старалась как можно сильнее освободить свое общение с жителями от всякого формализма — ходили из дома в дом, налаживали первые контакты, приглашали на зрелище. Вечером наступал кульминационный момент экспедиции. Пусть эту атмосферу опишут слова Иренеуша Гушпита, одного из «попутчиков» «Гардзениц» во время экспедиции по деревням близ Буга в 1978 г.:

«Наконец всё готово. (...) Атмосфера ожидания: «Как начнут? Чего делать-то будут?» Начинают весьма обыкновенно — пением, игрой на простых инструментах (флейта, гитара, гармонь, бубен). Исполняют народные песни, с пограничья культур — русинской, польской, украинской. Некоторые из женщин подхватывают слова и мелодию, припоминают последующие строфы песни, неизвестные нашему коллективу. Обрывки разговоров: «У нас это бывало так... Откуда вы это знаете... Это мои молодые годы... Кто ж сегодня помнит, как когда-то пелось, и кто нынче так поет...» Ведь ничего необыкновенного не происходит, но я все-таки интенсивно ощущаю реальные нити взаимопонимания (...) В зале еще много равнодушных. Предвкушают, комментируют, ждут, что будет дальше. Влодек чувствует это, незаметно начинается представление (...)»^[4].

Во время экспедиций игрался «Вечерний спектакль», основанный на мотивах «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле. В нем отсутствовала жесткая фабула, скорее это была горстка этюдов с собранными там основными мотивами — смерти, любви, страдания, ловкости, дружбы и т.п. После спектакля оставались подольше: пелись общие песни, показывались разные умения — актеров и собравшихся. В ходе представления образовывалось специфическое пространство праздника, которое продолжало существовать еще и на сходах после спектакля. Их участники, погруженные в это пространство, нередко сами включались в творческую художественную активность, выступали инициаторами (пара)театральных действий или просто вспоминали давние времена; рассказывали, поддаваясь трогательным чувствам и возбуждению. На следующее утро труппа отправлялась в дальнейшее странствие. До следующего населенного пункта.

С 1977 до 1984 гг. было организовано свыше сорока экспедиций, главным образом, на восточные земли Польши. На путях труппы из Гардзениц оказывались украинцы, цыгане, лемки, гуцулы. С течением лет интерес к отечественному и соседскому фольклору начал простираться на более отдаленные края, а странствия продолжительностью в несколько дней эволюционировали в зарубежные экспедиции, занимавшие уже не одну неделю. В 1985 г. группа актеров из «Гардзениц», которую заманила мистика Дальнего Севера, отправилась в Лапландию, чтобы пообщаться с неприрученной природой, а также поискать «йоику» — засекреченную от чужаков лапонскую песнь жизни. В октябре 1987 г. Станевский двинулся в путешествие по следам Антонена Арто — к племени индейцев тараумара в Сьерра-Мадре. Посещали, кроме того, македонцев,

индейцев зуни и таос, грузин, тосканцев, а также бразильских приверженцев культов сантерии и кандомле.

Экспедиции и связанные с ними действия были необходимы для театральной деятельности «Гардзениц». Но, даже когда это были начинания, носившие не только театральный характер, в конечном итоге они всё равно подчинялись театру. Во время рекогносцировки добывались материалы (музыкальные и словесные), которыми многократно подпитывались позднее при создании представлений. Традиционными песнями лемков прославлялось «Житие протопопы Аввакума» (премьера — 1984), а в спектакль «Кармина Бурана» (премьера — 1990) были включены грузинские песни.

Невзирая на обширную паратеатральную деятельность, театр был самым важным, и всё кончалось на театре. Визиты в разнообразные деревни предоставляли много материалов, которые впоследствии использовались на сцене. Хотя сцена в случае «Гардзениц» — не слишком удачное слово: идея воссоздания театра в экологическом духе обязывала к поискам нового использования театральных средств, модифицированию метода актерской игры и построению нового театрального пространства. Необычайно существенным было в «Гардзеницах» ограничение психологического анализа в пользу интенсивных эмоциональных ощущений. Актеры творили магическое пространство, похожее в своем воздействии на ритуальное сакральное пространство. Зрителя под аккомпанемент соответствующей музыки, через танец и жест вводили в сферу сакрального, в священную сферу. Станевский исходил из предпосылки — которая, впрочем, не была новостью в антропологическом театре, — что театральное пространство не должно строиться посредством сценографии. Такое решение лишь усугубляет впечатление искусственности. Само по себе пространство пусто — только действия актера заполняют его. Отказ от сценографии в пользу других выразительных средств: жеста, ритма, танцев и музыки — снова неизменно заставляет ассоциировать гардзеницкий театр с ритуалом. Отнюдь не с сегодняшнего дня стали говорить об огромной музыкальности представлений «Гардзениц», который многократно использовал в своих инсценировках забытые песни разных периодов и разных культур. Музыка служит «Гардзеницам» исходной точкой в театральном творчестве. Станевский прямо сообщает, что ищет в ней спасения, и добавляет: «Когда я говорю о музыке, то думаю о той, которая существует неразрывно с движением, с телом; которая не является абстракцией, а становится телом»^[5]. Стало быть, это дух музыки, воплощающийся в теле

актера. В «Гардзеницах» были созданы уникальные упражнения для актерской игры — они развивают умения как на духовном уровне, так и на физическом. Частью таких упражнений был, например, «вечерний бег»: после наступления сумерек вся группа бегала по полевым и лесным тропинкам. Босиком, тело рядом с телом — так, чтобы учиться взаимно чувствовать друг друга и реагировать на каждого. Эти и им подобные упражнения создали впечатлительную (но вместе с тем и точно действующую) труппу, которая превосходно понимала самое себя и открывалась другому человеку — как партнеру, так и зрителю. Поскольку здесь нет и речи о герметичности. Актер служит не только проводником между пространствами повседневности и сакральности — он еще и проводник для зрителя: приглашает его и ведет. Посему актер исполняет роль квазишамана. Зритель перестает быть пассивным наблюдателем событий при такой трактовке театра и становится его полноправным участником — по меньшей мере на эмоциональном уровне. В выстраивании интимной связи между актером и зрителем помогает отсутствие сцены, а также камерность помещений, в которых игрались представления. Зал «Аввакума» был настолько маленьким, что вмещал всего лишь не более полутора-двух десятков человек. Столь малое пространство в силу обстоятельств интенсифицирует в равной мере и игру, и реакции. Построение пространства через соответствующее сочетание средств — жеста, танца и музыка — имело целью вернуть театру его ритуальную силу, сотворить своеобразную сакральную реальность — максимально сгущенную, олицетворяющую миф. Реальность, внутри которой участники пережили бы катарсис.

Древняя Греция в деревне под Люблином

Период интенсивных экспедиций и создаваемых в них спектаклей был связан прежде всего с увлеченностью сельским пространством. Со временем круг заинтересованности народной традицией расширился на культуру западноевропейского и русского средневековья. В 1980-х «Гардзеницы» начали отказываться от отдельных пунктов «деревенской программы»: экспедиции устраивались всё реже, а их исследовательско-вдохновляющий характер затухал, оставляя только желание представить искусство. Это, однако, не означало конца деятельности центра, а лишь изменение круга интересов театра. «Гардзеницы» начали обращаться к культуре древней Греции — колыбели европейского театра. Можно сказать, что произошло перемещение центра тяжести их исканий: пространство (деревенские, местные традиции) было заменено временем (античной традицией). В рамках

увлечения античным театром в «Гардзеницах» были поставлены три спектакля: «Метаморфозы» (на основе «Метаморфоз, или Золотого осла» Апулея с использованием фрагментов платоновского «Федра»), «Электра» (по одноименной трагедии Еврипида), а также «Ифигения в А...» (по «Ифигении в Авлиде» Еврипида). Три спектакля вновь кажутся небольшим количеством, но всё-таки! Выполнявшаяся каждый раз многолетняя тяжелая работа, научные исследования и кропотливые упражнения привели к созданию спектаклей, которые стали не простой реконструкцией античного театра, а эпифанией дионисийского духа.

Желание изучить древнегреческий театр не должно вызывать удивления. Древнее зрелище было тем типом театра, который «Гардзеницы» хотели дать современному человеку: воздействующим и очищающим, глубоко вникающим в эмоциональную сферу, квазиритуальным. Ведь его происхождение — чисто ритуальное, восходящее к традиционным религиозным обрядам в честь Диониса. Как убеждает Яна Систовари, труппа «Гардзениц» в полной мере уловила дух античного театра — создала такое настроение священного поклонения Дионису, которое могло быть присуще самим грекам. А это далеко не простая задача. В западной культуре привыкли отождествлять греческий театр, главным образом, с его сохранившимися письменными следами. Ритуальный контекст или экстатическая «природа» божества, с которыми были связаны зачатки театра, практически игнорировались. Станевский перевернул это мышление, исходя из предположения, что текст был всего лишь дополнением целостного зрелища, тогда как сущность его воздействия лежала в использовании комбинации музыки, песни и танца. Греческий театр не был — как может показаться на основании сохранившихся до нашего времени материальных свидетельств — медленным и статичным. Греческая трагедия была живой тканью, пульсирующей многочисленными эмоциями — от отчаяния и раздирания на себе одежд до экстатической радости. Греческие протагонисты, несмотря на свое мифическое происхождение, представлены в трагедиях людьми из плоти и крови: они плачут, кричат, ропщут, беснуются и смеются, умоляют, любят и ненавидят, орут один на другого, рвут на себе волосы, страдают. Даже при всей своей архетипичности они остаются близкими людям. Станевский старается очистить античный театр, превращенный в памятник, и вновь сделать его театром людей. Его не убеждает аристотелева систематизация жанров. Ему ближе картина жанровой эклектичности, которая господствовала на античной

сцене. Станевский утверждает, что еврипидова «Электра» — мелодрама, жанрово простирающаяся между трагедией и сатирической драмой. Опыт экспедиций и контакт с местными традициями научил его, что такая гибридность (включение в высокий стиль элементов народного юмора) нагляднее всего видна в таких произведениях, где значительную роль играют пение, музыка и движение. А фабула, как отмечает лидер «Гардзениц», в греческом театре больше дополняла зрелище, чем конструировала его. Гетерогенное, держащееся на музыке и нередко экстатическое зрелище — так видят греческий театр актеры «Гардзениц», и таким они хотели воскресить его.

Станевский побуждал своих актеров «входить через черный ход» — очеловечивать греческий театр. Вместо того чтобы воспринимать его сквозь призму монументальных трагедий, надлежит нацелиться в сторону кулис — пытаться представить себе, как могли выглядеть репетиции и упражнения. С помощью воображения можно из сухих информативных сведений творить сюжеты, а с ними намного легче отождествить себя. Отождествить и преобразовать — переплавить в художественное действие. Потому что — и надо это отчетливо подчеркнуть — Станевский никогда не стремился к реконструкции греческого театра в буквальном смысле. Речь идет о том, чтобы оживить дух античного театра и уловить самые важные его аспекты — такие как значение жестов, хоральность или взаимоотношения с природой.

Для «Гардзениц» самыми важными свидетельствами, которые сохранились от греческого театра, были подборки античных текстов, музыкальные записи, осколки ваз с нарисованными на них позами актеров. Успех коллектива основывался на сочетании научного анализа текстов и материальных памятников прошлого с практическими упражнениями. Этот расположенный близ Люблина театр начал методичное изучение текстов, связанных с античным театром, культурой и религией, фундаментальные археологические исследования, а также созерцание сохранившихся пространств — как театральных, так и ритуальных. Кроме того, актеры «Гардзениц», опираясь, в частности, и на свой опыт, проводили интенсивные физические упражнения в области жеста, движения и использования голоса. Присмотримся на примере «Метаморфоз» к процессу воспроизведения того, как располагалось тело древнегреческого актера. Чтобы оживить нарисованные на вазах формы, Станевский создал метод попеременного пропевания выбранных им самим песен из разных культурных кругов. Песни подбирались под фабульные ситуации — актеры исполняли причитания, плачи, застольные

свадебные песни, обращенные к природе заклинания и т.п. Задача состояла в том, чтобы с помощью живой музыки извлечь жизнь из античных фиксаций жестов. Лидер «Гардзениц» выбирал соответствующие движения и изгибания, чтобы потом — вместе с актерами — работать над темпом, ритмом и динамикой. С целью возрождения поз и музыки использовались также звуки. Как констатирует Станевский: «В работе над реликтами античной музыки я руководствовался (...) подозрением, наполовину мистическим, что если звуками разбудить жесты и движения, то запустится психосоматический процесс, который из этих археологических находок сгенерирует жизнь». Плодом поисков естественных аналогий между жестом и звуком стало рождение гибридной, гротескной музыки — хорошо отвечающей тексту Апулея.

«Гардзеницы» — неустанный творческий процесс

Первый спектакль «Метаморфоз» в духе античного греческого театра можно признать чрезвычайно любопытным экспериментом еще в одном отношении: Станевский предложил тогда новую, нетипичную художественную форму — театральное эссе. Театральное эссе было разновидностью художественного гибрида, коллажем, основанным на синестезии визуальных искусств, музыки и научного комментария. Это стало инновационным решением еще и потому, что театральное эссе было формой представления в фазе непрерывной репетиции. Как говорит лидер «Гардзениц», хотя это представление и показывалось перед публикой, оно было в статусе «in progress» — построенное таким образом, чтобы имелась возможность всё время подвергать его видоизменениям. Тем самым «Гардзеницы» уклонялись от окончательности формы (сравнивая один спектакль, играемый на протяжении многих лет, можно заметить существенные изменения в его конструкции), а также подтверждали исследовательскую природу центра. При построении последнего спектакля — «Ифигении в А...» — в «Гардзеницах» прекратили использовать форму театрального эссе, отказались от квазинаучности, столь характерной и демонстративной в предшествующих представлениях. Возросла фабульная упорядоченность произведения, а также увеличилась роль текста. Правда, и этот спектакль по-прежнему можно было определить в большей мере как «творческий процесс», чем готовый продукт, однако же театральное эссе оказалось заметным образом потеснено простым повествованием. Спектакль очистили от комментариев и намеков на эрудицию, благодаря чему он выиграл в ясности и коммуникативности. Можно в этом видеть очередную малую формальную

революцию в пределах творческой деятельности «Гардзениц». И пусть никто не даст видимостям ввести себя в заблуждение — даже если последняя премьера состоялась пять лет назад, это не означает, что коллектив выгорел или застрял на мертвой точке. Попросту таково продолжение исканий.

Центр театральной практики «Гардзеницы» — это наверняка необычное явление на польской (и не только) театральной сцене. Уже сам факт, что он существует и действует непрерывно уже более тридцати лет, может свидетельствовать о том, насколько эта инициатива важна и нужна. Независимо от господствующей в данный момент моды или внутренних трудностей, театр «Гардзеницы» и дальше упорно действует и ищет, дальше собирает на своих представлениях толпы людей. Деятельность «Гардзениц» — балансирующая на границе искусства, науки, антропологии и экологии — старается ликвидировать водоразделы между культурой и природой, биологией и духом. Мы говорим здесь о попытке хотя бы частичного нивелирования той цивилизационной трещины, которая привела также к трещине в самом человеке.

От редакции: В публикуемой в этом же номере дискуссии, которая состоялась в связи с юбилеем «Боруссии», Роберт Траба упоминает Гардзеницы в качестве одного из важных культуротворческих мест в Польше. Гардзеницы, деревня на Люблинщине — это прежде всего место театрального эксперимента. Он продолжается уже тридцать лет, порой его считают спорным. Рационалисты ставят ему в вину лжемистицизм, мистики — сектантство. А ведь это неслыханно важное явление в польской культуре, отнюдь не мимолетное, — театр, который по-прежнему вызывает огромный интерес у всё новых поколений молодых людей, ищущих в искусстве правду о мире, лекарство против «мировой скорби». Ссылка на Гардзеницы предлагает также некий способ бытования искусства в обществе. Там хотят не рассуждать, что важнее — искусство или жизнь, — а искать подлинные (позабывшиеся) связи между ними. Быть может, это утопия, но, как мы видим, порождающая у публики большую заинтересованность.

-
1. К примеру, таким: «За мостиком на Гелчевце начинаются заливные луга. Океан слева, океан справа. Весь затянутый туманами. Туманы выше, туманы ниже. Туманы самых разнообразных форм. Сменяющихся. И идут из тех туманов — голоса июньской ночи. Голоса птиц, голоса цикад,

отголоски топання приплясывающего козла. Лопочет вода под мостиком. В отдаленье, будто за стеной воздуха — приглушенная болтовня деревни. Собаки, скотина и люди. А по-над туманами, на холме — свет нашего “курятника”. Словно лодки на волне». Цитата из: Odczytanie świata. Z Włodzimierzem Staniewskim rozmawia Zbigniew Taranienko // Konteksty. Polska Sztuka Ludowa”.

2. Фляшен на симпозиуме, посвященном театру «Гардзеницы», обращает внимание на время его рождения — 1977 г., эпоха глубокой ПНР: Flaszen L. Narodziny artysty — wierność i bunt // Taranienko Z. Teatr obiecany. 30 lat «Gardzienic». Sympozjum w Szkole Wyższej Psychologii Społecznej. Warszawa, 2008.
3. Źródła — terytoria — język. Dyskusja panelowa // Taranienko Z. Teatr obiecany. 30 lat «Gardzienic». Sympozjum w Szkole Wyższej Psychologii Społecznej. Warszawa, 2008.
4. Guszpit I. Wyprawa w rzeczywistość (O stowarzyszeniu Teatralnym «Gardzienice») // Guszpit I. Sceny z mojego teatru. Wrocław, 2003.
5. Цит. по: Guszpit I. Gardzienicki dytyramb z osłem w tle// Guszpit I. Sceny... op. cit.

НЕТ НУЖДЫ ОТПРАВЛЯТЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЮ В МУЗЕЙ

— В начале 1960-х коммунизм в Польше перестал нести модернизацию, и приблизительно тогда же возникли зачатки оппозиции, которая на первых порах была связана с ревизионистами в ПОРП, а потом всё больше и больше отходила от идеи исправления социализма. Был ли это одновременный процесс? Коммунизм становился всё более анахроническим и закрепляющим отсталость, а в то же самое время рождалась оппозиция?

— Начнем с банальности: в Польше существует две истории. Есть история рабочих и история интеллигенции. Ни те, ни другие не получили от коммунизма того, чего ждали. Но о том, чего ждали рабочие, мы знаем значительно меньше. Знаем, что бунт 1956 г. в Познани — это прежде всего деяние рабочих, а не интеллигенции.

История их разочарования в ПНР совсем не такая, как история разочарования интеллигенции. Интеллигенция разочаровалась не только потому, что обманулась в экономических вопросах, но еще и по той причине, что система была не такой красивой, как обещала. В 1960-е для Яцека Куроня система недостаточно радикальна. Для Лешека Колаковского она недостаточно умна. С 1968 г. такие люди, как Куронь и Колаковский, уже твердо знают: вопрос не в том, что система несовершенна, а в том, что она не поддается совершенствованию. Ее проблемы — структурные. Поэтому лишь с 1970-х интеллигенция ищет контакта с рабочими, у которых свои причины для недовольства: второе поколение рабочих в ПНР находилось в том же положении, что и первое, а может, даже в несколько худшем.

— Строй обещал возрастание жизненного уровня и обманул?

— Обманул не только экономически, но и социально. Когда крестьянин становится рабочим, он продвигается вверх, и во имя этого можно многое вынести. Но когда сын рабочего остается рабочим, то это естественно, но уже нет и речи о социальном продвижении. И это не только вопрос зарплаток: когда исчезает возможность социального продвижения, зарплатки, а скорее потребительские возможности становятся тем более важными.

— Коммунистические верхи этого не понимали? Не были в состоянии ничего изменить?

— Наиболее умные среди них, вроде Якуба Бермана, были вместе с тем особенно вовлечены в сталинизм. Этих же людей сломил доклад Хрущева на XX съезде КПСС и осуждение сталинизма — сломил не только политически, но и душевно, эмоционально и идеологически. Владислав Гомулка — это переходная фигура: он хоть и был еще верующим коммунистом, но с течением времени становился все циничней и прагматичней. 1968 год и антисемитская кампания доказывают упадок: никакому хорошему коммунисту не полагалось говорить о евреях так, как говорилось тогда.

После Гомулки мы имеем Герека — прагматика, который воспитывался в рабочем мире. У него есть некая харизма, свой способ общения с рабочими. Он пытался поддерживать систему, давая рабочим маленькие «Фиаты», холодильники, отпуска. В подобных действиях была своя логика, но это был идеологический замысел, а не экономический. Думаю, что в 1968 г., и уж не позже 1970 го, все они уже знали, что система не справляется. Но не видели альтернативы и не располагали ею.

— А главное, были привязаны к своему положению и к власти.

— Разумеется, но помимо этого они еще очень долго искренне верили, что должны стоять у власти, что все другие — значительно хуже. Что может вернуться санация, что может наступить фашизм, что Германия заберет Западные земли. Или — в варианте Ярузельского — что вступят Советы...

— Цикл наших бесед мы начали с описания интеллигенции в 80-е годы XIX века. Хотел бы спросить теперь, находились ли польские верхи в течение этих ста с лишним лет на высоте стоявших задач. Из нашего разговора возникает образ людей, которые мыслили рационально. Совершали ошибки, но эти ошибки объяснялись уровнем их знаний. Поляки всегда предъявляют массу претензий к своим политикам: что никто не сумел воспротивиться Сталину и выторговать лучшую границу на востоке, что всегда можно было отыграть побольше...

— У меня такое впечатление, что по сути дела это вопрос польского интеллигента о роли его группы, а вы хотите от меня услышать, что в XX веке польская интеллигенция подвела. Этого я не скажу. Полагаю, что польская интеллигенция всегда

стоит перед некоторой дилеммой: в качестве интеллигенции она может быть любимой (хотя это и не всегда так), но в качестве власти — нет. Интеллигенция может обладать властью, но лучше она чувствует себя в другой роли: когда критикует, пишет стихи и, если понадобится, публицистику либо занимается журналистикой или же историей...

Польская интеллигенция — это одно, а политический класс — это другое. В польской истории XX века есть примеры интеллигентов, которые сыграли исключительную политическую роль. К примеру, Кароль Войтыла. Человек большого интеллекта и крупного формата, умеющий применять отдельные традиционные методы польского интеллигента и изменять мир. Ежи Гедройц — на мой взгляд, самая важная фигура польской интеллигенции XX века. Он не был политиком, но, хотя он только писал письма и редактировал журнал, ему удалось изменить целый ряд очень важных установок внутри польской интеллигенции.

Или интеллигенты, которые сыграли большую роль в первой «Солидарности»: Адам Михник, Яцек Куронь, Богдан Борусевич, — в чрезвычайно трудных политических обстоятельствах они умели поступать необычайно благоразумно. Немногие из канадцев, французов или американцев сумели бы функционировать в таком страшно сложном и узком политическом пространстве.

— Есть ли у польской элиты какой-то дефект?

— Мне представляется, что если у Польши имеется проблема, то она связана с разворачиванием государственности. Когда государства нет, польская интеллигенция замечательно придумывает, как его создать. Но, когда государство уже есть, начинаются трудности, потому что необходимо заниматься этим непосредственно. Идеи, актуальные в обстоятельствах борьбы за государство, например, романтизм или михниковская «антиполитика», после 1918-го или 1989-го перестают быть актуальными.

Конечно же, с политическим классом есть проблемы, но не могу, однако, удержаться от замечания, что он показал прямо-таки невероятную историческую устойчивость. Германия с 1939 г., СССР, потом коммунисты — все они безрезультатно уничтожали традиционную интеллигенцию. Гитлер после нескольких недель войны и репрессий счел, что избавился от польской интеллигенции, а ведь ничего такого не было даже приблизительно. Польская интеллигенция многочисленнее и сильнее, чем кажется.

— Вся эта история с конца XIX в. и до сегодняшнего дня характеризуется огромной дистанцией между интеллигентами и народом. Как вы говорили, это два разных мира, две разные истории. Поэтому для польского интеллигента выглядит неожиданностью то, например, что в оккупации крестьяне делали с евреями.

— Это классическая проблема польской интеллигенции с первых ее шагов. Мы не народ — именно так интеллигенты определяли себя в самом начале, в 1850-е или 1860-е. Они знали, что существует огромная дистанция между ними и народом, и искали какой-то способ сближения. Таким способом у марксистов должны были послужить законы истории и революция, а у националистов — идея о воспитании национально сознательного крестьянства. Левая интеллигенция тоже, надо думать, не понимала народа, иначе она была бы не в состоянии поверить, что сумеет его изменить. Проблема правой интеллигенции заключается в ее пессимизме: она верит, что народ — примитивный и антисемитский, и в этом вопросе у нее нет иллюзий. Но всё-таки она пытается это скрыть.

Необходимо время от времени принимать во внимание действительность, но необходимо также обладать какой-то общей картиной. Так думал Гедройц. С одной стороны, всегда надо быть реалистом, но с другой — надо быть еще и романтиком, потому что надлежит иметь представление о переменах. Без реализма человек неэффективен, но без взгляда в будущее он тоже неэффективен, так как отсутствует цель.

— Завершилась ли миссия польской интеллигенции? Мы сегодня довольно зажиточная идвигающаяся в хорошую сторону европейская страна, безопасная и демократическая. Быть может, интеллигенту пора отправляться в музей?

— В Польше интеллигент представляет собой цивилизационный образец, и это не изменится. Вы когда-то обратили внимание, что на Западе буржуазия хотела быть аристократией, а в Польше ей всегда хотелось быть интеллигенцией. Не каждому буржуа, разумеется, но таким было доминирующее течение. Думаю, что этот цивилизационный образец — вовсе не самый плохой. Если поляку повезет, он захочет быть интеллигентом, хотя и не скажет этого. Но именно такова его цель. Нет, времена интеллигенции не завершились! Разумеется, уровень публичных дебатов в Польше меняется к худшему, как и в других странах тоже, но, коль скоро вы еще можете на

страницах популярной прессы печатать такие беседы, как наша, дела обстоят недурно.

— С одной стороны, интеллигент жертвует собой для народа, но с другой — часто трактует людей из низших слоев как объекты. Я бывал в таких интеллигентских домах, где хозяева придерживались очень хорошего мнения о своей общественной деятельности, но с домработницей обращались ужасно. Не слишком ли вы добры к польскому интеллигенту?

— Это типично для любого классового общества. Американцы, с моей точки зрения, смотрят на домработницу лучше, чем европейцы, и вот в каком смысле: они возле нее все время думают о том, что ситуация какая-то неловкая. Поскольку у нас [в Америке] классы вообще не должны существовать. Европейцы могут не любить классовую систему, но они к ней привычны. А что касается симпатии — я пробую понять, каково положение внутри польской интеллигенции, потому что пытаюсь понять польскую историю. Понимание невозможно без определенного рода симпатии. Но это не моя личная симпатия, это симпатия исследователя.

Мартин Курек

ОЛЕАНДР

Всё будет так же: два тополя, чахлый
горец и туя у стены, скрипучая
калитка, ржавчина. Как это случилось,
как дошло до того, что я теперь лежу
мёртвый на полу? Мёртвый?
Но можно ли умереть
глупее: отравившись водой из пластиковой
бутылки, в которую вчера
поставили обрезанную ветку?
Сейчас конец октября, дождь
лёт три дня. Слушаю адажио
из девятой Брукнера,
потом подхожу к окну,
и в ту же минуту тёмно-синий боинг
и сверкающая сорока перекрещиваются в полёте
в небе цвета грязной глазури.
А что покажем мы, моя сорока?
Всё началось в ту субботу,
когда пришло известие
о смерти Чеслава Милоша.
Ты сидел на скамейке
в Вансе, глядя, как З. качается
на деревянной лошадке, а платаны

в сквере сбрасывают кожу,
обнажая свои кости.

За несколько лет до того тебя застал врасплох
другой, предначертанный уход.

Был вторник, уже не первый день
женщины перед костёлом

предрекали смерть величайшего
поляка, а М., потрясённая предсказанием,

молилась за папу римского,
который должен был прожить ещё
почти семь лет.

В тот день в комнате на девятом этаже,
среди книжных полок,

возле кучи голубых папок

хранящих в себе ксерокопии,
накопленные за много месяцев в дешёвой гостинице
на Антона Мартина,

ты проснулся в семь и, помня

о пророчестве женщин, включил радио.

Сообщили, что рано утром

в Варшаве умер

Збигнев Херберт.

«Херберт скончался?» — спросили
одновременно

Д. и Т., когда через две недели

ты рассказал им эту историю

(в путешествии на берега Роны

их эта весть не нашла).

Когда через семь лет в парке в Вансе

тебя застала весть о смерти Чеслава

Милоша, ты подумал, что кто-то подшутил

над ним и позволил лишь ощутить вкус

нового века. Но кому уже вскоре

предстояло подшутить над тобой?

Я устроился в комнате 3., сижу

у окна, выходящего

на восток. Этот вид меня поражает,

я чувствую себя так, словно я в чужом доме,

словно я недавно умер и вижу дом

под новым углом зрения. Две трясогузки

перелетают с ветки на ветку ели,

весёлые, но не пугливые, когда одна

зависает в воздухе, я вижу её спинку

на фоне приглушённой зелени свежих игл,

а свет проскальзывает по ним

и режет кристально-чистый воздух.

Прошу без вызова не входить. Ну, ведь

о чём, собственно, молчат последние фразы

книг? Каким образом скрытое

ускользает от видимости, словно скользкая
нить,

либо наоборот:

лишенная формы одновременность чувств

теперь и всегда наскоро и холодно нас прошивает
стежками

вещей и слов, всё звучит,
отражается и резонирует, открывая под стопами
иллюзию глубины, никогда не достижимое
обетование той стороны, иллюзию, брошенную
на сетчатку мира?

Кто последний?

Чему служит эта робкая,
а может и самоуверенная считалка,
болтовня, путаница, эманация, с помощью
которой ты пытаешься определить форму незримого,
как обстреливаемый отовсюду профиль
трёхпалубника, играя в морской бой с тем, кто мёртв
уже двадцать лет и вдруг неожиданно
причаливает к берегу? Пазл с бесконечным
числом элементов? Странность голоса, что
кружит вокруг вишнёвой косточки, лежащей на
столе,

но никогда к ней
не приближается?

*В определённые отрезки времени
отдельные исполнители играют свои партии
независимо от других. Каждый
из музыкантов должен играть так, словно не знает,
что играют другие, или, по крайней мере, так,
словно
не слышит ничего кроме своей собственной игры.*

*Ему нельзя огорчаться, что он опаздывает
в сравнении с другими или их обгоняет.*

Этой проблемы не существует.

Простите, что я спросил.

Я уже не знаю, почему мы вернулись на
несколько

дней позже. После краткого похолодания снова
жаркие

дни. В субботу гроза, какой я никогда
прежде не видел — потом чистейшая

синева, воздух, дрожащий от света.

Это одна из твоих любимых штук: в первый

день плотно закрытые ставни скрывают
высоту утреннего солнца, и только когда их раскроют
настежь, они поражают утомлённых
ослепительным блеском.

Накануне возвращения блестящая
прогулка сразу после щедрого ливня,
а над заливом десятки парусов
и ревущий «Ди-Си-9».

Низкие пальмы разделяют мостовую,
интересно, росли ли они здесь в двадцать седьмом,
когда ветер унёс госпожу Дункан
в последнее путешествие (в этой жизни умереть
не ново). Мы шли среди азалий,
огромных, как дубы, какое-то мгновение ты была, как
Алиса,

а потом по аллее вверх, в город,

и вдруг, без предупреждения — стена воды:

свет фильтруется через графитовые
тучи и косо падает со стороны моря.

Перед закатом большая стая ворон
возвращается

против ветра со старого сахарного завода на Клецине,
летит в сторону клёнов и лип в Сорочьем парке,
и в три часа пополудни

стало темнее, чем в полночь.

Можно ли сделать снимок без света?

Санаторий: большая палата, у стен
ряды железных кроватей, ночные

вылазки на кухню, тараканы
на столах и на потолке. Через пару дней

ты подружился с парнем,
который видел пожар на шахте в Карлине.

Семью годами позже в пассажирском поезде
до Колобжега ты увидел, что он сидит

напротив, и до сих пор жалеешь,
что не решился заговорить.

Выбор и неизбежность утраты.
Отсюда всё.

Тебе действительно не по себе,
когда ты замечаешь у ребёнка свои наклонности:

манию собирательства и печаль,
когда коллекция собрана, когда последний
недостающий

фрагмент (монета, марка, банка
от «синалко») снова ставит тебя перед пустой
стенкой. Ты помнишь книжный магазин на
Ареналь,
в двух шагах от Соль, наверно, уж много лет, как
её нет: на витрине новинки, внутри
два шкафа со старьем и остатки тиражей
из-за моря. И вдруг — есть! — книга, изданная
четверть века назад, книга, которой ты вдруг
возжаждал
как ничего на свете. Хозяин
обещал отложить, пока не придут
деньги, но ты не можешь спать:
столько лет ты не испытывал ничего подобного!
Назавтра ты берёшь последнюю
банкноту, в девять утра влетаешь
в книжный, и вот, наконец, она у тебя в руках.
Бурные чувства поспешно тебя покидают.
Двумя неделями позже, с надлежащей суммой
в кармане, ты возвращаешься туда, требуя
книгу. Изумление на лице
мужчины. Он говорит:
«Её нет, она продана».
«Продана? А ведь вы обещали её отложить!»
Книготорговец в упор смотрит тебе в глаза:
«Кто-то её купил. Но я могу заказать новую.
Загляните ко мне на следующей

неделе». Твоё собственное изумление,
когда через два месяца Е.
достала из чемодана два экземпляра той же книги.
Иногда я сам себя удивляю, как моряк,
проснувшийся в открытом море под чужим флагом.
Не слишком ли ты слаб, чтоб дать
воспоминанию глаз микроскопа?
Возьмём день, в который ты навсегда
покинул края своего детства:
мощёная улица, лицо прижато к холодному
стеклу, а белые конские каштаны убегают назад
над крышей пикапа.
Выходит, из твоих стихов, которые нечаянно
предсказали наводнение,
кто-то другой вывел новую мифологию?
Сказать темнее я уже не могу.
Эта музыка — как вытяжка из смертоносного
растения:
несколько капель трогают сердце,
но чрезмерность входит в плоть холодным
дуновением, чтоб остаться надолго.
Не помню, кому из нас пришла в голову
мысль взять с собой ветку,
которая должна была проделать длинейший
путь, а потом — служить зримым
доказательством
существования юга.

В последний вечер, после заката, мы спустились
в сад, чтоб коснуться

ползущих усов и побегов (о, розмарин, о,
баклажан!)
и выбрать из них самый сильный: обезумевший куст,
который протянул длинные прутья
по всей усадьбе и как раз зацвёл
во всех скверах, на всех газонах и площадях,
обочинах дорог и паркингов со всех
сторон моря.

Ветку, обрезанную на высоте глаз:

тёмно-зелёные листья
и несколько цветков с запахом ванили —
Е. положила в пластиковую бутылку,
наполненную водой, и утром сунула её
в чемодан вместе с горстью камней,
набранных на пляже, и небольшой контрабандой
(господа Жигондас и Вакейрас
любят путешествовать вместе).

Мы отправились в путь до рассвета, чтобы
уже к середине дня объехать стороной Альпы
и в полночь лечь в холодную
постель. Тёплая ночь, прожектора во мраке,
далёкий свет домов на взгорьях,
названия, обещающие долгое прощанье:

Вильфранш, Больё, Эз
(*Sehr langsam und noch zurckhaltend*)

и наконец скала Трораем Алпину,
о которой Вергилий говорит в «Чистилище»,
что без крыльев туда ступить
невозможно, а Плиний Старший
в «Истории» перечисляет сорок пять
лигурийских племён, чью гибель
от руки Октавиана Августа славит памятник.
Жизнь их падает тенью на жизни
сидящих высоко.
Итак, Император, Цезарь, Divi filius Augustus,
свет и соль на рассвете, и вдруг —
я прощаюсь с вами, прощаюсь, прощаюсь!

ОТРАВЛЕННЫЙ КРАСОТОЙ

Мартин Курек (р.1970) — поэт и переводчик, а также литературовед, специализирующийся прежде всего на литературах Латинской Америки. Переводил, среди прочего, произведения Рембо, Бунюэля, Понжа. Как поэт дебютировал в 1997 г. книгой стихов «Вечерний монолог». Сборник был почти не замечен критикой — тем большей неожиданностью оказалась следующая книга, изданная в 2010 г.: развернутая, композиционно сложная поэма «Олеандр». Эта книга была отмечена одной из самых главных польских литературных премий, присуждаемой Фондом им. Костельских в Женеве (ее лауреатами были, в частности, Виктор Ворошильский, Збигнев Херберт, Адам Загаевский, Януш Андерман, Адам Михник).

Герой поэмы возвращается из путешествия по Италии — можно предполагать, что он отправился туда вслед за своими выдающимися предшественниками, начиная с Кохановского и Гёте, — и привозит в бутылке веточку олеандра. Он пьет воду из этой бутылки, чтобы убедиться, что действительно выпил яд: жизнь его, похоже, устремляется к концу, и, как бывает в таких обстоятельствах и в такие моменты, начинается полугаллюцинаторное путешествие через прежний опыт. Рассказ об этом — ветвящийся, словно пускающий корни, насыщенный различными эпизодами, литературными отсылками и аллюзиями — идет параллельно операции спасения. Скажем сразу, поскольку это не детектив, а сплетение лиро-эпических мотивов: герой поэмы останется жив. Но он уже — кто-то другой: он — повествователь литературного произведения, в котором идет рассказ об этом. Ведь именно он, а не умирающий, ведет в тексте разговоры с умершими (довольно частый литературный прием) и пытается (который уже раз в нашей литературе?) расшифровать символ «сорок четыре» — имя, данное спасителю Польши в драме Мицкевича. Он же замечает и не столь уж очевидную для большинства истину, что «цвет нашего флага сложен, / а продолжение не оставляет иллюзий», что явно можно читать и как отсылку к словам упоминаемого в поэме Милоша, который в «Поэтическом трактате» писал: «историчность суть уничтожает» (пер. Н. Горбаневской). Несомненно, в этом произведении оживают сюжеты и мотивы, присутствующие в польской литературе по крайней мере со времен романтизма,

— как в художественном измерении, так и в историософском, и даже в метафизическом.

В пространство метафизики направляет сюрреалистическая фантазия, частично явно заимствованная у Бунюэля, которого Курек переводил. Это интересно, поскольку в принципе сюрреализм в польской литературе — в отличие, скажем, от чешской — не прижился. Но именно динамика свободной ассоциативной игры этого типа позволяет создать атмосферу таинственности и неоднозначности, приоткрыть переход в сферу отмеченного смертью метафизического опыта. При этом текст настолько интересен, что читаемая вновь и вновь поэма жизни, чья красота губительна, кажется похвалой пропагандируемому в одном из манифестов Адама Загаевского «высокому стилю» — применением к литературе очередного классицистического рецепта.

КАК ПИСАТЬ О КОРЧАКЕ, КАК ЕГО ПОНЯТЬ?

«Что собираешься делать? — Сам видишь. Ищу подземный источник, из которого, подобно холодной чистой воде, струятся воспоминания», — писал Януш Корчак в своем дневнике в варшавском гетто в 1942 году.

Каждая очередная попытка написать биографию Януша Корчака представляется делом весьма рискованным. В этом прекрасно отдавала себе отчет Иоанна Ольчак-Роникер, говоря о своих колебаниях во вступлении к книге «Корчак. Попытка биографии»:

«Но разве не сказано о нем уже всё, что только можно сказать? Опубликовано с десятков биографий, тома воспоминаний, бесчисленное количество статей и научных работ. Снял фильм Анджей Вайда. Международные организации проводят корчаковские симпозиумы и конференции. В интернете можно найти сотни крылатых фраз, связанных с его именем. Школы, харцерские дружины, детские дома выбирают его своим покровителем».

Конечно, сказано много, однако никто еще не пытался создать портрет Корчака с таких разных позиций и точек зрения. Так же, как никто не пытался рассказать о его жизни с самого ее начала. Для многих она начинается и одновременно заканчивается в августе 1942 го, когда вместе со своими воспитанниками из «Дома сирот» он отправился на Умшлагплац, откуда поезда уходили прямо в Треблинку. ореол мученичества сделал его фигуру совершенно неподвижной. Корчак, утверждает автор, по-прежнему живет в общественном сознании главным образом как «герой ежегодных маршей, как символ и миф» — словно персонаж с иной планеты, неподвластный ни закону земного притяжения, ни каким-либо сомнениям и искушениям.

Но ведь всё было совсем не так. Это и пытается донести до нас Иоанна Ольчак-Роникер, реконструируя биографию Януша Корчака. При этом она достаточно критически подходит к первой книге о Докторе, написанной ее матерью, Ханной Морткович-Ольчак, рассказу которой свойственен

«поминальный тон, которому так не хватает человеческих, приземленных деталей».

Иоанна Ольчак-Роникер решает оживить этот покрывшийся бронзой образ, снять его с пьедестала и очеловечить. Ибо, как она справедливо полагает, «у него должны были быть свои слабости, недостатки, несуразицы и все те специфические черты, благодаря которым он может стать нам гораздо ближе».

Поэтому Ольчак-Роникер следует за автобиографическими фрагментами, тут и там разбросанными по произведениям героя ее книги. Большинство источников, которыми она пользуется, чтобы по мере возможности верно воссоздать биографию Старого Доктора, требуют от нее повторного прочтения и верификации. Но именно благодаря им мы узнаем о его делах. Известные широкой читательской публике книги, адресованные младшей аудитории, к примеру: «Король Матиуш Первый» (1922), «Кайтусь-чародей» (1925), «Когда я снова стану маленьким» (1923). Педагогические произведения, в которых он поднимался на защиту достоинства ребенка, признавая за ним право быть наравне со взрослыми: «Как любить ребенка» и «Ребенок в семье». Обширная публицистика, выходившая в варшавских периодических изданиях, а также в еврейской прессе. Знакомство с этими текстами помогает автору воссоздать интеллектуальную панораму на стыке XIX и XX веков, «докопаться» до родословной Януша Корчака — еврея, который чувствовал себя поляком, поляка, который не мог забыть, что он еврей. Вольнодумца, вовлеченного во всё, что происходило вокруг, но при этом не принадлежавшего ни к одной политической партии, свободного от любых идеологий. Участника русско-японской и Первой Мировой войн, майора польской армии времен независимости. Члена масонской ложи («Почему бы и нет? Кодекс масонской этики строился на принципах, которыми он сам же и руководствовался»). Пацифиста, который, потрясенный жестоким абсурдом войны, искал духовной опоры в теософии. Словно эхом теософских воззрений звучат слова, которые он записывал в предчувствии конца: «Если ты не веришь в существование души, тебе придется признать, что твое тело будет жить как зеленая трава, как облако. Ведь ты — это вода и песок».

В своей публицистике он часто обращался к проблеме «двойной идентичности». «Наивная вера, что можно одновременно быть евреем и поляком, сопровождала Корчака всю жизнь». Не только он был в этом уверен, добавляет автор книги. «Таким же примерно образом думали мои бабушка и дедушка, Янина и Яков Мортковичи, семья издателей. Они принадлежали к тому

же поколению, что и Корчак, более того — к той же среде. В юности вращались в тех же самых варшавских компаниях «непокорных», утверждавших, что «никто не свободен от ответственности за то, что происходит вокруг». Уместно вспомнить, что «непокорными»» Богдан Цивинский окрестил в свое время целое поколение польской интеллигенции, жившую на стыке XIX и XX веков.

Говоря о «той же среде» и том же поколении «непокорных», Ольчак-Роникер имела в виду участников курсов «летучего университета». Лекции посещали люди, жившие наперекор идеям модернизма и разного рода упадническим настроениям. И даже когда перспектива обретения Польшей независимости была очень туманной, они не падали духом, видя смысл в согласованных действиях сообща.

Обычно они пытались «достучаться» до маргинальных сообществ, людей, живших на обочине жизни, отброшенных туда в силу своего низкого происхождения или тяжелых материальных условий. Среди преподавателей были Людвик Кшивицкий, Ян Владислав Давид — редактор «Голоса», журнала радикальной интеллигенции, а также Вацлав Налковский: «...он оказал на Корчака наибольшее влияние своей бескомпромиссной критикой пассивного отношения к миру и предъявляемым к человечеству требованием неустанного этического развития».

Автор книги подчеркивает, что Януш Корчак на протяжении всей своей жизни одновременно был Генриком Гольдшмитом, не поддавшись окончательной полонизации. И до самой смерти сохранил верность старому еврейскому нравственному девизу: «На трех китах держится мир: наука, Божья воля и добрые дела».

Иоанна Ольчак-Роникер дает слово и другим очевидцам. Обращается к документам той эпохи. Приводит мнения людей, знавших Старого Доктора. Цитирует свидетелей последнего похода Януша Корчака и его воспитанников из Дома сирот на Умшлагплац. Верно воссоздает топографию тех времен. Рассказывает о жизни своего героя на фоне политических и социальных перемен конца XIX — первого десятилетия XX веков, когда история определяла ритм жизни каждого отдельного человека.

Тем не менее текстуальной основой для биографии Корчака остается его «Дневник». В нем можно обнаружить своего рода план автобиографии, согласно которому тот собирался описывать основные этапы своей жизни. Правда, сделать этого

он не успел. Автор вслушивается в едва различимый голос Доктора, доносящийся со страниц «Дневника». Его фигура редко выступает из тени на свет, он не говорит о себе много — скорее, просто излагает свои мысли. Среди отдельных фраз, обрывков мыслей, всё время производящих впечатление незаконченных, на скорую руку записанных в самый момент их появления, вырисовывается его фигура. Невыразительная, размытая, но вместе с тем очень конкретная и живая. Несломленный мечтатель-революционер, учащий взрослых, «как любить ребенка», «пытался смотреть на окружающую его действительность холодным, бесстрастным взглядом натуралиста, который наблюдает, ничему не удивляясь, ничего не боясь, желая понять язык, на котором с ним разговаривает сама История».

Остаются фрагменты. Предусмотрительно извлеченные из «Дневника», они служат автору предложениями, открывающими каждую главу книги. Именно вокруг них и разворачивается повествование о Корчаке, разворачивается в своего рода домашней, даже интимной атмосфере, создающейся благодаря присутствию в тексте близких друг другу людей. Их судьбы часто развиваются параллельно, иногда сплетаясь между собой. Они имеют отношение к конкретному месту, конкретной традиции, культурному и духовному росту — поскольку порождены схожим опытом. Хотя Иоанне Ольчак-Роникер не пришлось утруждать свою память, вызывая к жизни образ Старого Доктора — он навсегда запечатлен в истории ее семьи. На страницах своей книги автор рассказывает об их последней встрече. Незадолго до 12 октября 1940 года, когда Людвиг Фишер должен был распорядиться об установлении в Варшаве границ гетто, Корчак в последний раз появился в доме Иоанны Ольчак-Роникер, которой тогда было шесть лет: «“Он просил нас пожертвовать репродукции картин, чтобы украсить ими стены своего нового детского дома, в гетто”, — так описывала моя мать эту встречу, стараясь передать ее колорит и атмосферу. Тепло и уют их семейного очага, с которым она должна была очень скоро расстаться. Страх перед будущей неизвестностью. Сопереживание по поводу неподъемной тяжести, которую должен был взвалить на себя ее друг — измученный пожилой человек. Я ничего не запомнила, играла с собакой, которую нам оставили наши друзья, переехавшие в гетто. Я знала, что мы уезжаем из Варшавы — и как же тогда быть с песиком? Вот что тревожило меня больше всего».

Выстраивая повествование о жизни Корчака, Иоанна Ольчак-Роникер в то же время рассказывает и о себе, обращаясь к собственным корням, воскрешая целый мир, который был

обречен и в результате оказался полностью уничтоженным. Восстанавливая память об ушедших, пытаюсь понять, в чем был их жизненный выбор, она пытается найти этот самый «подземный источник» удивительных и запутанных судеб поляков и евреев.

КОРЧАК. ПОПЫТКА БИОГРАФИИ

Когда определяли границы «закрытой территории», Хлодная получила статус «арийской» улицы. К гетто был отнесен только маленький отрезок между Железной и Вроньей. Дома под номерами от 28-го до 48-го и от 25-го до 42-го должны были быть очищены от поляков. На Хлодной, 33 размещалось Государственное мужское коммерческое училище имени Юзефа и Марии Реслеров, и теперь оно должно было оттуда съехать. Так что Корчак совершил обмен с директором училища, Щепаном Боньковским, передав училищу здание на улице Крохмальной. Обе стороны пообещали заботиться о вверенном им имуществе, а с окончанием войны вернуться каждый на свое место. Здание училища было разрушено в 1944 г., во время Варшавского восстания. Дом Сирот уцелел, однако возвращаться в него было некому.

Эмилия Мантоффель, директор варшавского Центра здравоохранения и опеки над детьми, официально посетила два еврейских детских дома перед их переездом в гетто и составила отчет по результатам этих визитов.

«Невероятно грустную картину представляло в момент переезда Учреждение для ортодоксальных по Вольской ул., 18. В обшарпанных, холодных комнатах сидели или лежали обессиленные, до крайности истощенные дети, укрытые грязными лохмотьями, с выражением безнадежной тоски в огромных, словно сверкающих в лихорадке глазах. Директор, врач и прочие сотрудники уже не производили впечатления вменяемых людей. Их ненатуральное оживление не могло одолеть глубочайшего отчаяния, а на лицах читалось страстное ожидание спасения и ужас от осознания того, что оно невозможно. (...)

В Доме Сирот на Крохмальной, 92, директор д-р Януш Корчак и его заместитель г-жа Вильчинская поражали стойкостью и самообладанием. Характерный идеализм не оставлял доктора и в эти дни, он верил, что его дети будут спасены и с наивной верой умолял директора Отдела опеки и здоровья [Яна Старчевского] о транспортировке через так называемую «зеленую линию», то есть подвальными переходами, о живой корове, чтобы дать детям немного молока, а также нескольких мешках картошки; это, однако, в сложившихся условиях было абсолютно нереально».

В начале ноября 1940 г. начался переезд. На первый взгляд ничего особенного — переезжаешь с одной улицы на другую, но по сути это было перемещение из мира живых в преисподнюю. Доктор очень хотел, чтобы этот переезд стал демонстрацией несогласия с распоряжением властей и насмешки над ним — гротескным, карнавальным походом, во время которого дети несли бы свое любимое снаряжение и игрушки, лампы, цветы в кадках, клетки с птицами, миски, чашки и ночные горшки. Это, в конечном итоге, было не более чем рефлексией, вызванной бессильным гневом. В действительности всё было сделано гораздо спокойнее и без излишней нарочитости. За порядком, как обычно, следила госпожа Стефа. И тем не менее, ярость Корчака нашла себе применение.

Немецкие жандармы, расставленные в воротах, ведущих в еврейский квартал, под предлогом имущественного досмотра переселяющихся хватали всё, что плохо лежало. На этот раз они конфисковали перевозимые на телеге мешки с картофелем, ценившегося в те времена на вес золота, поскольку он давал все шансы выжить. Поэтому Доктор провел в новом пристанище только одну ночь, а утром, как обычно, надел свой офицерский мундир и, как всегда, без нарукавной повязки отправился на Театральную площадь во дворец Бланка, где размещалась оккупационная администрация, чтобы заявить о произошедшем грабеже. По свидетельству Игоря Неверли гитлеровский чиновник спросил:

«— Собственно, а вам-то какое дело?»

— Я врач.

— Прекрасно, лечите польских детей сколько угодно, ведь Вы не еврей.

— Я как раз еврей.

— А где тогда твоя повязка?!

— Я не признаю этого позорного знака».

Его ударили по лицу — наверное, впервые в жизни. Он услышал: «Du verfluchter Jude!». Для всех воспоминаний о Катастрофе характерно это ощущение шока, вызванное первым столкновением с физическим или психическим надругательством со стороны гитлеровцев. Впоследствии унижения стали регулярными, начались и куда более страшные вещи, но не проходило ощущение, что рухнули все прежние иерархии, перейдены все границы дозволенного, отменены все

былые табу. Ущемленная гордость саднила не меньше, если не больше, чем израненное тело. Сказано же в Талмуде: «Публичный позор приравнивается к убийству».

Корчак был проникателен и прекрасно отдавал себе отчет, что тактика нацистов заключается в том, чтобы лишить своих жертв чести и достоинства — атрибутов человечности. Но сдаваться без боя он не собирался. Следуя своей анархической натуре, он начал борьбу за сохранение независимости на собственных условиях, не выказывая страха смерти. Вот почему он демонстративно носил польский мундир, отказавшись надевать обязательную для евреев повязку. Во дворце Бланка, доверху набитом оккупантами, этот хрупкий, незащитный пожилой человек в одиночку померился силами с врагом и выиграл первое сражение. Его не застрелили на месте, отправив в тюрьму Павяк.

Впереди было еще почти два года жизни, хотя ему казалось, что его часы сочтены. Позднее он напишет в «Дневнике»: «О, как тяжела жизнь, как легка смерть». О его мужестве свидетельствует строгая самодисциплина, к которой он в то время сам себя приговорил. Остаться самим собой. Сохранить внутреннюю свободу. Это безразличие к собственной судьбе стало для него железным правилом во время работы в Доме Сирот. А сейчас, во время допросов в гестапо на аллее Шуха, он держал между собой и гитлеровцами ироничную дистанцию, достойную Сократа. Ему грозил крупный штраф за нарушение установленных правил. Наличных не было. Он был готов отдать свою довоенную сберегательную книжку, на которой было три тысячи злотых, однако для гестаповцев она не представляла никакой ценности. Они предлагали ему свободу в обмен на выкуп, который заплатит еврейская община. Он отказался.

— *Ты не хочешь, чтобы за тебя заплатила община?*

— *Нет.*

Его отвезли обратно в Павяк.

Никто не знал, чем закончится это опасное приключение. Можно представить, до какой степени арест Доктора напугал госпожу Стефу, воспитателей, детей — всем им пришлось бы начать новую, полную неизвестности и опасностей жизнь без него. Но у Стефании Вильчинской был железный характер. Она сумела взять себя в руки во время всеобщей дезориентации и паники, заставив всех работать. Размещение ста пятидесяти детей в новых, не приспособленных к нюансам работы приюта помещений, решение проблемы со спальными местами,

школьными классами, кабинетами и мастерскими, да и вообще такая организация жизни, словно ничего не произошло, — всё это требовало огромных усилий и не оставляло времени предаваться отчаянию.

В свои пятьдесят четыре года сил у госпожи Стефы, кажется, было куда меньше, чем раньше, однако на нее смело можно было рассчитывать. Она прекрасно со всем справлялась, как и тогда, в 1914 году, когда Доктор ушел на войну, а она, двадцативосьмилетняя, осталась одна, посреди опасностей военного времени, с вверенными ей воспитанниками. Она всегда была сильной. И всегда одинокой. Чего ей это стоило? Никто такими вопросами не задавался.

Шок от переезда немного смягчил тот факт, что на Хлодной они нашли сравнительно безопасное убежище. Участок №33 занимали два здания: гимназия и жилой дом. Дом Сирот получил в свое распоряжение здание гимназии, а в частных квартирах, из которых были выселены поляки, разместились евреи, вынужденные покинуть «арийский район». Среди них оказался Михал Зильберберг, школьный учитель, иудаист. Благодаря ему мы знаем, что дом был одним из самых чистых и ухоженных в гетто, а случайные соседи — ортодоксы, ассимилированные, крещеные, сионисты, социалисты — всячески избегали конфликтов. «Общая судьба и такая же неуверенность в завтрашнем дне объединяли нас, мы жили как одна большая семья».

В субботу, 16 ноября 1940 года, «еврейский жилой участок» оказался заперт. Его и раньше окружали стены и колючая проволока. Теперь же в двадцати двух воротах, установленных на перекрестках улиц, стояли немецкие, польские и еврейские полицейские. Без специального пропуска ни один житель гетто не мог его покинуть. В этот день немецкая полиция перевернула вверх дном «арийскую» часть Варшавы в поисках спрятавшихся евреев — свыше одиннадцати тысяч было поймано и переселено в стены гетто.

Владислав Шпильман, герой кинофильма Романа Полянского «Пианист», вспоминал:

«В тот вечер у меня были какие-то дела в конце Сенной, на ее пересечении с Железной. Несмотря на дождь, для этого времени года было еще очень тепло. На темных улицах роились толпы людей с белыми повязками на рукавах. Все были сильно взволнованы и сновали туда-сюда, словно животные в клетке, к которой они еще не успели привыкнуть. Вдоль стен домов на мокрых и грязных одеялах сидели плачущие женщины с орущими

от ужаса детьми — это были еврейские семьи, в последний момент брошенные в гетто, не имевшие крыши над головой. В уже давно переполненном районе, рассчитанном на сто тысяч человек, теперь должны были жить полмиллиона несчастных.

На фоне темной улицы хорошо была видна освещенная прожекторами, вытесанная из свежей древесины решетка ворот гетто, отделявшая нас от мира свободных людей».

В течение следующих десяти дней поляки могли приходить в гетто без пропусков. Эммануил Рингельблум записал, что варшавяне приносили хлеб своим еврейским друзьям. Депортированным также присылали цветы.

Корчак вернулся к своим в начале декабря. Впоследствии он в шутку хвастался, что во время ареста выдержал экзамен на состояние здоровья. «Несмотря на причинявшие неудобства условия содержания, я не болел, не обращался к врачу и ни разу не попробовал увильнуть от гимнастики, которую так избегает даже молодежь».

На самом же деле уже тогда он чувствовал себя очень скверно. Как к нему там относились? Не слишком ли мучили? Неизвестно. Через несколько недель состоялось судебное заседание, и его приговорили к штрафу — («три тысячи или пять — не помню»). Денег у него не было, однако немецкие врачи потребовали на суде, чтобы в связи с плохим состоянием здоровья Корчак был отпущен под залог, который заплатили его бывшие воспитанники: Бенъямин Цукер, Гарри Калишер и Бурштын. По другой версии, выполняя просьбу председателя юденрата Адама Чернякова, деньги заплатили два состоятельных еврейских коллаборациониста: Давид Штернфельд и Авраам Ганйвайх. Кажется, Черняков пытался потом вернуть им деньги, но они их не приняли.

Суд постановил, что штраф может быть выплачен в рассрочку — пятьсот злотых ежемесячно. Польский «темно-синий» полицейский доставил судебный приказ только через несколько недель, объясняя, что дольше уже не мог держать у себя письмо. Стелла Элиасберг вспоминала, что Корчак решил не платить штраф. «Пусть сами придут и возьмут, у меня денег нет, сиротских не трону, а пожертвований не приму». Но эта история мучила его до самого конца.

Михал Зильберберг писал, что Корчак, едва выйдя из тюрьмы, приказал замуровать главный вход в здание с улицы Хлодной:

«Нам это показалось странным, но ему хотелось иметь как можно меньше точек соприкосновения с немцами. После тюрьмы и пережитого стресса он боялся собственной тени. А наш дом находился как раз на границе гетто, немцы были совсем рядом».

Было ли ему страшно? Или он хотел уберечь детей от контакта с улицей? Ведь в дверь постоянно стучали несчастные, умоляющие о помощи люди, которым приходилось в этой помощи отказывать. Он надеялся, что им удастся в изолированном пространстве детского дома переждать худшие времена.

Стелла Элиасберг рассказывала:

«На Холодной жизнь детей была организована совершеннейшим образом; вместо школы — приходящие учителя, а также уроки Корчака. Ежедневные занятия: швейная мастерская, кружок развивающих игр, куклы, любительские представления для наших выпускников и их семей, а также для детей из других учреждений. Главным организатором была г-жа Клима Крымко, после войны она руководила Варшавским театром для детей. В священные дни, когда синагога была уже недоступна, поминальные богослужения проходили в Доме Сирот».

Не говоря уже о том, сколько нужно было вложить сил, чтобы раздобыть средства на содержание воспитанников, численность которых со ста пятидесяти вскоре выросла до двухсот. Жители гетто получали продовольственный паек, суточный объем которого составлял 200–300 калорий ежедневно, в то время как необходимый человеческому организму минимум составляет 2400 калорий. Поэтому Доктор был вынужден, обходя еврейские общественные учреждения, а также относительно богатые и влиятельные дома, просить, умолять, требовать, собирая своим подопечным на хлеб, кашу и картофель.

Доктор Мечислав Ковальский, носивший тогда фамилию Кон и работавший в юденрате в отделе здравоохранения, рассказывал:

«Ко мне в кабинет зашел невысокий, худощавый, сутуловатый пожилой человек, с морщинистым лицом, рыжей, слегка поседевшей бородкой и необычайно добрыми, вызывающими доверие глазами. Без лишних предисловий он признался, что детям недостает всего: еды, белья, лекарств, но сейчас больше всего необходимо мыло. Мне удалось достать немного, после чего Корчак стал навещать меня довольно часто, не задерживаясь, впрочем, надолго. Он вечно куда-то спешил и никогда не говорил о себе...»

В январе 1941 г. жителям тех еврейских гетто, которые были организованы в местностях, лежащих в пределах варшавского дистрикта, было приказано переехать в столицу. Пешком, на подводе, как угодно. Местные гетто ликвидировались. Те евреи, которые прятались, подлежали расстрелу. Так что в Варшаву направлялись тысячи изгнанников из Седлец, Ловича, Гуры-Кальварии, Минска-Мазовецкого... За оказание им помощи или укрывательство грозила смертная казнь. Прушков, Пястув, Жбикув, Миланувек, Подкова-Лесна — все эти местности, лежащие под Варшавой, должны были быть очищены от евреев. Именно там абсолютно незнакомые, случайные люди, несмотря на смертельную опасность, прятали мою бабушку, мою маму и меня. И именно там другие люди бегали в полицию с доносами. Поэтому нам приходилось часто менять убежище. Но мы выжили, и никто из-за нас тоже не пострадал.

Даже подумать страшно, что было бы, если б моим бабушке и маме не хватило силы духа и они решили бы променять хорошо знакомый им кошмар нелегального положения на абсолютно абстрактный для них кошмар гетто.

15 мая 1941 г. немецким комендантом «еврейского района» Варшавы был назначен Хайнц Ауэрсвальд. Уже во время первых бесед с Адамом Черняковым он заявил, что план гетто ему не нравится, а это, в свою очередь, предвещало скорое изменение границ. Настроения и прогнозы на будущее делались все хуже и хуже. Самой сложной задачей Доктора, кроме проблемы продовольствия для воспитанников, было уберечь их от апатии, парализующей волю к жизни.

1 июня 1942 г. отмечалась тридцатая годовщина смерти доктора Исаака Элиасберга, одного из основателей Дома Сирот и многолетнего его опекуна. Корчак хотел, чтобы по этому поводу на могиле их друга, лежащего на еврейском кладбище, состоялось торжество освящения флага, под который они встали в первые месяцы оккупации. Мероприятие состоялось на восьмой день годовщины — 8 июня 1942 года. Перед этим Доктор должен был подвергнуться болезненной операции по поводу давно мучившего его и сильно запущенного нарыва в районе лопатки. Стелла Элиасберг писала:

«Уже издали была видна длинная шеренга детей, идущих парами, празднично одетых. В главе колонны шел персонал и сам Доктор, сгорбленный, с перебинтованными шеей и спиной, в пиджаке, наброшенном на плечи. Старшие мальчики несли флаг (...). Доктор нес маленький свиток Торы. Вид у них был очень трогательный. На могиле моего мужа Доктор произнес речь. (...) Хор сирот исполнил полагающиеся по случаю песни, после чего Доктор призвал детей

принести, по желанию, присягу, держа руку на Торе, что они будут жить с любовью ко всем людям, ради справедливости, правды и труда. Присягнули все».

Поразительно, какое большое значение придавал Корчак духовному развитию своих подопечных. Они искали примеры для подражания в христианстве и иудаизме, в восточной, древнеримской и древнегреческой философии, теософских и антропософских доктринах, масонских идеях — во всех этических системах, которые рассматривают поиски высших ценностей и смыслов как основное мерило человечности. Смелость существования, как говорят мудрые, в том и заключается, чтобы не поддаваться ни прозе жизни, ни жестокостям мира, ни собственным страхам и слабостям. Нужно только оставаться верным себе, воспринимая каждое мгновение своей жизни как вечное и одновременно последнее.

Воспоминания Михала Зильберберга позволяют нам взглянуть в события тех лет словно через прозрачную занавеску. Мы видим двор на Хлодной, 33, в котором невероятно жарким летом 1941 г. собираются жильцы:

«Это был наш «зал собраний», неофициальных дискуссий, любимых занятий и игр в свободную минуту (...). Корчак мог просиживать здесь часами, держа на каждом колене по малышу, болтая и развлекая их. Уделял он внимание и детям квартирантов. И меня, как бывшего учителя, зазвал в мир Дома Сирот».

В эти летние вечера они говорили не только о том, как спасти детей от голодной смерти и бушующего кругом тифа. Прикидывали, кто из еврейских интеллигентов и общественных деятелей смог бы выступить перед воспитанниками с лекциями. Зильберберг прочитал лекцию о Переце Маркише — известном еврейском поэте и писателе, связанном с Варшавой. Зильберберг рассказывал о нем польски, а стихи поэта читал на идиш. «Все люди — братья... Нас создал Бог... Этот мир — наша общая родина». Дети слушали как зачарованные.

«Совсем рядом, из-за стены гетто, были слышны зловещие размеренные шаги немецких часовых».

Зильберберг с изумлением наблюдал, как Корчак всё больше и больше отождествляет себя с еврейской средой. Когда на Хлодной собирались провести благотворительный концерт, пригласив на него и ассимилированных, и ортодоксальных евреев, разгорелся спор о языке мероприятия. Польский, идиш

или иврит? Спор разрешил Доктор, сказав: «Большинство людей в гетто говорят и думают на идиш и, даже умирая, шепчут слова на этом языке. Таким и должен быть язык концерта. Иначе у представления не будет души».

До войны в Доме Сирот с большим почтением относились к еврейским праздникам. Корчак — человек религиозный, но очень по-своему, не принадлежавший к конкретному вероисповеданию, — считал, что дети, происходящие в основном из ортодоксальной среды, должны знать основы иудаизма, сохраняя тем самым свою идентичность, черпая из нее утешение и веру. Однако он уважал и любой иной выбор. В гетто одной из его забот был глубокий контакт воспитанников с Богом. Для самодельной газеты он однажды записал один запомнившийся ему случай еще из довоенных времен, подчеркивая, до чего по-разному может выглядеть та отдушина, которую сулят человеку всевозможные религиозные практики:

«Когда собрались все мальчики, записавшиеся на ежедневную молитву, я спросил, почему они молятся, что заставляет их приходить молиться. Это было давно, что именно они говорили, я точно не помню, а тетрадь, в которую я записывал их ответы, пропала. Но отвечали они примерно так:

Первый сказал:

— Почему бы мне не молиться, раз я еврей.

Второй сказал:

— До завтрака в комнате делать нечего, а в классе тепло и светло.

Третий сказал:

— Хочу получить открытку на память о 280 совместных молитвах. Осталось 40.

Четвертый сказал так:

— Друзья во дворе сказали: кто не молится, к тому ночью явится дух, посадит в мешок, завяжет и удушит. Вот мне и страшно — а вдруг это правда?

— Меня мама попросила, — сказал пятый.

А шестой сказал так:

— Когда я прихожу по субботам к своим, дед всегда спрашивает — набожны ли дети в Доме Сирот, молятся ли? Если скажу, что нет, ему будет обидно, а врать нехорошо. (...)

Пятнадцатый сказал:

— Если я заболею, или дома какая беда с мамой или братом, или денег нет, или хозяин ворчит, или сосед — мне грустно. А как помолюсь и попрошу о чем-нибудь — сразу легче на душе становится.

Шестнадцатый сказал:

— Сам не знаю, почему прихожу молиться. Я молюсь, потому что молюсь. Не задумывался, почему. А как пойму, я вам напишу и ответ брошу в почтовый ящик.

Семнадцатый сказал:

— Когда я молюсь, сразу вспоминаю дом и как оно все было раньше. По субботам я всегда ходил с отцом в синагогу. Здесь, в Доме Сирот, тоже такой ужин устраивают, но по-другому. Мне здесь хорошо, но, когда я жил дома, больше любил людей и меня больше любили. (...) В Доме Сирот тоже дают конфеты, но тогда их приносил домой папа и дразнил меня, мол, не дам, не дам, съем сам и угощу маму. Это было весело, ведь я знал, что он шутит. По субботам дома готовили чолнт. Дома все по-другому.

Пока он так говорил, предыдущий мальчик что-то вспомнил и сказал:

— О, я знаю. У меня то же самое. Молитва — это словно я в будний день пришел домой. Молюсь и вспоминаю себе и то, и это — прямо как дома».

Сохранилось приглашение для Эммануила Рингельблума и его жены на торжество по случаю праздника Песах, устроенного на Хлодной весной 1941 г. как для воспитанников, так и для гостей Дома Сирот. Рассказывают, что Доктор в окружении двенадцати самых старших мальчиков лично произносил слова молитвы на иврите. В сентябре 1941 г. он попросил Михала Зильберберга, чтобы тот помог ему в организации богослужения во время осенних праздников — Рош-Хашана (еврейского Нового года) и Йом-Кипура (Дня искупления). Он не очень хорошо справлялся с литургией, а ошибок допускать не хотел, ведь это самые важные еврейские праздники. Во время Рош-Хашана высший Судия записывает имена добрых людей в книгу жизни, а имена злых — в книгу смерти. Следующие десять дней — это Дни Трепета, или Дни Покаяния,

время, когда нужно поладить с собственной совестью, попросить прощения за нанесенные ближним обиды. В эти дни еще можно как-то обжаловать божий приговор. Затем приходит час Йом-Кипура, и судьба человека решена.

По случаю праздников воспитанники украсили актовый зал приюта так, чтобы помещение выглядело как молельня. Пронесли в гетто цветы, раздобыли коврики и серебряные подсвечники, одолжили Ковчег Завета, в котором были свитки Торы в расшитых чехлах. Поскольку по приказу властей все синагоги в гетто были закрыты, безработные канторы пели на улицах для прохожих. Одному из них заплатили, чтобы он пропел текст молитвы. Зал был полон. Кроме детей и воспитателей в богослужении участвовали и гости. Кантор декламировал:

В Первый День Года приговор написан

И в День Покаяния скреплен печатью,

Сколько уйдет и сколько родится.

Кому суждено жить, а кому умереть...

Доктор, погруженный в молитву, стоял в углу зала. На нем была его потрепанная офицерская шинель и армейские ботинки, на голове — шелковая ермолка. В руке он держал польский молитвенник.

Перевод Игоря Белова

Книга выйдет полностью в 2013 году в издательстве "Текст" в переводе Аси Фруман.

В РОССИИ ПОМНЯТ ЯНУША КОРЧАКА

Несколько лет назад известный российский тележурналист Владимир Молчанов готовил в Польше для своего цикла «И дольше века...» программу, посвященную Анджею Вайде. Зная о моей дружбе с выдающимся режиссером, он попросил помочь, чему я был только рад. Володя всегда очень тщательно готовил свои передачи, поэтому для меня не было удивлением его скрупулезное изучение интервью и высказываний Вайды, книг о психологии поляков (особенно пригодился Бердяев), выборы натуры и мизансцен. Конечно же, не обошлось без кинодокументов. Помню, как мы поехали на Студию документальных и художественных фильмов на Хелмской в Варшаве и там, несказанно обрадовав продавщицу специализированного магазинчика, нагрузились видеокассетами. Володя, не откладывая, начал смотреть «киноматериал» у меня дома (я тогда работал собкором «Московских новостей»). Восхищался фильмами, оценивал отдельные фрагменты и был совершенно поражен картиной «Корчак» с Войцехом Пшоняком в заглавной роли. Володя неоднократно повторял: «Корчак, Корчак...», загоняя меня в тупик вопросом: «Ну почему так мало знают у нас о нем?»

Все это вспомнилось мне неслучайно. 2012 й год объявлен в Польше Годом Корчака. 70 лет назад врач, писатель и педагог Януш Корчак вместе со своими воспитанниками из «Дома сирот» на территории Варшавского гетто был отправлен на вокзал, откуда напрямиком — в лагерь смерти Трешлинка. Известного человека нацисты узнали, дали ему возможность сохранить свою жизнь. Корчак этим не воспользовался — вошел в газовую камеру, обнимая своих мальчишек и девчонок.

Российский детский фонд, который вот уже 25 лет возглавляет его основатель, известный писатель и общественный деятель Альберт Лиханов, принял на себя обязанность обратить внимание на беспримерный героизм великого учителя и защитника детей. 1 июня, в Международный день защиты детей, со сцены Большого театра России фонд огласил решение о проведении Года почитания подвига польского гуманиста Януша Корчака. Эту инициативу поддержали во всех российских регионах.

В сжатые сроки была проделана громадная работа, которая началась выпуском плаката-портрета заслуженного художника России Юрия Иванова. Фонд издал книгу Я.Корчака «Правила жизни», которая рассылается во все детские библиотеки России. Специальными посылками книги были отправлены по польским адресам: партнерам фонда, уполномоченному по правам ребенка Мареку Михалюку, в посольство России, Российский центр науки и культуры. С книгой Корчака познакомятся в государствах СНГ, странах Балтии, в Грузии, а также в Израиле и Германии, куда она отправлена для русскоязычных читателей и соотечественников. Новую публикацию повести Корчака «Король Матиуш Первый» Российский детский фонд осуществил в своем журнале «Путеводная звезда».

Стоит заметить, что произведения Корчака издавались на русском языке и при его жизни. В основном это были повести и рассказы, которые выходили в городе на Неве в разные периоды, поэтому на титульных листах прослеживается история названий этого города: Санкт-Петербург (1911), Петроград (1915), Ленинград (1924). Замечала польского писателя и Москва, выпустив «Рыцари чести» (1918) и «Джек-кооператор» (1929). После войны Корчак скорее воспринимался как педагог. Большая советская энциклопедия (1969–1978) отмечала: «Педагогическая деятельность К[орчака] основана на формировании в детском коллективе и у отдельных воспитанников навыков самопознания, самоконтроля, самоуправления». Работы Корчака оказали значительное влияние на известного советского педагога Василия Сухомлинского.

Центральным событием Года почитания подвига польского гуманиста Януша Корчака стал вечер памяти, состоявшийся 6 августа — в 70-ю годовщину его трагической гибели. В Культурном центре МИД в Москве вспоминали достойную жизнь и немеркнущий подвиг Корчака. Пришли представители дипломатического корпуса, международных организаций, МИД и Минкультуры России, творческой, педагогической и религиозной общественности. Среди гостей были воспитанники клубов интернациональной дружбы и подопечные Российского детского фонда. Особенно трогательным стало присутствие бывших несовершеннолетних узников фашистских концлагерей.

Открывая вечер, Альберт Лиханов, лауреат международной премии им. Януша Корчака, сказал: «Поступок этого учителя — в широком смысле слова — давно вошёл в героические святцы

Второй Мировой войны. Корчак признан многими народами мира, его книги не только переведены, переизданы, но его слово, обращенное к детству, до сих пор слышимо и любимо... Главным смыслом сегодняшнего поминовения Корчака я бы предложил избрать необходимость его вечного присутствия среди нас. Современную суть его слов, обращенных и к взрослым, и к детям. Его предупреждения об опасностях, обращенные к родительству. Принципы его учительствования, обращенные к педагогике и культуре. Наконец, разумное понимание правил защиты детства, проистекающее из его понимания ценностей смысла жизни». Именно так и восприняли призыв Альберта Лиханова выступающие.

«Благородные цели этого мероприятия, инициатором которого стал Российский детский фонд, напоминают нам о судьбе писателя, судьба которого — это выдающийся пример защиты детства. Героизм и мученичество Корчака вошли в легенду, — подчеркнул замминистра культуры Григорий Ивлиев. — Всем нам необходимо помнить слова, сказанные Корчаком: *“Детей нет — есть люди, но с иным масштабом понятий, иным запасом опыта, иными влечениями, иной игрой чувств...”*»

Глава Россотрудничества Константин Косачев отметил: «Как говорил известный философ Иммануил Кант, «две самые удивительные вещи в мире — это звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас». Этот нравственный закон Януш Корчак исполнил как настоящий человек. Он не только своей жизнью, но и смертью доказал, что человека сломать нельзя».

О своих впечатлениях от прочитанной в детстве книги Корчака «Король Матиуш Первый», которая дала почувствовать на всю жизнь, каким должно быть отношение к друзьям, детям и миру, поделился временный поверенный в делах Польши в России Ярослав Ксенжик. А воспитанник московского детского дома Тимур Больших говорил о книге «Как любить ребенка», назвав ее «учебником для воспитателя», а автора — «невероятно добрым человеком».

Интересные параллели привел директор фонда «Российско-польский центр диалога и согласия», доктор исторических наук Петр Стегний: «Творческое наследие Януша Корчака как педагога и писателя является достоянием всего человечества. Как педагог, он продолжал традиции Руссо и Песталоцци, с которыми его сближало скептическое отношение к идее радикального изменения социального строя. *«Надежда на лучшее будущее человеческого общества кроется не в лучшем общественном порядке, а в лучшем, чем ныне, человеке. Изменить*

мир значит изменить воспитание», — считал он. Как гуманист, Корчак стоит вровень с Альбертом Швейцером и матерью Терезой». П. Стегний сообщил, что Российско-польский центр диалога и согласия планирует совместно с польскими партнерами издать сборник произведений Януша Корчака в переводе на русский язык.

Биографов Януша Корчака могут заинтересовать малоизвестные факты, характеризующие его человеческие качества. Один из них привел уже упомянутый Петр Стегний, недавний посол России в Израиле. Корчаку и его воспитанникам установлен памятник в иерусалимском центре Яд Вашем. Там в 2003 г. состоялась «корчаковская» конференция, на которой выступил и А.Каплан — педагог, проходивший в конце 1930-х годов практику у Корчака. Вот выдержка из его выступления, которую любезно прислал сотрудник центра доктор Арон Шнеер в канун вечера памяти. А.Каплан дает портрет Я.Корчака на пике его европейской известности как публициста, педагога и писателя: «Небольшого роста, худенький, с рыжей бородкой, с неловкими движениями, весь какой-то рассеянный, этот тихий робкий человек со своим все понимающим взглядом поражал каждого, кто общался с ним. Его голубые глаза, излучавшие доброту, его сердечность привлекали к себе, покоряли твой ум и сердце. Со временем я смог убедиться, что он может быть очень резким, нетерпимым к чуждым ему явлениям. Он ненавидел мелочность, мещанский снобизм, пустословие, был невероятно энергичным, последовательным в реализации своих замыслов в любой области своей многогранной деятельности».

Своеобразие в программу вечера было внесено сюжетами, которые напомнили, что жизнь и творчество Корчака вызвали создание самых различных произведений. Прологом стал показ фрагмента мультипликационного фильма Аиды Зябликовой «Расскажите сказку, доктор», в котором использованы мотивы повести «Король Матиуш Первый» и реальные события Второй Мировой войны, связанные с подвигом Корчака. Артисты Сергей Телековский и Олег Гусев из Театра литературной импровизации выступили со сценой из спектакля «Рвется и плачет сердце мое» по произведениям Александра Галича, который одну из своих лучших поэм «Кадиш» посвятил Корчаку. Оперу-мюзикл «Король Матиуш Первый» создал Лев Конов — автор либретто и музыки. В этом году художественный руководитель, актер и режиссер педагогического театра «Творческий Центр на Набережной» в Москве Федор Сухов восстановил авторский спектакль «Дорога в небо» — документальную мистерию о «Доме сирот» Корчака.

* * *

В своем письме на имя лидера РДФ Альберта Лиханова министр иностранных дел Российской Федерации Сергей Лавров поблагодарил фонд за идею проведения памятного вечера, посвященного 70 летию со дня гибели великого гуманиста, педагога, писателя Януша Корчака. И отметил, что такие инициативы гражданского общества способствуют созданию благоприятного климата в отношениях между людьми и государствами, служат делу сохранения исторической памяти в обществе.

Валерий Мастеров — многолетний собственный корреспондент российских СМИ в Польше, статья написана специально для «Новой Польши»

«Гражданский подвиг Януша Корчака, отказавшегося покинуть детей в последние мгновения их жизни, служит многим поколениям людей в России, Польше и во всем мире примером высокого гуманизма и мужества, способных противостоять чуждому человеку ненавистнической идеологии и политической практике нацизма».

(Из пресс-релиза Российского детского фонда)

О ПОЛЬСКО-РОССИЙСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В конце июня 2012 г. в Свиноустье гостила большая делегация членов региональной общественной организация «Калининград-Свиноустье».

— *Как возникла ваша общественная организация?*

— В 1999 г. инициативная группа в составе: Николай Ильин, Б.А.Коваль, А.И.Неман, В.П.Пласунов — решила основать организацию, объединяющую российских граждан, которые служили и работали в Свиноустье в 1945-1992 гг., а также членов их семей.

— *Речь идет о советских моряках, которые служили и работали в Свиноустье?*

— Да. Первая база военно-морского флота СССР на территории Польши, тогда еще на немецкой, была сформирована по приказу командующего Балтийским флотом адмирала Владимира Трибуца в апреле 1945 г. как Колобжегская военно-морская база.

Позднее, по мере занятия Красной армией западного побережья Балтийского моря, туда перемещались и подразделения ВМФ. После окончания военных действий база была в июне 1945 г. перенесена из Колобжега в Свиноустье, тогда еще называвшееся Свинемюнде. В ее состав вошли: охрана водного района Свинемюнде вместе с островом Борнхольм, а также охрана рейда Дарлово и рейда Щецин.

Под советским надзором тогда запустили в действие часть коммунальной инфраструктуры Свиноустья, службу здравоохранения, пожарную команду, а также милицию. А вот линию до Альбека, Бансина и далее в направлении Берлина запустили с помощью немецких железнодорожников. Советские моряки очистили кроме того водный путь, ведущий к Щецину.

В октябре в Свиноустье прибыли представители польских властей, которые должны были взять на себя контроль над городом. К весне 1946 г. в Свиноустье оказалось около 500 поляков и целых 30 тыс. немцев.

— *Советский гарнизон ВМФ насчитывал первоначально 3 тыс. солдат и матросов...*

— В Свиноустье действительно находилось в то время 3 тыс. советских солдат и матросов.

— *А с какого момента в Свиноустье располагалось польское подразделение ВМФ?*

— Первое подразделение польского ВМФ разместили в Свиноустье в марте 1946 года. С того же момента советское командование начало передачу польской стороне ставших уже ненужными территорий и построек, уменьшая размер своей базы и численность ее обслуживающего персонала. В апреле 1946 г. датский остров Борнхольм, занятый советскими частями на исходе войны, возвратили Дании, а охрану тамошнего водного района распустили.

— *Что входило в состав базы советского ВМФ в Свиноустье?*

— В конце 1946 г. в состав советской военной базы в Свиноустье входили: дивизион сторожевых кораблей, отряд сторожевых катеров и отряд траловых катеров, которые охраняли водные районы немецких населенных пунктов в Варнемюнде и Висмаре. Кроме того советская база занималась связью и разведкой, а также зенитной обороной. На базе имелись: два самостоятельных (отдельных) дивизиона артиллерии наземного огня, самостоятельный дивизион береговой артиллерии в количестве четырех батарей, отдельная рота пехотинцев, а также взвод аварийной службы, батальон морской пехоты из 63 й Киркенесской бригады морской пехоты, отделение капитальных ремонтов, военный госпиталь плюс подразделения административных служб и снабжения. В конце 1955 г. в состав базы был включен дивизион торпедных катеров, а в 1964 г. — отдельная бригада ракетных катеров.

Размещение тех или иных частей военно-морской базы и в Свиноустье, и в Германии вынудило устроить специальные пограничные переходы, облегчающие сообщение.

— *Советские моряки с базы в Свиноустье приложили большие усилия для разминирования региона...*

— Наши солдаты и матросы помогли польской стороне в разминировании всей территории. В первую очередь провели траление водных путей, а затем очистили возникшую акваторию, входящую в состав базы. Советские тральщики

располагались на правом берегу Свины. Сегодня там угольный склад.

Много работы потребовалось также для подъема затонувших корпусов тех судов и кораблей, которые лежали на рейде Свиноустья. В самом порту подняли целых 27 затонувших остовов.

— В 1950 г. из существующего в Свиноустье подразделения военно-морского флота ПНР сформировали первую польскую базу, преобразованную в 1965 г. в базу 8-й флотилии обороны Побережья...

— По мере передачи очередных объектов польской военной и гражданской администрации численность советского гарнизона последовательно уменьшалась. В 1958–1959 гг. советскому гарнизону на основе межправительственного соглашения передали здания в районе приморского бульвара.

Кроме того, по мере заселения города поляками уменьшалось количество рабочих мест для немцев, многие из которых работали при советском гарнизоне. И решительное их большинство после образования ГДР в 1949 г. выехало на запад. Их места частично заняли поляки, а частично — гражданские работники, прибывшие в Свиноустье из СССР.

— Как выглядело тогда советско-польское сотрудничество?

— Между командованием советского гарнизона и польскими властями города имело место тесное сотрудничество.

Следует отдельно упомянуть о нашем сотрудничестве с Обществом польско-советской дружбы. Руководство ОПСД в Свиноустье во главе с командором Стефаном Гарасиком при помощи президента воеводского отделения ОПСД в Щецине Мирослава Банделя устраивало для советских моряков и их семей многочисленные экскурсии в Варшаву и Щецин, а также курсы польского языка и, кроме того, помогало в улаживании ряда формальностей.

— А каким образом это сотрудничество выглядит сейчас?

— Дружеские контакты были продолжены и после вывода наших подразделений из Польши. Наши люди старались поддерживать контакты со Свиноустьем и при каждом удобном случае посещать его. Мне это тоже удалось. Тогда шел 1993 год.

— Вернемся теперь к началу нашего разговора. Идет 1999 год, и в Калининграде возникает ваше объединение...

— Тогдашний командующий Балтийским флотом, адмирал Владимир Егоров поддержал инициативу о создании общественной организации «Калининград-Свиноустье» и передал нам помещение в калининградском гарнизонном Доме офицеров. Первым нашим председателем выбрали Николая Ильина.

Во время нашего первого официального визита в Свиноустье мы посетили музей польско-советской дружбы, основанный командором Збигневом Матушевским, который в процессе вывода советских войск из Польши собирал все памятные вещи, остававшиеся после нашей базы. Это были магазинные вывески, элементы обмундирования, бюсты и портреты советских деятелей и политиков, флаги и транспаранты, а также книги. Для всех собранных предметов он выделил одну комнату в своем доме, потом вторую и третью. А в конечном итоге перенес свой музей в близлежащий гараж.

Благодаря большому энтузиазму и самозабвенности командору Матушевскому за многие годы удалось собрать многочисленные предметы, без которых возникновение музея было бы невозможным. К сожалению, его дети не стали продолжать работу этого музея польско-советской дружбы.

— В 2004 г. в Калининграде гостила делегация Свиноустьинского отделения общества «Польша-Восток», а также местных властей города...

— Во время встречи с главой администрации Калининградской области была выдвинута идея об организации циклических экскурсий в Свиноустье для родившихся там российских граждан. Обе стороны доброжелательно восприняли этот замысел. Первая такая экскурсия была организована еще в том же году. Ее участники посетили дома, в которых они росли и проводили первые годы своей жизни. Позже стало традицией, что каждые два года участники очередных экскурсий, родившиеся в Свиноустье, получают от тамошних властей памятные подарки.

В нашей общественной организации действует также секция поиска российских граждан, проживавших ранее в Свиноустье. Многие годы ею руководила Валентина Лучникова.

Нельзя также обойти вниманием посещение памятников и советского кладбища. К сожалению, после вывода советских

войск власти Свиноустья решили ликвидировать установленный в центре города памятник польскому и советскому морякам. Этот памятник символизировал нашу общую историю.

Военные ветераны из Свиноустья, а также представители общества «Польша-Восток» старались не допустить ликвидации памятника. Власти города демонтировали памятник ночью. Его удалось, однако, уберечь от полного уничтожения и установить на советском участке свиноустьинского кладбища. Тем самым старания польских военных ветеранов, а также руководства общества «Польша-Восток» завершились успехом. Новый памятник, увековечивающий польского и советского солдата, был реставрирован и торжественно открыт в 2003 году.

— Что нового произошло в жизни вашего объединения за последние годы?

— К нашим последним успехам следует отнести установление контактов с Варминско-Мазурским воеводским отделением бывших профессиональных солдат и офицеров запаса Войска Польского. Благодаря их стараниям, а также содействию началось наше плодотворное сотрудничество. Так, в 2005 г. по их приглашению мы совершили экскурсию в Ольштын и Варшаву. Наши члены, а также их семьи вместе с представителями польской стороны были приняты военным атташе посольства Российской Федерации в Польше и возложили цветы к памятнику советским солдатам в Варшаве.

Осенью 2007 г. наши представители вместе с польскими офицерами запаса участвовали в торжествах по случаю годовщины окончания Второй Мировой войны. Наше сотрудничество с Варминско-Мазурским воеводством быстро развивалось, в связи с чем уже на протяжении некоторого времени наша общественная организация благодаря совместно организуемым мероприятиям де-факто сменила название на «Калининград-Свиноустье-Ольштын».

— Вы еще не упоминали о международных фестивалях патриотической песни...

— С целью укрепления контактов между нашей общественной организацией и нашими польскими друзьями вместе с их семьями, а также с ветеранами Второй Мировой войны мы занялись организацией совместного фестиваля патриотической песни. Первый международный фестиваль патриотической песни был проведен уже в 2007 г. в

Светлогорске в помещениях тамошнего детского санатория. Финансовую поддержку этого мероприятия мы получили от тогдашнего командующего Балтийским флотом вице-адмирала Константина Сиденко.

В соответствии с уставом фестиваля на нем могут выступать только любители — коллективы и солисты любых возрастов. В репертуаре выступающих должны присутствовать: одна-две патриотические песни на родном языке и как минимум одна — на втором.

Добавлю, что к организации фестиваля активно подключился польский генеральный консул в Калининграде, который передал нам тексты и музыку многих польских песен. Кроме того, благодаря помощи других лиц удалось сделать из фестиваля очаг российско-польской дружбы.

Представители Варминско-Мазурского отделения бывших профессиональных солдат и офицеров запаса Войска Польского предложили, чтобы фестиваль происходил попеременно в России и Польше, на что мы охотно согласились. В этом году очередной, уже VI Международный фестиваль патриотической песни проходил в августе в Мронгове.

Беседу вел Лешек Вонтрубский

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

В Польше учреждена новая важная награда — литературная премия имени Збигнева Херберта. Учредитель — фонд имени Збигнева Херберта, который официально сообщил о своем создании 21 сентября в «Театре Польском» в Варшаве.

— Не я создала этот фонд, а Збигнев Херберт, который в течение нескольких лет перед смертью постоянно возвращался к теме присуждения премий, — сказала вдова поэта Катажина Херберт. — Удалось это сделать через 14 лет после его смерти.

Цель премии — награждать деятелей мировой литературы за выдающиеся художественные и интеллектуальные достижения, связанные с миром ценностей, к которому тяготело творчество Херберта. Премия будет присуждаться ежегодно в области поэзии здравствующему автору за совокупность творчества. Жюри премии Херберта 2013 года составила группа выдающихся поэтов и знатоков литературы со всего мира: Эдвард Хирш, Вольфганг Матц, Ярослав Миколаевский, Хауме Валькорба Плана, Агнета Плейель и Томас Венцлова. Секретарем жюри стал Анджей Франашек — редактор отдела культуры краковского «Тыгодника повсехного», литературный критик и эссеист.

Лауреатом литературной премии «Нике» нынешнего года стал Марек Бенчик, автор сборника эссе «Книга лица» (издательство «Свят ксёньжки»). Жюри этого проводящегося уже в 16-й раз важнейшего в Польше литературного конкурса отметило работу лауреата за «веру в литературу, слово, стиль и писательство само по себе». В 23 очерках Марек Бенчик очерчивает портреты важных для него личностей — от Виннету, Лео Бенхакера и Казимежа Гурского до Раймонда Чандлера, Бодлера и Яна Карского. Эти эссе складываются в захватывающую автобиографию читателя литературы, но также и человека, ценящего жизнь в разных ее проявлениях.

Лауреат (род. 1956) изучал романскую филологию в Варшавском университете. Прозаик, эссеист, переводчик Кундеры и Чорана, историк литературы в Институте литературных исследований Польской академии наук, а также искушенный знаток вин. Четырежды был выдвинут на «Нике».

««Книга лица», — написал Тадеуш Соболевский на страницах «Газеты выборчей», — погруженная в традиции эссе и в историю литературы, свою форму черпает из новых интернетных форм общения. Ее заголовок — это парафраз слова «Facebook», соединение слов «лицо» и «книга». Критики обратили внимание на ироничность этого заголовка: Бенчик в бумажной книге воссоздает структуру «Фейсбука», которая, в свою очередь, наследует эссеистической структуре «Опытов» Монтеня, является структурой эссе, создает анахроничный конгломерат, обладающий собственным скрытым естественным планом. Здесь соединяется всё со всем: романтизм с современностью, родной Грохув с большим миром, проза с поэзией.

«Нике» читателей «Газеты выборчей» получил Анджей Франашек за книгу «Милош. Биография».

Седьмым лауреатом Центральноевропейской литературной премии «Ангелус» стал босняк Миленко Ергович за роман «Срда поет в сумерках на Пятидесятницу». Премия для переводчиков присуждена переводчице романа с хорватского Магдалене Пертынской. Премии были вручены 20 октября в зале Вроцлавского оперного театра.

По-русски рассказы Миленко Ерговича и отрывки из его книги «Отец» печатались в «Иностранной литературе».

Лауреатом присуждавшейся в 50-й раз премии имени Фонда Костельских стал Анджей Дыбчак, автор книги-репортажа о путешествии по Сибири под заголовком «Гугара» (издательство «Чарне»). Это дневник его пребывания в Красноярском крае и одновременно история семьи тамошних оленеводов. Автор, по образованию этнолог, участвовал также в создании документального фильма под тем же названием.

Премия Костельских — для авторов не старше сорока лет — присуждается с 1962 года. Действующий в Женеве Фонд Костельских — один из самых старых польских культурных институтов. Премию вручили 13 октября в Милославе.

Очередной успех авторов, обращающихся к российской тематике: лауреатами Премии имени Беаты Павляк — журналистки и писательницы, погибшей десять лет назад во время теракта на индонезийском острове Бали, — стали в этом году Бартош Ястшембский и Енджей Моравецкий за книгу «Красноярск-Ноль» (издательство «Sic!»). Премия имени Беаты Павляк присуждается с 2003 г. за публикации на тему иных культур, религий и цивилизаций. «В этой книге меня

привлекло нечто, что понравилось бы патронессе премии, а именно, что авторы обладают смелостью исследовать столь неуловимый, столь трудный для описания аспект мира, как человеческая духовность», — сказал Адам Шосткевич, председатель жюри, на торжестве вручения премии в Варшаве 12 октября. Ранее в интервью для «Культуры либеральной» авторы объяснили значение заголовка своей книги:

— Название «Красноярск-Ноль» можно понимать по-разному. Для нас главная тема — это вопрос религиозной жизни, которая там возрождается с нуля. Красноярск был крепостью коммунизма уже во время революции 1905 г., потом стал закрытым городом ввиду создания там центра тяжелой и атомной промышленности. Жители Красноярска были по определению связаны с аппаратом власти. Поэтому там не было места религиозной жизни. Для нас это был исследовательский полигон. В этой книге нас интересовали прежде всего лабораторные условия, в которых мы могли исследовать, каким образом возрождаются или трансформируются религиозные движения. Важно также, что Красноярск — это город без индивидуальности. Он не прельщает, да ему и нечем. Это артефакт социалистической эпохи, то есть ноль с эстетической точки зрения. Город Ничто. Но со временем он преодолевает свое ничтожество: за городом никаких зданий кроется город особенных людей с особым опытом.

91-й день рождения отметил 9 октября Тадеуш Ружевиц. По этому поводу издательство «Бюро литерацке» анонсировало выход первой за четыре года книги поэта. В сборнике «то и сё» публикуются новые стихи Ружевицы, фельетонные заметки, а также богатый иллюстративный материал — авторские рисунки, факсимиле рукописей, посвящения от друзей поэта, в частности Леопольда Стаффа. Уже сейчас на странице www.biuroliterackie.pl читатели найдут два новых стихотворения поэта — «на ты с Чеславом» и «профессия — литератор». В первом из них Ружевиц обращается к продолжавшемуся 55 лет знакомству с Чеславом Милошем. «Мы всегда говорили друг другу / «Пан» / Мы решили / Что «ты» нам не подходит», — пишет поэт.

Знаменитому роману Витольда Гомбровича «Фердидурка» 75 лет. Книга впервые была напечатана в 1937 г. издательством «Руй» («Рой»); предисловие и проект обложки принадлежат Бруно Шульцу. По случаю юбилея романа, переведенного уже на 27 языков (русское издание — М.: Кристалл, 2000, пер. А.Н. Ермонского), «Выдавництво литерацке» и библиотека Варшавского университета подготовили выставку «Фердидурка

— это я». На ней представлены, в частности, варшавские адреса Гомбровича. В торжественном открытии выставки, которую можно посетить до 15 ноября, участвовали вдова писателя Рита Гомбрович и Мигель Гринберг, аргентинский писатель, журналист и переводчик, который печатал тексты Гомбровича.

Музей плаката в Вильянуве напомнил о творчестве Стефана Норблина, выдающегося, но несколько забытого польского художника, мастера плаката межвоенного периода и виртуоза стиля ар-деко. Главную часть экспозиции составляет индийский эпизод в жизни Норблина, который во время войны работал в Индии для магараджи Джодхпура. Выставка «Искусство вне времени. Стефан Норблин (1892-1952)», организованная в связи со 120 летием со дня рождения и 60 летием со дня смерти художника, будет открыта до 31 января 2012 года.

Фильм Лешека Давида «Ты бог», рассказывающий историю легендарной силезской группы хип-хопа «Пактофоника», оказался самой популярной польской лентой этого года. Только за первые три недели картину посмотрели почти 1,3 млн. зрителей.

Камня на камне не оставила критика от фильма «Битва под Веной» (совместное производство Польши, Турции, Италии) в постановке итальянца Ренцо Монтинелли с участием Мурей Абрахама (блестящий Сальери в «Амадеусе» Формана), Ежи Сколимовского в роли короля Яна III Собеского и группы великолепных польских актеров. Заголовки рецензий не оставляют сомнений: «Поражение на всех фронтах», «Постыдный провал под Веной», «Суперляпсус», «Банкротство под Веной», «Венская битва? И фиаско!»

— Фильм Монтинелли — это религиозно-милитаристская сказочка третьего сорта, — считает Яцек Щерба из «Газеты выборчей». — Если бы такое снял поляк, от публичного остракизма его бы не спасло даже пешее паломничество в Ченстохову. Скажем прямо: это вообще не история венской победы 1683 года, которая играет лишь вспомогательную роль. Это кинематографический гимн триумфу католичества. Триумф в столкновении с исламом.

По мнению Павла Фелиса из той же газеты, «Битва под Веной» — это вообще курьез, топорная ярмарочная байка, подбитая прокатолической идеологией на уровне соцреалистического ширпотреба, но, самое главное, безнадежный провал в кинематографическом смысле.

Так же считает и рецензент «Критики политической»:

— Батальные сцены — просто дешевка, режиссуры практически нет, актеры (их, наверное, задушили долги) играют что-то постыдное (Якуб Маймуреk: «What do you say, Sobiesky?»).

Польский институт киноискусства внес на создание этого уродца два миллиона злотых.

В кинотеатре «Киев» в Кракове 9 октября прошла торжественная всепольская премьера фильма «Облава», который в нынешнем году на XXXVII фестивале в Гдыне был отмечен «Серебряными львами».

— Этот фильм — моралите, рассказ о том, как проявляют себя люди перед лицом войны, — сказал перед показом режиссер и автор сценария Мартин Кшишталович. — Если угодно, это трактат о предательстве, которое принимает разные формы и разные лица.

Военный триллер, действие которого разворачивается во время Второй Мировой войны, режиссер посвятил своему отцу, солдату Армии Крайовой. Главные роли сыграли Мартин Дороцинский, Мацей Штур, Соня Бохосевич и Вероника Росати. По мнению критики, наполненное военными реалиями моралите Кшишталовича — один из лучших польских фильмов последнего десятилетия. Безупречно выстроенный, ярко сыгранный, фильм доказывает, что необязательно нужен большой бюджет для большого кино.

В Познани открыл юбилейный сороковой сезон Польский театр танца. Запланированы цикл мультимедийных балетных зрелищ, показ архивных фильмов с незабываемыми хореографическими работами маэстро Конрада Джевецкого, а также новые спектакли театра, вот уже почти 25 лет возглавляемого его ученицей Эвой Выциховской. Юбилей открылся 16 октября спектаклем «The Unknown — Неизвестная» (хореография Павла Малицкого) в павильоне №2 Международной Познанской ярмарки.

Артисты из Белоруссии, России, Украины и Польши собрались на XVII Театральные Встречи в Люблине (13–20 октября). Публика имела возможность увидеть спектакли современные, авангардные, часто далекие от традиционного классического театрального искусства. Не было недостатка в театре документальном, политическом, в фотографии и компьютерных визуализациях.

Нынешний фестиваль был посвящен отмечающему десятилетие художественной работы Павлу Пассини; зрители увидели, в частности, уже показанный на театральном фестивале в Эдинбурге его последний спектакль «Манекен. Книга блеска». Лукаш Витт-Михаловский представил свой последний польско-украинский спектакль «Апория-43 / Десять заповедей: местная мировая война», затрагивающий тему преступлений на Волыни в 1943-1947 гг. «Театр Post» из Петербурга привез два спектакля, до сего времени не показанных в Польше, — основанные на текстах белорусского драматурга Павла Пряжко «Запертая дверь» и «Я свободен» в режиссуре Дмитрия Волкострелова.

На этот спектакль публика будет ломиться в двери и окна. Речь идет о монодраме Кристины Янды «Данута В.», поставленной по канве автобиографической книги «Мечты и тайны» Дануты Валенсы (300 тыс. проданных экземпляров!). Жена легендарного вождя «Солидарности» с необычайной искренностью рассказывает в ней о себе, своей семье и бурной истории Польши последних десятилетий. Немало в этом повествовании и горечи женщины, которая неожиданно осталась одна, когда муж стал принадлежать только «Солидарности», только Польше.

Гданьская премьера спектакля, поставленного Янушем Заорским, прошла 11 октября в театре «Выбжеже», варшавская — 12 октября в театре «Полония».

Кристина Янда говорит, что работа над ролью потребовала огромного эмоционального напряжения: «Эта роль отчасти выходит за границы профессии, я первый раз думаю о том, чтобы не расплакаться на сцене».

Спектакль нравится и публике, и критике — по многим причинам. Одну из них точно уловил Роман Павловский в «Газете выборчей»:

— Спектакль Янды — политический спектакль, потому что дает слово женщинам, которые были исключены из истории. Замена в названии фамилии героини инициалом символична. Это биография не жены профсоюзного вождя, а всех женщин, которые, как и она, были отодвинуты от участия в социальной перестройке Польши и низведены до роли домашней живности. «В этом доме была «Солидарность», но забывалось, что есть еще и семья», — произносит в одном из эпизодов Янда, и эта фраза многое говорит о характере польской революции. Возможно, если бы женщины приняли в ней большее участие, мы жили бы сегодня в другом мире.

Прощания

13 сентября умер Влодзимеж Мацёнг, видный литературный критик, историк литературы и писатель, профессор Ягеллонского университета. Ему было 87 лет.

21 сентября в возрасте 82 лет в Варшаве умер Роман Сливоник, поэт, прозаик, публицист, один из крупнейших представителей поколения «Вспулчесности» — журнала, начавшего выходить в 1956 году. Роман Сливоник совмещал варшавскую, колоритную, иногда хулиганскую мужскую жизнь с лирической поэзией. Молодые годы и друзей он описал в книге воспоминаний «Портреты на фоне буфета». В 2011 г. получил премию им. Владислава Реймонта за совокупность творчества.

10 октября в Варшаве в возрасте 83 лет умер Ежи Яроцкий, один из крупнейших режиссеров в истории польского театра. Он был связан с краковским Старым театром им. Хелены Моджеевской и варшавским Национальным («Народовым») театром. Изучал актерское мастерство в Кракове, позже окончил режиссерский факультет московского ГИТИСа. Его кумирами были два великих русских реформатора театра — Константин Станиславский и Всеволод Мейерхольд. С самого начала режиссерского пути он ставил преимущественно современную драматургию. Открыл для театра пьесы Гомбровича, Виткация, Мрожека и Ружевича. Его легендарные, усыпанные премиями спектакли: «Танго», «Горбун», «Портрет» Мрожека, «Физики» Дюрренматта, «Мать», «Портные» Виткация, «Вышел из дома», «Моя доченька» Ружевича, «Сумерки» Бабеля, «Вишневый сад», «Три сестры» Чехова, «Процесс» Кафки, «Ревизор» Гоголя, «Жизнь есть сон» Кальдерона, «Серебряный сон Саломеи» Словацкого, «Брак» Гомбровича — навсегда записаны в историю польского театра.

Смерть прервала работу режиссера над последней его постановкой — спектаклем «Узел» в «Народовом».

14 октября в Варшаве умер Януш Красинский, прозаик, драматург, репортер, автор радиопередач — например, незабываемой «Шляпы». Ему было 84 года. Во время оккупации — член «Серых шеренг», боец Варшавского восстания, узник Освенцима. В 1947 г. был арестован по обвинению в шпионаже в пользу США и осужден на 15 лет тюрьмы, из которой вышел в 1956 году. Издал около двадцати книг, в числе последних — четырехтомный цикл автобиографических романов, отмеченный в 2006 г. премией им. Юзефа Мацкевича («На погибель», «Лицом к стене», «Бессилие», «Перед агонией»). В

2005–2008 гг. был председателем Объединения польских писателей.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Я уже давно собираюсь написать статью на тему довольно резких, если не сказать носящих черты эволюционной мутации, перемен в журналистике, не только, впрочем, в польской. Они не связаны с изменением политической системы или отменой цензуры, потому что если понаблюдать за метаморфозами западноевропейских журналов, то можно без труда усмотреть процессы, которые я имею в виду. Недавно я дал себе труд проследить, каким образом представлена тематика культуры на страницах немецкого еженедельника «Шпигель» последних десятилетий. Здесь мы имеем дело с той же закономерностью, что и везде: уменьшение числа текстов, требующих углубленной рефлексии, например солидной эссеистики, низведение культурной информации к чему-то вроде уголка курьезов, вторжение текстов, посвященных поп-культуре. Конечно, если иногда случается что-то, что имеет не только художественное, но и политическое измерение, как, например, появление в новой книге неизвестных эпизодов из жизни Гюнтера Грасса, тогда журнал уделяет этому несколько большее внимание. Понятно, что дело здесь не доходит до рассмотрения литературных достоинств произведения.

Это, однако, не ново. Давным-давно, при Юлии Цезаре, появилась первая известная в европейской традиции «газета» — «*Acta diurna populi romani*», где первоначально публиковались отчеты о заседаниях Сената или тексты произносившихся там речей, а под конец существования наступила полная «таблоидизация» этого издания, сосредоточившегося на расхожих сплетнях и сенсациях. То же и теперь, но несколько иначе, так как кроме печатной прессы разрастается пространство электронных СМИ, включая и интернет. Старая истина, гласящая, что хорошее лежит, а дурное далеко бежит, выражается в журналистской практике не только уменьшением числа материалов, требующих интеллектуальной подготовки («это слишком сложно для нашего читателя»), но и возрастающей агрессивностью.

На это обращает внимание Мариуш Яницкий в статье «Правдоиды из таблоидов», опубликованной в «Политике» (2012, №41):

«Люди, связанные с журналистикой, начинают понимать, насколько далеко зашло дело. Недавно Гжегож Мецугов (...) сказал в интервью, что «сегодня главная слабость СМИ — это потребитель; когда мы говорим о таблоидизации медийной сферы, то говорим именно о таблоидизации потребителя».

Это вызвало иронические комментарии, началась дискуссия на тему «кто начал», действительно ли СМИ оглушают или они лишь отвечают на запросы всё более примитивных вкусов (...). Этот спор вызвал дискуссию в Интернете, где прозвучали разные голоса, например: «СМИ согрешили в тот момент, когда в погоне за прибылью пошли на упрощенчество. СМИ создали спрос на таблоидизацию, ибо, вместо того, чтобы приучать потребителя к более высокому уровню, проще и дешевле было потакать самым низменным вкусам». Свое мнение выразила одна из телевизионных ведущих: «Это мы, журналисты, ведущие и делающие программы, заигрываем, идиотствуем (...)». Идиотизм не ограничивается лишь бульварными газетами, пестрыми журнальчиками, телевидением, демонстрирующим преимущественно развлекательные программы, или интернетом с его порталами сплетен — список можно продолжать. С таблоидным мышлением должны теперь считаться школы, университеты, творцы культуры, политики. И отвечать на такой запрос, приспосабливая к нему содержание».

Далее Яницкий пишет: «Медиаведы и культурологи констатируют, причем часто с одобрением, что сегодня стирается различие между низкими и высокими материями. Но такое стирание, как обычно, направлено вниз. Так случилось, что низкая, массовая эстетика влияет на творцов высоких смыслов, так как они не могут принять, что, предлагая значительное содержание, оказываются коммерчески менее успешны, чем торговцы убогим умом». Всё верно, причем хотелось бы напомнить, что эту ситуацию сумел увидеть и прекрасно литературно представить Тадеуш Конвицкий, который эпоху перемен приветствовал изданным сразу же после 1989 г. романом с провокационным названием «Чтиво». Здесь не место анализировать книгу, но нелишним будет сказать, что этот художественный жест прекрасно определил диагноз новой ситуации в культуре — и даже шире: в гуманитарной сфере. Данная тема не была, в общем-то, поднята ни критикой, ни самой литературой. Только недавно появился роман, в котором прозвучала эта проблематика, уже иначе сформулированная, — последний роман Инги Ивасюв «По-быстрому», название которого прекрасно обозначает тип контакта современного человека с тем, что Яницкий

определяет как «высокие смыслы» и «значительное содержание», прогрессирующую маргинализацию этого контакта как в Польше, так и во всем Евросоюзе. Эти две книги могут подтвердить откровение Милоша из «Поэтического трактата», а именно, что «все поэты в Польше — как барометр» (пер. Н. Горбаневской).

В заключительной части статьи Яницкого говорится:

«Ощутимо наступает (...) переломное время в борьбе с таблоидным сознанием, и есть надежда, что не все потеряно. Тем более что таблоидизация жизни влечет очень глубокие общественные и политические следствия. Развлекательная, отказывающаяся от «скуки» общественность становится слабым звеном демократической системы. Всё меньшая группа людей, понимающая механизмы власти и финансов, правит всё большей группой, которая этого не понимает и понимать не хочет. Граждан уводят с агоры, общественного форума, в ближайший колизей на бесконечные игрища (...). На форуме же остались те, кто имеет власть, мандарины, сужающаяся элита, которая хорошо знает, что политика — это не примитивное шоу для народа, а информация — это не новостной дивертисмент. Возрождается что-то вроде цезаризма, а нити, за которые дергают новые цезари, всё менее заметны публике, увлеченной жизнью звезд (и гладиаторов). Если когда-либо воплотится миф о маленькой таинственной группе людей, решающей судьбы мира, то это не потому, что она тихой сапой захватила власть. А потому, что эта власть и контроль над ней были заброшены гражданами, которые ушли смотреть телевидение к завтраку».

К этому стоит добавить, что значительная часть журналистов начала играть роль, доселе предусмотренную для судей, прокуроров, идеологов и самих политиков. Известный термин «четвертая власть» давно уже изменил свое значение — и тем яснее видно, что эта власть часто становится властью узурпаторов, всезнаек, хамоватых и агрессивных, не считающихся ни с партнерами, ни с потребителями создателей собственных миров, в которых они сами хотят играть главную роль. Известная журналистка, которая, проводя интервью с выдающимся экономистом, знает всё лучше него и перебивает на полуслове, чтобы задать очередной вопрос, на который сразу же сама отвечает и, не обращая внимание на протесты собеседника, меняет тему, чтобы через минуту оборвать «интервью» решительным «Мы должны заканчивать», потому что пора, ясное дело, крутить рекламу, — это типичная телевизионная сценка. Такой медиамир рассматривает

Паулина Вильк в статье «Речь Посполитая дезинформации», опубликованной в «Тыгоднике повшехном» (2012, № 42):

«Журналисты, замкнутые в своих собственных делах, всё хуже понимают окружающую их действительность. Всё реже ее замечают, доказательство чему — скукожившаяся международная тематика. (...) Карта мира полна дыр: Куба появляется, когда туда летит Папа, Йемен — когда нужно отвлечь внимание от экономических вопросов, а Индия — когда жертвами теракта становятся европейцы. Польские журналисты представляют всё более узкие горизонты, живут историйками, которые под рукой: политическими скандалами, мрачными экономическими прогнозами, внутрицеховыми спорами. Единственная точка отсчета для них — непосредственная конкуренция, а не солидные зарубежные издания. Они слишком заняты собою, затмевают весь восхитительный мир. (...) В салоне СМИ все говорят сразу. Множатся публицистические программы, дискуссии с самого утра, циклы интервью. Неустанно льются слова, и можно подумать, что из стольких высказываний должна родиться дискуссия, что вот так и реализуется демократическая идея свободы слова, которая с минуты на минуту породит важные ответы. В действительности всё наоборот. Дело идет не к диалогу, а ко всё более глубокому размежеванию, уничтожающему возможность общественного обсуждения. Оно не может происходить без участия СМИ, однако те в этом не заинтересованы. Им важно поляризовать аудиторию, завлечь кричащей обложкой, провокационными заголовками, напугать, указать на врагов».

Если бы речь шла только об общественной дискуссии или политике, то с грехом пополам можно было бы понять, что эти, всё менее образованные, однако не лишённые амбиций люди зачастую могут существовать только благодаря демонстрации своих способностей декламировать монологи. Вместе с тем, не относится к исключениям «нагнетание драматизма» в любой ситуации: даже в комментариях к прогнозу погоды от градуса к градусу — что выше нуля, что ниже — растет напряжение: сейчас всё замерзнет или сейчас жара парализует жизнь страны, а старики будутдохнуть как мухи. В газетах это напряжение трудно создавать, но на телевидении, особенно «информационном», это уже модель, которую ничем не заменить. Единственным исключением могла бы быть трансляция взрыва нашей галактики. И права Паулина Вильк, когда пишет:

«Журналисты заняты уже не описанием мира, а созданием его фиктивной версии. Нам разыгрывают телесериалы о непримиримых медиасемьях, якобы сражающихся за правду и идеалы. (...) Только дотошные репортеры могут докопаться до сути вещей. К сожалению, они заразились увлечением зрелищами и сегодня с энтузиазмом стилизуют истину. Жаждают ролей первого плана, помпы, прославления. В течение неполных десяти лет польская журналистика из пространства общественного доверия оказалась перенесена в орбиту развлечения. (...) Различие между таблоидами и изданиями, формирующими мнения, тоже стало стираться. В редакциях изданий, считающихся серьезными, применяются те же приемы и методы, что в бульварной прессе и порталах сплетен».

Всё это правда, но следовало бы обратить внимание на тот факт, что в этой деятельности журналисты лишь выполняют задания, подчиняются издателям: газета должна продаваться, телевизионная программа должна набирать рейтинг, иначе не будет рекламы, то есть денег. В этой ситуации, как и ранее, «при коммуне», журналисты становятся девочками и мальчиками на посылах. Они должны играть так, чтобы приносить прибыль: раньше — идеологическую, теперь — финансовую. Журналисты прекрасно знают, что если не будет спектакля на публику, они сразу потеряют работу. Время от времени еще появляется кто-то пожилой, кого держат в редакции «чести дома ради», кто делает содержательную программу, неуклонно отодвигаемую на самое невыигрышное время, на поздние ночные часы. Это никак не меняет грустного положения вещей:

«В моде ссылки на анонимные источники и резкие реплики в анонсах. Ценится не обмен мыслями, а быстрый обмен ударами, сражение с противником за каждое очко до явной победы одной из сторон. (...) Пресса не поощряет самостоятельного мышления, производит готовые мнения. Скоротечная чахотка вульгарности, тривиальности гложет СМИ изнутри. Сейчас идет к упадку вторая из важнейших газет, формирующих общественное мнение, — мощная волна увольнений в «Газете wyborczej» устраняет интеллектуальную субстанцию, необходимую для создания ежедневной газеты. (...) Подобный демонтаж произошел год назад в «Жечпосполитой». (...) Устранение из двух общепольских ежедневных газет почти всех профессиональных кадров и замена их неквалифицированными производителями дает двойной эффект. Из обихода исчезает полноценная информация, а тем самым окончательно узаконивается

псевдосодержание. (...) Такой вектор перемен в польских СМИ — это результат слабости тех, кто нами руководит. Влиятельным редакторам не хватило проницательности и даже здравого смысла. Соглашаясь на беспардонную конкуренцию за внимание потребителя, они отбросили важнейшее измерение функционирования СМИ: ответственность за качество общественной дискуссии и контроль за властью предрежащими. Фрустрированные утратой исключительного положения, журналисты, слышащие за спиной дыхание звезд и интернета, открыли фестиваль саморекламы. Начали использовать СМИ, в которых работают, как трамплины для приобретения популярности».

И, наконец, завершение статьи:

«“Я не читаю газет, не смотрю телевизор”, — вот новое кредо польских интеллигентов. Еще недавно такое признание было бы компрометирующим: человек опытный, начитанный должен был быть и информированным. Сейчас же он должен активно отмежевываться от глупости и дезинформации, ибо то, что предлагают СМИ, его оскорбляет. И он ищет специальной информации в интернете, скачивает добротные сериалы, ходит в кино, вместо газет покупает книги. Отстраняется от некомпетентных проводников и вкладывает немало усилий в самостоятельный поиск значительного содержания. А если хочет дискутировать, приглашает домой знакомых. Ибо приватное пространство — единственное, в котором ведется серьезный разговор о Польше». Справедливости ради добавим: и о мире.

Одно не подлежит сомнению: если так пойдет и дальше, мне будет здесь не о чем писать — не о том же, что несут газеты, живущие рекламой. Но все-таки еще остаются, как еще у нас говорят, «tołstyje żurnaly».

КАК МЫСЛИ И КОНЦЕПЦИИ ВЛИЯЮТ НА МИР?

— Когда вы впервые столкнулись с парижской «Культурой»?

— Значительно раньше, чем с другими эмигрантскими изданиями. Сразу после октября 56-го в некоторых читальных залах научных библиотек появилась возможность доступа к «Культуре». В библиотеке Польского института международных дел (ПИМД) всегда существовала очередь желающих. Я читал «Культуру» с пылающим лицом. Иногда кто-нибудь привозил какой-либо экземпляр из-за границы.

В определенный момент ПИМД получил согласие на то, чтобы из книг, задержанных пээнэровскими таможенниками, выбирать что-либо для своего книжного фонда. Директор попросил меня просмотреть грудку ставших доступными книг. Прежде чем отнести отдельные из них в библиотеку, я на несколько дней взял их домой.

«Культуру» я читал нерегулярно. Она всегда производила на меня впечатление — непринужденной свободой авторских мнений, часто полемичных, но всегда выдержанных в духе терпимости и интеллектуальной открытости. Имела свой стиль. Была воплощением того, что выражалось заглавием трактата Станислава Лещинского середины XVIII века, — «Свободный голос, обеспечивающий свободу». Я знал это произведение по урокам истории в краковском лицее. У меня сложилось впечатление, что «Культура» во второй половине XX века несла читателям в стране ту же самую основную идею.

В Польше свобода слова отсутствовала, но едва ли не повсеместным было убеждение, что если уж какой-либо текст напечатан, то за этим непременно должна стоять какая-то достаточно серьезная сила. В результате существовало сознание, что каждое печатное слово — коль скоро оно подверглось ранее цензуре — выражает нечто такое, за что редакторы и власть берут ответственность. В результате одни читатели почти всё отвергали, считая, что, раз коммунисты печатают это, оно обязано быть ложью. Другие питали убеждение: если текст напечатали, что-то в этом должно быть. Достаточно часто в доказательство того, что некий взгляд серьезен и заслуживает внимания, я слышал такое мнение: «Что-то в этом есть, так как я сам видел: оно было напечатано».

Авторы таких точек зрения исходили из предположения, что слово обладает действенной силой, ибо выражает позицию власти.

С «Культурой» было совершенно иначе. Авторы выражали свои взгляды, полемизировали между собой, читатели присылали письма — велись дебаты. Это было совсем другое духовное измерение. Другой способ восприятия и выражения действительности.

— Кто из тогдашних авторов «Культуры» врезался вам в память?

— Главный ее публицист Юлиуш Меровский, другими словами, прославленный «Лондонец», а также знаток СССР, пишущий под псевдонимом Адам Кручек, который печатал иронические обзоры советской прессы. Многие годы спустя я узнал, что под этим псевдонимом скрывался историк Михаил Геллер, автор изданных в эмиграции превосходных аналитических материалов о советской системе, который на волне послеоктябрьской репатриации сначала эмигрировал из СССР в Польшу, где недолго работал в Польском агентстве печати, а потом в ходе антисемитской травли 1968 г. выехал на постоянное жительство в Париж и занял кафедру в Сорбонне. Его шеститомную историю России я прочитал с большим интересом. И узнал из нее, что практически до XIX века российской историографии не существовала. Записи хронистов в так называемых летописях, как правило, возникали по заказу властителей. Это были скорее идолопоклоннические тексты, почти сказки, а не попытки объективного воспроизвести историю. Отсюда так трудно исследовать древнюю историю России. Источники, которыми мы располагаем, — это в значительной мере мифология.

Другой автор «Культуры», которого я охотно читал, — это «Брюсселец», иначе говоря, недавно скончавшийся Леопольд Унгер, легенда журналистики, последние двадцать лет связанный с «Газетой выборчей». Чтение «Культуры» я начинал с его очерков-фельетонов. Читал, кроме того, украинскую и немецкую хронику, а также комментарии «Берлинца». Под этим псевдонимом писал — тоже недавно умерший — профессор Богдан Осадчук, провозвестник послевоенного примирения между поляками и украинцами.

— Какой была роль парижской «Культуры» в формировании позиций интеллигенции во времена ПНР?

— Значительно большей, чем повсеместно считается. В 70-х годах появились миниатюризированные издания номеров «Культуры» и выпущенных в ее издательстве книг. Я задумывался над тем, кому и каким способом пришел в голову такой метод контрабанды запрещенных публикаций, как «папиросная бумага». И через много лет неожиданно открыл, что у этой формы печати есть своя история. На такую идею нелегального провоза литературы уже в середине XIX века натолкнулась эмигрировавшая в Женеву украинская интеллигенция.

Дошел я до этого при следующих обстоятельствах. В рамках доверенной мне миссии по выработке политического решения конфликта в Приднестровье я поздней осенью 1992 г. попал в Киев. Город выглядел так же, как Борис Пастернак описывал Россию после октябрьской революции. На вокзале кочевали толпы людей, самолеты не летали за неимением топлива. Везде хаос и неразбериха. Никто ничего не знал.

В рамках своей молдавской миссии — после переговоров в Тирасполе и Кишиневе — мне предстояло лететь из Киева в Москву на встречу с министром иностранных дел России Андреем Козыревым. Ввиду отсутствия самолетов мы с послом Славомиром Домбровой решили ехать поездом. Но билетов не было. По указанию канцелярии президента Леонида Кравчука два офицера его охраны за какую-то сверхъестественную сумму купили на черном рынке два билета на поезд — для меня и посла.

Я располагал несколькими свободными часами. И отправился в книжный магазин. Хотел купить историю Украины. Во времена СССР по-украински никакой такой истории не опубликовали. В Москве под покровительством Академии наук СССР еще в сталинские времена вышла история Украины — по-русски.

В киевском книжном магазине я нашел два репринта истории Украины — Михайло Грушевского, книгу, напечатанную во Львове в начале 20-х годов, а также переиздание другой книги, опубликованной в Канаде. Увидел я в том книжном магазине и миниатюризированное издание «Кобзаря» Тараса Шевченко — это был репринт выпущенной в Женеве в 1878 г. книжечки, которую контрабандой перебрасывали в царскую Россию.

Следует знать, что царь Александр II во время пребывания в германском Эмсе издал специальный указ, который налагал запрет на печатание книг по-украински. Указ возбранял привозить и печатать любые тексты на украинском языке за исключением книг из Священной истории и нот, — но только

после получения личного согласия царя. Даже главный цензор не имел права допустить публикацию какого-нибудь текста по-украински. Именно тогда у украинского издательства «Громада» в Женеве родилась мысль провозить тайком произведения украинских поэтов и писателей из Швейцарии в миниатюризированных изданиях как бумагу для папирос под названием «Авада», которые пользовались большим спросом и в массовых масштабах импортировались в Россию. Их размер (55х85 миллиметров) определил формат публикаций, которые в целлофановой упаковке «Авады» попадали к получателям на Украине. Спустя сто лет этой идеей воспользовалась «Культура», миниатюрные версии которой доставлялись читателям ПНР.

Эта традиция оставалась живой. В точно таких же миниатюризированных изданиях доставляли контрабандой в Советский Союз Библию и «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына.

Перевозка через границу и чтение такого запрещенного экземпляра поднимали уровень адреналина. Хотя в Польше таможенный контроль был менее суров, чем в ГДР, однако и здесь можно было подвергнуться различным притеснениям — запрещению выезда, потере работы и даже приговору, особенно за распространение. В России запрещенную литературу в массовом порядке переписывали — как правило, от руки или на пишущих машинках. Советский строй отбросил цивилизацию к эпохе до Гутенберга.

В конце 70-х годов парижская «Культура» циркулировала в самиздате. По существу радиус его действия был сопоставим с досягаемостью обычных официальных изданий, тем более что доступ к некоторым легальным публикациям ограничивался лимитами на бумагу. Зато любой экземпляр, переброшенный тайком, читался десятками людей. Плотина, ограничивавшая доступ к этой литературе, оказалась прорванной в 1980 году.

— Что вас привлекало в этом журнале? Тексты о геополитике, материалы на культурные темы, анализы ситуации в стране?

— Каждый экземпляр, который попадал в мои руки, я прочитывал от корки до корки. У меня есть, к сожалению, такая привычка: если я начинаю читать что-нибудь, то прочитываю до последней фразы, хотя иногда после окончания чтения констатирую, что это было потерей времени.

В случае «Культуры» у меня имелся другой опыт — ее чтение доставляло мне двойное удовольствие: значительная часть материалов была на высочайшем уровне, а вдобавок это был

запретный плод... Меня с первого же прочтения убедила концепция УЛБ [Украина—Литва—Белоруссия] — свободной Польши, поддерживающей отношения со свободными Украиной, Белоруссией и Литвой, — но я считал ее слишком идеалистической. Не предполагал, что осуществление такой идеи станет возможным при моей жизни.

— Почему?

— Действительность, в которой я вырос, созрел и жил, — подавляла. В поддающемся предвидению будущем я не усматривал ни малейшей надежды на какую-либо альтернативу. Представлялось, что решающее значение имеет голая и грубая сила. Первым моим опытом, пережитым зрелым способом, было кроваво подавленное восстание в Познани и затем менее чем через полгода — советские танки на улицах Будапешта. Это произошло в 1956 г., а спустя 12 лет дошло до интервенции войск Варшавского пакта в Праге. Доносились до нас и передаваемые шепотом известия о бунте в Новочеркасске, а также о разных других протестах, подавляемых в Советском Союзе. Об этом не говорилось громко, но до Польши докатывались отголоски того, о чем люди в России потихоньку рассказывали на кухнях. Потому что, как вы знаете, в СССР самые интересные разговоры велись на кухне — в наивном убеждении, будто там никто не подслушивает.

Всё это закрепляло довольно-таки всеобщую убежденность в том, что мирные перемены невозможны.

Обзоры советской прессы в парижской «Культуре» позволяли взглянуть как бы со стороны — иронически и с сожалением — на абсурд той действительности, в которой я жил. В суждениях и шуточных комментариях «Лондонца», а потом и «Брюссельца» мне нравилась их остроумная блистательность и эрудированные отступления, которые не теряли главной нити и не затушевывали основную идею.

— В 1952 г. «Культура» опубликовала письмо Юзефа З. Маевского, семинариста из ЮАР, написавшего, что поляки должны примириться с утратой Вильнюса, Львова, Гродно. Среди эмиграции его письмо вызвало горячие протесты. Каково значение этого текста?

— В политическом достоянии «Культуры» этот вопрос был одним из самых важных. «Культура» сломала табу — положила начало болезненному прощанию с «кресами». Имела мужество совершить то, что для других выглядело невообразимым. Побуждала оценивать ситуацию Польши в категориях

реального, а не желаемого. Ясное дело, если бы не Вторая Мировая война, эти земли остались бы в границах польского государства. Такими были постановления Рижского договора, заключенного в 1921 г. после польско-большевицкой войны. Этот договор закрывал важный для обеих сторон исторический этап — заканчивал войну и прочерчивал границы. Эти решения были необходимыми: война довела как Польшу, так и большевицкую Россию до изнурения. Но и у Польши имелись на востоке более честолюбивые устремления, и Россия считала установленный Рижским договором статус-кво преходящим состоянием. Вторая Мировая война и предшествовавший ей пакт Молотова—Риббентропа перечеркнули этот порядок раз и навсегда.

Никто, даже, пожалуй, Сталин, не мог вообразить, что советская армия будет квартировать в Германии полвека — с 1945 г. почти пятьдесят лет. Прекратить такое состояние дел и вернуться к *status quo ante* — положению до 1939 г. — было нереалистичным мышлением о желаемом. Ежи Гедройц обладал полным осознанием этого. И превосходно ощущал это еще и потому, что сам был родом с кресов. Знал, что отказ от мечтаний о возвращении во Львов и Вильнюс — это *conditio sine qua non* для налаживания отношений нового типа с соседями на востоке.

— *В чем еще состоит величие провидения Гедройца?*

— В том, что он принимал во внимание возможность распада советской империи. Был «политическим животным». И посчитал, что самый лучший способ для восстановления Польшей полной суверенности и построения нового положения в регионе без кровавых конфликтов состоит в субъектной трактовке народов тех советских республик, которые соседствуют с Польшей. Это требовало дальновидного стратегического мышления и вместе с тем — большого гражданского мужества. Уже хотя бы потому, что значительная часть польской эмиграции на Западе вела свой род с кресов. Это были люди, которых советская власть сослала в Сибирь и Среднюю Азию. Многие из них покинули СССР во время войны вместе с армией Андерса. Гедройц выбрал трудную дорогу: говорить правду — пусть даже неприятную — вместо того, чтобы угождать взглядам, в соответствии с которыми «одна атомная бомба — и во Львов вернемся снова».

У парижской «Культуры» хватало мужества провозглашать и тезис, что нам необходимо заново наладить отношения с Германией, хотя то обстоятельство, что после войны мы получили — главным образом как компенсацию за

территории, утраченные в пользу СССР, — наши нынешние западные и северные земли, такого соглашения не облегчало. Необходимо помнить, что поляков и немцев после войны разделяла пропасть, прежде всего ввиду гитлеровских преступлений и памяти о немецкой оккупации, жестокость которой не имела никаких аналогий в истории польского народа и любого народа Европы. Ослабленная Германия и укрепившаяся за ее счет Польша должны были хорошо способствовать безопасности в Европе — при условии, что дело дойдет до польско-немецкого примирения.

Аргументы «Культуры» были в большей мере рациональными, чем эмоциональными, и не убеждали решительного большинства поляков в эмиграции.

— Концепция парижской «Культуры» стала готовой матрицей для политиков, которые пришли в Польшу к власти после 1989 года. Не было ли конкурентных идей?

— Было много разных идей и замыслов. Однако концепция Гедройца и Мерошевского была не только мыслительно цельной и наиболее зрелой — в момент, когда дошло до изменения общественного строя, решающую роль сыграло то, что идея УЛБ функционировала в интеллектуальном обиходе уже сорок лет. О ней дискутировали, вели споры, полемизировали с таким подходом, но постепенно осваивались с необходимостью считаться с реалиями. Совокупность многочисленных мыслей и концепций можно сравнить с большим дубом, с которого падает несколько сот тысяч желудей. Однако только из одного рождается новое дерево — из того, который падает в подходящее время на подходящую почву и оказывается в хороших условиях для развития: на месте, прогреваемом солнцем, с надлежащей влажностью и т. д. Так обстояло с концепцией Гедройца и его команды.

Нужно помнить, что во время Второй Мировой войны оккупанты лишили Польшу интеллектуального слоя. Это были обдуманные и коварные действия. Сегодня мы часто говорим о таблоидизации публичной жизни. А в сущности имеем дело с более глубоким явлением, так как за ним часто скрывается отсутствие профессиональной подготовки у руководящего слоя, его склонность принимать решения в экстренном порядке, *ad hoc*, в ответ на внешние обстоятельства, нередко — эмоциональным, чтобы не сказать инфантильным, способом. Это реже встречается в странах Северной Европы или в Германии. Я упоминаю об этом, потому что среда парижской «Культуры» была словно бы заменителем той элиты, которая на родине после войны отсутствовала. В Польше остались

своеобразные островки в виде «Знака» и «Тыгодника повшехного», а также их окружения. Существовала также политическая мысль Болеслава Пясецкого и «Пакса», которая делала ставку на извечный антагонизм с Германией и прочную зависимость Польши от России.

Новые концепции польской политики по отношению к соседям появились в начале 1990-х. Это связано не только с восстановлением полной суверенности и субъектности, но и с простой констатацией того, что наше внешнее окружение радикально изменилось. Вместо трех соседей — СССР, Чехословакии и ГДР — у Польши их появилось семь, и, что парадоксально, это были совершенно новые государства: Россия, Украина, Белоруссия, Литва, Словакия, Чехия и объединенная ФРГ. В таком виде и в таких границах никакая из этих соседних стран никогда ранее не существовала. Отношения с ними требовалось налаживать заново. Концепция «Культуры» стала — после восстановления полной суверенности — естественной и хорошей исходной точкой для поиска новых фундаментальных основ польской государственности и прочной безопасности.

— Ежи Гедройц, однако, не очень любил первого главу польской дипломатии после 1989 г. — Кшиштофа Скубишевского.

— Это правда. Гедройц считал, что Скубишевский слишком формалистичен и рассуждает как юрист, а не политик. Что он человек не новых идей, а скорее консервативной рутины. По существу оба они — безотчетно, но превосходно — дополняли друг друга. Гедройц сформулировал концепцию, а Скубишевский реализовал ее в форме установлений и юридически оформленных международных договоров.

Скубишевский рассматривал международно-правовое оформление договоренностей со всеми соседями Польши как нечто неимоверно важное — как фундамент дома, который мы не видим, но без которого здание может рухнуть. С течением лет подтверждается, что это был очень верный подход. Одним из критериев присоединения Польши к НАТО было требование урегулировать отношения с соседями и устранить источники потенциальных конфликтов с ними. Польская внешняя политика под руководством профессора Скубишевского позволила справиться с этой задачей быстрее и лучше, чем политика любого из прочих государств, добивавшихся принятия в союз.

Кшиштоф Скубишевский предвидел и смог реализовать то, что пригодилось нам на практике. Мы оказались первой страной из

всех посткоммунистических государств, стремившихся попасть в НАТО, которая — в момент, когда открылся шанс на присоединение к союзу, — имела урегулированные отношения со всеми соседями.

— А сегодня, двадцать два с лишним года спустя после восстановления Польшей своей суверенности, остается ли еще концепция Гедройца по-прежнему актуальной?

— Концепция и идея, которая лежала в питавшей ее почве, сохранили актуальность. Скажу больше — лишь теперь возникли условия для воплощения этой концепции в жизнь. Это касается как Украины, Белоруссии и Литвы, так и России.

Мудрость Гедройца нашла также отражение в последних годах его жизни: он не желал продолжения «Культуры» после своей смерти. Не исключено, что в случае продолжения этот журнал ждала бы судьба, похожая на судьбу «Тыгодника Солидарность», сегодняшняя форма которого имеет мало общего с первообразом. Этот еженедельник, который некогда, после августовской забастовки, выстраивал сознание поляков, сегодня полностью маргинализирован и не оказывает сколько-нибудь заметного влияния на установки нового поколения. Любопытно, что «Культура» — хотя она не выходит уже свыше десяти лет — представляет собой важный составной элемент духовной жизни польского общества. Она не только возбуждает интерес у исследователей истории политической мысли и литературоведов, но и служит источником вдохновения и предметом споров. Можно сравнить ее с хорошей литературой, с поэзией — как драмы Шекспира не теряют свежести и актуальности. Они по-прежнему трогают нас, поскольку содержат вневременные истины.

— Примеры?

— Вот первый попавшийся. Не думаю, чтобы в 70-е годы и даже позже Александр Квасневский предполагал, что если он когда-нибудь станет оказывать решающее влияние на политику, то самым крупным авторитетом признает Ежи Гедройца, а его политическую мысль — дорожным указателем. Квасневский имел мужество сказать это не только самому себе, но — как президент государства — заявил об этом публично. Стал поборником идеи УЛБ и построения новой Восточной Европы в соответствии с видением Гедройца и Мерошевского.

Другой пример — творение выдающегося переводчика с русского, литературного критика и писателя Ежи Помяновского, который — выполняя завещание Гедройца —

основал издаваемый по-русски журнал «Новая Польша», адресованный интеллигенции на пространствах бывшего Советского Союза. Профессору Помяновскому удалось создать великолепный журнал, куда зачастую более половины текстов присылают авторы из России — поэты, писатели, художники. Он стал свободной трибуной для русских, заинтересованных Польшей — ее культурой, традициями и современностью. «Новая Польша» лишена антироссийских фобий. Это образец издания, редактируемого с культурой — честно и критически, но доброжелательно. Оно служит доказательством того, что взаимная доброжелательность не мешает говорить правду. Напротив — сближение народов, диалог, согласие и примирение требуют, чтобы во взаимных отношениях не было полуправд и умолчаний. Значительная часть польской элиты «говорит Гедройцем» — даже если не отдает себе в этом отчета.

— *Польша в XX веке не располагала избытком идей.*

— Вопреки видимости, в природе нет слишком большого числа новых идей. До войны Антонина Валлентин, автор биографий многих известных людей, готовила книгу о жизни Альберта Эйнштейна. И во время прогулки в парке спросила ученого, каким способом он фиксирует новые мысли, которые ведь приходят ему в голову в разных ситуациях, к примеру, в процессе игры на скрипке, во время купания или, как сейчас, на прогулке. «Дорогая фрау, — ответил тот, — новая мысль приходит так редко, что если она уже появится, то ее помнишь».

— *Мыслям парижской «Культуры» свойственно то, что их помнят.*

— После 1989 года они попали в свое время.

На это обращает внимание Александр Квасневский. 90-е годы, особенно в нашей части Европы, действительно бывали иногда необыкновенными. Открылись новые шансы и возможности. Потребность в новых и великих идеях была тогда большей, чем когда-либо.

Сегодня мы поглощены повседневностью. В глазах политиков ныне идеи не в цене и даже доставляют им некоторые хлопоты. Тем временем перед нами стоят проблемы и угрозы, не имеющие прецедента. Без великих идей нам не справиться с новыми вызовами. Многомерные кризисы касаются многих областей. Их разрешение требует нового подхода. Это означает необходимость выработки европейским сообществом и национальными государствами совершенно новых,

нетрадиционных способов преодоления глубокого кризиса, который затрагивает не только финансы, но прежде всего политику сообщества и способы принятия решений.

В государствах зрелой демократии внешняя политика часто исключается из партийных споров. Партии, стоящие у власти, сменяются, сменяются правительства — и, словно в эстафете, передают друг другу палочку, внося в общую национальную стратегию не более чем осторожные коррективы. Сегодня Вилли Брандт — икона для немецких христианских демократов, хотя когда-то он подвергался критике за свою восточную политику и требование помириться с Польшей. Думаю, что идеи Гедройца — как редко какие — могут служить такой плоскостью национального политического консенсуса.

Но в Германии этот консенсус не идеален. Временами поднимаются голоса, которые пытаются его подрывать, переписывать историю. Примером служит хотя бы недавнее интервью Гюнтера Грасса израильской газете «Гаарец», в котором нобелевский лауреат сравнил судьбу немецких пленников на Востоке с Катастрофой и сознательно завысил число немецких жертв Второй Мировой войны.

Грасс всегда выражал то, что бродит в душе у немцев. Он был и по-прежнему остается своеобразной национальной мембраной. Мы не должны отказывать немцам в праве оплакивать своих жертв войны. У каждого народа есть право на память о собственных предках. Это естественно и человечно.

Однако историю нельзя ни менять, ни фальсифицировать. Нельзя также замалчивать, в чем заключались причины той войны, кто был виновником — а кто жертвой. В устах Грасса подобные слова удивляют. Долгие годы его считали совестью послевоенной Германии и немцев. Добавим, что это человек с левой родословной.

У меня складывается впечатление, что происходят какие-то перемены в сознании немцев, в их мышлении о собственном месте в нынешней и будущей Европе. Появляются попытки релятивизировать ответственность за войну, всё чаще предпринимаются действия, цель которых — включить Германию скорее в группу жертв, нежели виновников. Я верю, однако, что немецкие элиты настолько зрелы, что сумеют противостоять такой инструментализации истории.

— Спор о Гедройце часто сводится к спору между прагматиками и романтиками. В чем Польша сегодня больше нуждается?

— Мы не сумеем разрешить эту дилемму. Это спор о сущности — сущности того, кто мы такие, а также куда и какими путями устремляемся. В исторических рассуждениях нет места для «альтернативных сценариев» или же для вероятностного подхода — «что было бы, если бы...». Романтики утверждали и утверждают, что если бы не восстания XIX века, то Польша растаяла бы в империях России, Пруссии и Австрии. Разнящийся подход находил выражение в позиции тех, кто делал ставку на «органическую работу» и «работу у основ». Своей правдой обладали и прагматики, называвшиеся в те времена позитивистами, которые строили польскую промышленность, науку, финансы, культуру и поддерживали Церковь. Таким в общих чертах был путь, избранный чехами. Часто мы не осознаём, что в XIX веке влияние Варшавы сильно ощущалось не только в Российской Империи, но и во всей Европе. Я имею в виду не одни лишь идеи, но также экономическое влияние. Достаточно упомянуть несколько фамилий из мира крупных финансистов, имевших свои представительства в России и всей Европе: Кроненберги, Теплитцы, Натансоны, Эпштейны, Ян Готлиб Блох. Как писал о них Александр Гертц, социолог и автор уже классической книги «Евреи в польской культуре», названный слой отождествлял себя с польскостью и с тем, что в общественном смысле представляется «лучшим», — эти люди строили дороги, выкладывали средства на культуру и искусство, поддерживали благотворительность.

Для восстановления независимости и построения новой польской государственности требовался как прагматизм, так и романтизм. Во время конференции в Версале (1918) понадобился и создатель польской национал-демократии (эндеков), а вместе с тем дипломат Роман Дмовский, и организатор польских вооруженных действий, наделенный большой харизмой Юзеф Пилсудский, любитель и знаток поэзии Словацкого. Они были крупными фигурами. Оба совершали ошибки, не очень-то любили один другого, но без их усилий не было бы свободной Польши. То же самое требуется сегодня.

— *А что сегодня может служить большой идеей для Польши?*

— Я понимаю сегодняшний романтизм как большую идею, программную мысль, которая устанавливала бы стратегические цели. Это не означает, что такая идея, мысль и стратегия должны быть оторванными от действительности.

Часто мы ссоримся из-за семантики, названий, а не из-за существа дела. Аксиология в политике нужна и даже

необходима — она позволяет четко наметить азимут продвижения и охарактеризовать самые важные дела. Такое самое важное дело — использовать шанс на наверстывание исторических запаздываний в развитии, на инновационность и построение современного демократического государства. Это означает потребность в перестройке системы образования. В ставке на величайшее богатство, каким является интеллектуальный потенциал молодых поляков. Остальное — это вещи производные, они касаются модернизации инфраструктуры, строительства автострад, обеспечения всем широкополосного интернета, изменений в способах управления и администрирования.

Можно спросить, почему за двадцать с лишним лет свободной Польши мы не построили до конца ни одной автостреды. Почему то, что возможно в маленькой Словении, Хорватии, Словакии, сталкивается в Польше с непреодолимыми препятствиями? Там ведь и условия значительно сложнее — строить дороги в горах труднее, чем у нас, на равнинных территориях.

— *Почему нам не удалось?*

— Наверно, очередные министры инфраструктуры дадут вам компетентные ответы, где будут содержаться десятки второстепенных подробностей. Я знаю об этом, потому что задавал указанный вопрос и, получив ответ, не становился умнее.

Наряду со многими достоинствами у нас есть отдельные исторически сформировавшиеся и глубоко укорененные недостатки. Наши элиты сварливы, непримиримы, склонны к сутяжничеству. И не хотят согласиться с тем, что их долгосрочные позитивные действия должны бы означать инвестирование в какие-то вещи, которые станут успехом их преемников.

Я клоню к тому, что несколько площадок необходимо исключить из партийных споров. Так было до войны — оборона государства не была предметом политических дразг. А ведь до войны польское государство было очень бедным. Но ряда вещей удалось достигнуть: интегрировать земли, аннексированные тремя державами при разделах, создать общую правовую, образовательную, коммуникационную систему, построить Гдыню и Центральный промышленный район. Я мог бы продолжать этот перечень достижений. Стоит помнить, что межвоенный период продолжался всего лишь двадцать лет! Да и во времена ПНР, иначе говоря, режима, который в своих

основаниях не был правительством свободного и суверенного государства, удалось восстановить Варшаву, интегрировать западные и северные земли с остальной страной, ликвидировать неграмотность, включить целые слои изъятых людей — крестьянство и городскую бедноту — в общественное кровообращение.

Моя мечта — чтобы сегодня нашлись политики, которые были бы в состоянии выработать общенародный консенсус в вопросах, фундаментальных для будущего Польши.

— *Каких?*

— Я имею в виду вопросы стратегического и экзистенциального измерения: безопасность, внешнюю политику, а также образование и инфраструктуру. Обо всём остальном мы можем спорить и ссориться. Мне хотелось бы дожить до момента, когда найдутся политики, готовые создать такую плоскость национального согласия.

Архиепископ Юзеф Житинский в одном из последних текстов, опубликованном уже после его кончины, писал, что от Гедройца мы можем учиться уважению к плюрализму: когда последний господствует, даже существенные различия не уничтожают общности, основанной на таких ценностях, как патриотизм, свобода и уважение к человеку.

Наследие Гедройца и людей из его окружения: Зофьи Герц и Юзефа Чапского, Юлиуша Меровского и Леопольда Унгера, Ежи Помяновского и многих других — это культура реализма и диалога. Достояние «Культуры» служит доказательством того, что можно различаться красиво.

Беседа из книги: Адам Даниэль Ротфельд. В тени. 12 бесед с Мартином Войцеховским.

Варшава: Агора — Польский институт международных дел, 2012. — На польск. яз.